

И 282
КЛАССИКИ СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АВГ. СТРИНДБЕРГА.

Томъ XI.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЛЕГЕНДЫ. ВИТТЕНБЕРГСКИЙ СОЛОВЕЙ.

Изданіе В М Саблина
Единственный представитель - *Ш^{ко} Культура*

114

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.**

Томъ XI.

Изданіе В. М. Саблина.

Августъ Стриндбергъ.

ЛЕГЕНДЫ.

ВИТТЕНБЕРГСКІЙ СОЛОВЕЙ.

ПЕРЕВОДЫ:

А. Владиміровой и С. Григорьевой.

XI - 11225

Москва. — 1911.

2007086863

Типографія В. М. Сабліна.

Москва, Петровка, домі Обидиною. Телеф. 131-34.

ЛЕГЕНДЫ.

Перев. А. Владиміровой.

Посвященіе.

Моимъ братьямъ по несчастью посвящаю я эту книгу и въ то же время прошу у нихъ снисхожденія за тѣ нескромности, которыя я допустилъ въ ней съ честнымъ намѣреніемъ и похвальной цѣлью.

Ихъ дѣло оправдать меня или осудить, мнѣ же остается лишь просить простить меня, если я поступилъ плохо.

Авторъ.

БѢСНОВАТЫЙ ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЧОРТА.

Преслѣдуемый Эриніями, очутился я въ концѣ-концовъ, въ декабрѣ 1896 года, въ небольшомъ университетскомъ городѣ Лундѣ въ Швеціи. Кучка небольшихъ городскихъ домиковъ вокругъ собора, похожее на дворецъ зданіе университета и библіотека, все это являлось цивилизованнымъ оазисомъ среди большой пустыни южной Швеціи.

Я не могу не удивляться утонченному уму, выбравшему для меня это мѣсто заключенія. Для уроженцевъ Шонена Лундскій университетъ на хорошемъ счету, но для сѣверянина, какъ я, попавшаго сюда, кажется, что онъ очутился на наклонной плоскости и свалится внизъ.

Затѣмъ для меня, имѣвшаго далеко за сорокъ лѣтъ въ роду, уже лѣтъ двадцать женатаго и привыкшаго къ домашней семейной жизни, казалось униженіемъ, ссы-

лать быть приговоренному къ общенію со студентами, съ такими людьми, погруженными въ развратную кабацкую жизнь и отмѣченными въ бѣльшей или меньшей степени родительски-заботливымъ начальствомъ академіи за свой оппозиціонный образъ мыслей.

Ровеснику и бывшему товарищу профессоровъ, которые теперь не выносили меня, мнѣ поневолѣ пришлось искать сближенія со студентами и взять на себя роль противника людей пожилыхъ и положительныхъ. Я опустился—это истинное выраженіе. И за что? За то, что я не захотѣлъ покориться законамъ общественнаго и семейнаго рабства. Какъ на священный долгъ, смотрѣлъ я на борьбу за сохраненіе своей личности.

Осужденный на изгнаніе, презираемый, проклятый отцами и матерями, какъ обольститель молодежи, я нахожусь въ положеніи, напоминающемъ змѣю въ муравейникѣ, тѣмъ болѣе, что я не могу покинуть города вслѣдствіе денежныхъ затрудненій.

Денегныя затрудненія! Это моя судьба уже цѣлыхъ три года, и я понять не могу, какъ это высохли всѣ источники. Двадцать четыре театральныя пьесы моего сочиненія теперь брошены въ уголъ и ни сдана болѣе не ставится; столько же романовъ и рассказовъ, и ни одно изданіе не возобновляется. Всѣ попытки произвести заемъ потерпѣли неудачу и рушатся и по сіе время. Послѣ того, какъ я продалъ все, что имѣлъ, нужда принудила меня продать письма, полученныя мною за многіе годы, т.-е. то, что принадлежало другимъ!

У меня сложилось впечатлѣніе, что эта неизмѣнная бѣдность объясняется особой цѣлью, такъ что я въ концѣ концовъ примирился съ ней, какъ съ основной частью моей эпитиміи за грѣхи и уже не пытаюсь противиться.

Что касается лично меня, свободнаго писателя, то для меня бѣдность не имѣетъ большого значенія, но не быть въ состояніи обезпечить дѣтей, это—истинный позоръ.

Пусть же будетъ позорно! Пусть будетъ стыдно! Я не поддамся искушенію заплатить своей жизнью за ложную честь!

Готовый на все, опоражниваю я съ рѣшительностью до дна всю чашу униженія и наблюдаю за тѣмъ, какъ начинаются мои очистительныя страданія.

Благовоспитанные юноши изъ хорошихъ семей встрѣтили меня однажды ночью въ коридорѣ кошачьей серенадой. Я принимаю это какъ нѣчто заслуженное и не двигаюсь.

Мнѣ хочется снять меблированную комнату. Хозяева отказываются сдать мнѣ комнату подъ весьма прозрачными предлогами и отвѣтъ свой бросаютъ мнѣ прямо въ лицо. Я дѣлаю визиты, и меня не принимаютъ. Это пустяки!

Но что бичуетъ мнѣ душу, это высокоумѣнная иронія, проявляющаяся произвольно въ словахъ моихъ юныхъ друзей, когда они желаютъ придать мнѣ бодрость тѣмъ, что восхваляютъ мои литературные труды, столь грозные своими освободительными «идеями» и т. д.! А я-то не такъ давно вышвырнулъ эти такъ называемыя идеи въ помойную яму, такъ что сторнники этихъ воззрѣній сдѣлался моими противниками! Я воюю съ моимъ прежнимъ «я», и, побѣждая моихъ друзей и прежнихъ товарищей по взглядамъ, я самъ топлю себя.

Хорошее стеченіе обстоятельствъ, и какъ драматическій писатель, я не могу не любоваться поразительнымъ сочиненіемъ этой трагикомедіи.

Дѣйствительно прекрасно созданная сцена.

Однако подробно не разсуждаютъ съ такимъ старн-

комъ, какъ я, о сплетеніи старыхъ и новыхъ взглядовъ, которые скрещиваются въ эпохи переходнаго времени, и не особенно серьезно относятся къ моимъ аргументамъ, но скорѣй спрашиваютъ о новинкахъ въ мірѣ идей.

Я открываю для нихъ преддверья храма Изиса и предупрекаю наступленіе оккультизма. Поднимается гвалтъ, и меня побиваютъ, при чемъ пользуются для этого тѣмъ же оружіемъ, которымъ я въ продолженіе двадцати лѣтъ воевалъ противъ суевѣрія и мистицизма.

Такъ какъ подобные дебаты обыкновенно имѣли мѣсто въ ресторанѣ и сопровождались чрезмѣрнымъ употребленіемъ винограднаго сока, и разговоръ переходилъ въ бурный споръ, то я понемногу приобрѣтаю обыкновеніе разсказывать лишь о фактахъ и о дѣйствительныхъ случаяхъ, прикрываясь маской просвѣщеннаго скептика. Нельзя конечно сказать, чтобы замѣчалось отвращеніе ко всему новому,—напротивъ; но люди стали консервативны, такъ какъ идеаль требуетъ, чтобы побѣда была достигнута въ борьбѣ, и они не склонны дезертировать, а тѣмъ паче отрекаться отъ вѣрованія, купленнаго дорогою цѣною крови. Тогда приходитъ мнѣ на умъ перебросить мостъ между натурализмомъ и супернатурализмомъ тѣмъ, что послѣдній является лишь развитіемъ перваго.

Съ этой цѣлью возбуждаю я вопросъ о томъ, чтобы было дано, какъ было указано выше, разрѣшеніе всѣмъ необъяснимымъ явленіямъ, которыя окружаютъ насъ. Я раздваиваю свою личность и на первый планъ выдвигаю натуралистическаго оккультиста, но въ душѣ остаюсь неизмѣненъ и лелѣю зародышъ исповѣданной религіи. Часто беретъ верхъ экзотерическая роль; я такъ смѣ-

шиваю объ свои природы, что могу смѣяться надъ своимъ недавно приобрѣтеннымъ вѣрованіемъ, что способствуетъ тому, что мои теории могутъ приспособиться къ самымъ упорнымъ направленіямъ.

Вяло и страшно мрачно проходитъ декабрь мѣсяць подъ темно-сѣрымъ туманнымъ небомъ. Хотя я по разъясненію Сведенборга и одержалъ верхъ надъ рогомъ моихъ страданій, но я никакъ не могу заставить себя вдругъ склониться передъ рукой таинственной силы. Возгорается моя страсть къ протесту, и я все хочу открыть истинную причину въ людской злобѣ. Наэлектризованный днемъ и ночью, такъ что грудь сжимается и сердце усиленно бьется, бѣгу я изъ своего застѣнка и отправляюсь въ трактиръ, гдѣ застаю друзей. Я пью неимоვნю много—единственное средство заснуть ночью. Но отвращеніе и чувство стыда, усиленные неутомимымъ безпокойствомъ, заставляютъ меня временами прекращать все это, и иногда вечеромъ я отправляюсь въ кофейню общества трезвости подъ названіемъ «Синей ленты». Но мнѣ жутко становится отъ общества, которое я тамъ встрѣчаю: голубоватоблѣдныя и истощенныя лица, страшные и злые глаза и молчаніе.

Проходитъ время, и вино кажется благодѣяніемъ, а воздержаніе наказаніемъ. И я снова возвращаюсь въ трактиръ и тамъ, послѣ того какъ самъ наказалъ себя нѣсколькими чайными вечерами, не выхожу изъ предѣловъ умѣренности.

Приближается Рождество, и я взираю на праздникъ дѣтей съ холодной горечью, которую я не хочу почитать названіемъ смиренья. За семь лѣтъ пришлось мнѣ много выстрадать, и я ко всему готовъ.

Одинокѣ живу въ гостиницѣ! Ну, это давно было какъ бы моимъ злымъ рокомъ, и къ нему я привыкъ. Кажется, что моимъ удѣломъ должно быть все, что я ненавижу.

Тѣмъ временемъ завязалась болѣе тѣсная близость между мною и кружкомъ друзей, такъ что кое-кто изъ нихъ начинаетъ открывать мнѣ свое сердце. Дѣло въ томъ, что за послѣдніе мѣсяцы произошли нѣкоторыя вещи...

Небывалыя, неожиданныя вещи...

«Разскажи!»

И мнѣ разсказываютъ, что глава возмущившейся молодежи, самый свободный изъ всѣхъ свободомыслящихъ, выйдя недавно изъ лѣчебницы для алкоголиковъ и снявъ съ себя обѣтъ трезвости, нынѣ вернулся на путь истинный, такъ что онъ даже...

— Ну что же?

— Поетъ псаломъ покаянія.

— Невѣроятно!

Дѣйствительно молодой человѣкъ, отличавшійся незауряднымъ умомъ, въ настоящее время измѣнилъ своимъ взглядамъ, примкнувъ къ воззрѣніямъ, царившимъ въ университетѣ, относительно, между прочимъ, и употребленія спиртныхъ напитковъ. При пріѣздѣ моемъ въ городъ онъ, вслѣдствіе своей умѣренности, держался нѣсколько въ сторонѣ, хотя все же одолжилъ мнѣ *Argana coelestia* Сведенборга, которую онъ досталъ для меня изъ родительской библіотеки. И я припоминаю, что послѣ того, какъ я началъ читать это сочиненіе, мнѣ ясно представилась теорія Сведенборга, и я предложилъ ему

прочестъ это сочиненіе пророка, чтобы вразумиться, но что онъ прервалъ меня въ полномъ отчаяніи.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я этого не хочу! Не теперь! Позднѣй!

— Ты боишься?

— Да, въ настоящее время!

— Но хотя бы, какъ литературное произведеніе?

— Нѣтъ!

Сначала мнѣ казалось, что онъ шутитъ, но потомъ мнѣ стало ясно, что онъ говорилъ вполнѣ серьезно.

— Скажи мнѣ, старый другъ, можешь ли ты спать по ночамъ?

— Не совсѣмъ! Видишь ли, когда я лежу и не сплю, передо мной проходитъ вся моя прожитая жизнь. Всѣ глупости, которыя я сдѣлалъ, всѣ мои страданія, всѣ несчастья проносятся мимо меня, въ особенности же всѣ глупости. А когда все пронесется до конца, то начинается сначала!

— Значитъ, и съ тобой то же!

— То же?

— Да! Это болѣзнь нашего времени! Это называютъ Божьей мельницей.

При напоминаніи о Богѣ онъ оскалилъ зубы.

— Да,—возразилъ онъ,—странное время, въ которомъ мы живемъ; оно перевернуло весь міръ.

— Воцарились таинственныя силы!

* * *

Прошли святки. Мои собутыльники на время каникулъ разбрелись по окрестностямъ Лунда. Въ одно прекрасное

утро является ко мнѣ мой другъ, врачъ психіатръ, и показываетъ записочку отъ нашего общаго друга, писателя, съ приглашеніемъ пріѣхать въ домъ его родителей, въ имѣніи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города.

Я отказываюсь ѣхать, такъ какъ ненавижу всякое путешествіе.

— Но онъ нехорошо себя чувствуетъ.

— Что съ нимъ?

— Бессонница. Ты вѣдь знаешь, онъ опять кутилъ...

Я говорю, что у меня срочная работа, и вопросъ остается неразрѣшеннымъ.

Но послѣ полудня приходитъ другая записка, гласящая, что писатель боленъ и проситъ врачебнаго совѣта своего друга.

— Что же еще съ нимъ?

— Онъ нервень, неврастенкъ, и ему кажется, что его преслѣдуютъ...

— Демоны?

Не совсѣмъ такъ, но...

Желая увидѣть собрата по несчастью, рѣшаюсь ѣхать.

— Ну, такъ ѣдемъ,—восклицаю я.—Ты займешься медициной, а я заклинаніемъ.

Впрѣчемъ, я рѣшаюсь связать эту поѣздку съ тѣми, которыя я иногда предпринимаю для изученія Шонена.

Рѣшившись такимъ образомъ ѣхать, я укладываю свой чемоданъ; когда я затѣмъ спускаюсь по лѣстницѣ гостиницы, меня неожиданно останавливаетъ незнакомая женщина.

— Извините пожалуйста, не вы ли докторъ Норбергъ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ я не очень учтиво, предполагая, что имѣю дѣло съ дамой извѣстнаго пошиба.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, который часъ?—продолжала она.

— Нѣтъ!—сказалъ я и прошелъ мимо.

Какъ ни незначителенъ былъ самъ по себѣ этотъ случай, однако онъ произвелъ на меня непріятное и тревожное впечатлѣніе.

Вечеромъ мы остановились въ одномъ селѣ, чтобы тамъ провести ночь. Я только что остался одинъ въ своей комнатѣ въ бэль-этажѣ и немного привелъ себя въ порядокъ, какъ надъ моей головой послышался обычный шумъ: передвигается мебель, слышится топотъ танцоровъ.

На этотъ разъ я, не довольствуясь одними предположеніями, взбираюсь съ товарищемъ на чердакъ, чтобы убѣдиться, въ чемъ дѣло. Но тамъ мы разъясненіе найти не можемъ, такъ какъ надъ моей комнатой подъ самой черепичной крышей никто не живетъ.

Послѣ дурно проведенной ночи отправляемся мы въ дальнѣйшій путь и черезъ нѣсколько часовъ прибываемъ въ родительскій домъ писателя, который здѣсь напоминаетъ блуднаго сына набожныхъ родителей, добрыхъ и честныхъ людей. День проходитъ въ прогулкахъ по красивой мѣстности и въ невинныхъ разговорахъ, и наступаетъ вечеръ, принося съ собой какую-то неопредѣлимую тишину и миръ среди вполне домашней обстановки; это поразительно дѣйствуетъ на насъ, на врача и на меня, на него больше даже, чѣмъ на меня, такъ какъ онъ атеистъ.

Поздно вечеромъ удаляемся мы съ докторомъ въ отведенную намъ комнату. Я ищу книжку, чтобы почитать

передъ сномъ, и мнѣ попадаетъ подъ руки Исторія Средневѣковой Магіи Виктора Ридберга. Все тотъ же писатель, котораго я избѣгалъ въ то время, какъ онъ жилъ, и который преслѣдуетъ меня послѣ своей смерти!

Я перелистываю книгу. Авторъ смѣется надъ вѣрой въ чорта.

Но я смѣяться не могу. Чтеніе это порождаетъ во мнѣ сомнѣнія, и я успокаиваюсь только при мысли, что авторъ позднѣй, живи въ нашемъ обществѣ, вѣроятно измѣнилъ бы свои взгляды!

Однако чтеніе о такихъ страшныхъ и сверхъестественныхъ предметахъ не способно вызвать сонъ, и я начинаю испытывать нѣкоторую нервную тревогу. Вслѣдствіе этого я съ радостью соглашаюсь на предложеніе отправиться вмѣстѣ съ пріятелями на дворъ освѣжиться, принимая это какъ здоровое отвлеченіе и приготовленіе къ ночи, которой боюсь.

Съ фонаремъ въ рукахъ проходили мы черезъ дворъ, гдѣ подъ облачнымъ небомъ скрипятъ отъ насмѣшливыхъ ударовъ вѣтра покрытыя инеемъ деревья.

— Мнѣ кажется, что вы, молодые люди, боитесь темноты, — замѣтилъ врачъ.

Мы молчимъ, потому что порывы вѣтра чуть ли не сшибаютъ насъ съ ногъ, треплютъ наши волосы и поднимаютъ наши пальто.

Достигнувъ цѣли, находящейся рядомъ съ конюшней и подъ сѣноваломъ, мы слышимъ надъ собою шумъ шаговъ; странно, именно тотъ самый шумъ, который преслѣдуетъ меня уже съ полгода.

— Послушайте! Слышите вы шумъ?

— Да! Это тамъ надъ нами на сѣновалѣ рабочіе пришли за кормомъ для скотины.

Я не желаю отрицать этого факта, но почему же это случилось именно въ ту минуту, какъ я вышелъ? И какъ объяснить то, что нечистая сила всюду производитъ тотъ же шумъ? Несомнѣнно, кто-нибудь, какое-нибудь невидимое существо, производитъ для меня этотъ шумъ и это не можетъ быть галлюцинаціей слуха, такъ какъ другіе воспринимаютъ тѣ же звуки, что и я.

Когда мы вернулись, намъ не суждено было отдохнуть. Писатель, который весь день былъ спокоенъ и которому родители предназначили спальню въ мезонинѣ, кажется чѣмъ-то взволнованъ, а въ концѣ-концовъ объявляетъ, что одинъ онъ спать не пойдетъ, такъ какъ его преслѣдуетъ злой духъ.

Я уступаю ему мое ложе и долженъ удалиться въ сосѣдній большой залъ, въ которомъ находится огромная кровать.

Неотопленный залъ, безъ занавѣсокъ на окнахъ и почти безъ всякой мебелировки, скверно дѣйствуетъ на мое настроеніе, что еще усиливается прохладной и сырой температурой.

Желая развлечься, я ищу книжку и нахожу на маленькомъ столикѣ Библию съ иллюстраціями Густава Дорэ и цѣлое собраніе молитвенниковъ. Тутъ я вспоминаю, что я въ набожномъ семейномъ домѣ и что я другъ блуднаго сына, какъ бы обольститель молодежи. Какая жалкая роль для сорокавосьмилѣтняго человѣка. Какъ унижительно!

И я понимаю страданіе молодого человѣка, тяжесть его положенія отъ того, что онъ запертъ среди дѣльныхъ

благочестивыхъ людей. Это должно быть такое же мученіе, какъ чорту выслушивать обѣдню. И я для того сюда приглашенъ, чтобы демоновъ истреблять демонами; я для того здѣсь, чтобы оскверненіемъ сдѣлать пригоднымъ для вдыханія этотъ чистый воздухъ, который молодой человѣкъ выносить не можетъ.

Съ этими мыслями легъ я въ постель. Священный сонъ бывалъ прежде моимъ послѣднимъ и самымъ дорогимъ убѣжищемъ, который никогда не отказывалъ мнѣ въ своей милости. Теперь ночной утѣшитель покинулъ меня, и темнота пугаетъ меня.

Лампа горитъ; за бурей воцарилось молчаніе. Вдругъ незнакомый звукъ привлекаетъ мое вниманіе и будитъ дремоту. Я скоро замѣчаю, что подъ потолкомъ въ серединѣ залы летаетъ взадъ и впередъ какое-то насѣкомое. И что удивляетъ меня, такъ это то, что этотъ родъ насѣкомаго мнѣ неизвѣстенъ, хотя я знатокъ по энтомологіи и всегда считалъ, что знаю наизусть всѣхъ двукрылыхъ Швеціи. А это насѣкомое не бабочка, не гусеница, не моль, это длинная черная муха, напоминающая скорѣй орѣхотворку или ночную бабочку. Я встаю съ кровати, чтобы поймать муху. Охота за мухой въ декабрѣ! Она исчезаетъ.

Я собираюсь снова лечь и погрузиться въ свои размышленія.

Но въ эту минуту вылетаетъ проклятое насѣкомое изъ-подъ подушки, и, почувствовавъ тепло моей постели, оно теперь кружится все больше вокругъ кровати. Я пересталъ слѣдить за нимъ, потому что не сомнѣваюсь, что очень скоро поймаю его на лампѣ, пламя которой должно привлечь его.

Долго ждать не пришлось: насѣкомое опалило себѣ крылья, и нарушитель тишины и спокойствія прекращаетъ свой танецъ и падаетъ на спину. Я убѣждаюсь, что это незнакомое мнѣ насѣкомое двукрылое, длиною въ два сантиметра, черное съ двумя огненно-красными точками на крыльяхъ.

Что это такое? Я не знаю, но намѣренъ на слѣдующий день показать друзьямъ мертвую муху.

— Колдунья! — скажетъ пожалуй писатель.

— Которая сгорѣла живая!

Вскорѣ я засыпаю.

Среди ночи я просыпаюсь отъ стоновъ и скрежета зубовъ, доносящихся до меня изъ сосѣдней комнаты. Я зажигаю свѣчку и иду туда. Другъ мой, врачъ, наполовину свѣсился съ кровати и корчится въ страшныхъ конвульсіяхъ съ широко открытымъ ртомъ. Онъ представляетъ всѣ симптомы сильной истеріи, описанной въ сочиненіяхъ Шарко, которую принято называть бѣсноватостью. Этотъ человѣкъ выдающагося ума и съ добрымъ сердцемъ, не болѣе другихъ развратный, большого роста и съ правильными и пріятными чертами лица, измѣнился до такой степени, что напоминаетъ средневѣковое изображеніе чорта.

Въ полномъ волненіи я бужу его.

— Что ты, тебѣ приснилось, старый другъ?

— Нѣтъ! Это былъ приступъ кошмара.

— Инкубъ!

— Да, дорогой мой! Будто что-то давило мнѣ грудь. Въ родѣ, какъ при... *angina pectoris*.

Я даю ему стаканъ молока. Онъ закуриваетъ папироску, и я возвращаюсь въ свой залъ.

Но сонъ пропалъ. То, что мнѣ пришлось увидѣть, было слишкомъ страшно.

Мы съ друзьями встрѣтились во время завтрака, и происшествія ночи были нами обращены въ шутку. Но хозяинъ нашъ не смѣется. Это я всецѣло приписываю его религіозности, внушающей ему уваженіе передъ таинственной силой.

Ложное положеніе, въ которомъ я нахожусь среди стариковъ, съ которыми я согласенъ, и молодыхъ, которыхъ я не имѣю права осуждать, заставляетъ меня торопиться съ отъѣздомъ.

Вставъ со стула, хозяинъ дома проситъ доктора не отказаться дать ему нѣкоторые совѣты. Они удаляются и остаются наединѣ около получаса.

— Что у старика?

— Безсонница. Ночные сердечные припадки.

— Такъ, и у него! У скромнаго и благочестиваго старика! Вѣдь это слѣдовательно эпидемія, никого не щадящая.

Не скрою, что это обстоятельство придадо мнѣ бодрости, а вмѣстѣ съ тѣмъ душой овладѣла тревога. Вызвать злыхъ духовъ, думалось мнѣ, бороться съ невѣдомой силой и въ концѣ-концовъ ее поработить! Вотъ рѣшеніе, которое я принялъ, покидая эту гостепріимную семью, чтобы предпринять проектируемое ознакомленіе съ Шоненомъ.

* * *

Добравшись къ вечеру до города Хогенесъ, я располагаюсь ужинать въ общей столовой гостиницы въ со-

обществѣ съ какимъ-то фельетонистомъ. Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ раздается надъ моей головой надоедливый топотъ ногъ. Не довѣряя своимъ ушамъ, я прошу писателя сообщить мнѣ, что онъ слышитъ, и онъ подтверждаетъ вполне полученное мною впечатлѣніе.

Когда мы, кончивъ ужинъ, вышли, то у воротъ стояла неподвижно та женщина, которая заговорила со мной передъ отѣздомъ моимъ изъ Лунда, и пропустила насъ мимо себя.

Тутъ я забываю о злыхъ духахъ и невидимыхъ силахъ и снова впадаю въ предположеніе, что меня предслѣдуютъ видимые враги. Но черезъ мгновеніе, взвѣсивая свое предположеніе и вспоминая свое непредвидѣнное посѣщеніе башмачника въ Малмо и нашу неожиданную прогулку ночью къ сѣновалу, я вижу, что тогда нельзя было предположить возможности какой-нибудь интриги.

Страшныя подозрѣнія мучаютъ меня, волнуютъ мою кровь и внушаютъ мнѣ отвращеніе къ жизни.

Но ночью случилось то, что напугало меня больше, чѣмъ все пережитое за послѣдніе дни, вмѣстѣ взятое.

Уставши отъ дороги, я въ одиннадцать часовъ ложусь въ постель. Все въ гостиницѣ тихо, не слышно ни малѣйшаго движенія. Я вполне спокоенъ и засыпаю крѣпкимъ сномъ; но не проходитъ и получаса, какъ меня будитъ шумъ и стукъ надъ головой. Кажется, что цѣлая гурьба молодежи поетъ, пляшетъ, передвигаетъ мебель.

Этотъ дикій шумъ длится до утра!

Почему не жалуясь я хозяину? Потому что во всей моей жизни мнѣ никогда не удавалось быть правымъ.

Рожденный для того, чтобы всегда быть виноватымъ, я уже давно пересталъ жаловаться.

На утро я пускаюсь въ путь, намѣреваясь осмотрѣть каменноугольныя копи въ окрестностяхъ Хогенеса. Когда я вхожу въ трактиръ, чтобы заказать лошадей, надъ моею головой снова раздается шумъ шаговъ. Подъ первымъ попавшимся предлогомъ, не помню какимъ, поднимаюсь я бѣгомъ по лѣстницѣ на верхній этажъ. Большой пустой залъ, вотъ все, что я тамъ вижу.

Такъ какъ копи разрѣшено осматривать только послѣ полудня, то я велю возницѣ везти меня сначала за нѣсколько миль сѣвернѣе къ рыбацкой деревушкѣ, славящейся прекраснымъ видомъ на Зундъ.

Пока экипажъ проѣзжаетъ подъ шлагбаумомъ въ началѣ деревни, я чувствую, что что-то сильно прижимаетъ мнѣ спину, какъ будто кто-то давитъ меня колѣнкой. Я оборачиваюсь.

Стая воронъ съ крикомъ подымается и несется черезъ голову лошади. Послѣдняя, испугавшись, становится на дыбы, настораживаетъ уши и покрывается пѣной. Она кусаетъ удила, и возницѣ приходится слѣзть съ козелъ и подойти къ ней, чтобы успокоить ее.

Я спрашиваю, по какой причинѣ лошадь такъ сильно испугалась, но отвѣтъ виденъ во взглядѣ возницы по направленію воронъ, которыя еще нѣсколько минутъ летаютъ надъ нами. Происшествіе это ничего необыкновеннаго изъ себя не представляетъ, но простонародье считаетъ это дурнымъ предзнаменованіемъ!

Послѣ двухъ часовъ ѣзды, бесполезныхъ для меня наблюдений, потому что облака закрываютъ видъ на Зундъ,

мы въѣзжаемъ въ деревню Мелле. Намѣреваясь подняться пѣшкомъ къ верхушкѣ горы Кулле, я отсылаю возницу и вѣлю ему ожидать меня въ трактирѣ.

Нагулявшись вдоволь, возвращаюсь я снова въ деревню и намѣреваюсь итти къ трактиру. Но не зная мѣстности, я ищу кого-нибудь, кто бы направилъ меня. Ни на улицѣ, ни во дворахъ не видно ни одной живой души. Я стучу въ одну, въ другую дверь—отвѣта нѣтъ. Среди бѣла дня, въ деревнѣ, насчитывающей до двухсотъ жителей, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка, ни даже собаки. А возница, лошадь, экипажъ! Они исчезли съ лица земли! Я брожу по улицамъ взадъ и впередъ и, наконецъ, черезъ полчаса натыкаюсь на трактирѣ.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что тамъ находится мой возница, заказываю завтракъ и закусивши прошу вѣлѣть возницѣ подавать.

— Какому возницѣ?

— Моему!

— Я никого не видалъ!

— Вы не видали экипажа, запряженнаго рыжею лошадью, и кучера съ черными волосами?

— Не видалъ.

— Вѣдь я приказалъ ему ожидать меня здѣсь.

— Такъ онъ можетъ быть рядомъ, на постояломъ дворѣ.

Служанка объясняетъ мнѣ, какъ пройти до постоялаго двора, и я отправляюсь.

Но не нахожу нужнаго поворота, блуждаю и снова не могу вернуться къ трактиру. На улицѣ опять никого.

Мнѣ становится страшно! Страшно средь бѣла дня! Эта дерсушка заколдована!

Я не рѣшаюсь больше двинуться и стою, какъ вкопанный, на мѣстѣ. Къ чему искать, когда въ этомъ замѣшанъ чортъ?

Черезъ нѣкоторое время отыскиваетъ меня наконецъ возница; мнѣ совѣстно признаваться ему въ моихъ неудачахъ и требовать отъ него объясненій, которыя все равно ничего не объясняютъ.

Мы снова приѣзжаемъ въ Хогенесъ и передъ крыльцомъ гостиницы лошадь споткнувшись падаетъ на землю, какъ-будто ее кто испугалъ.

Мнѣ указываютъ дорогу къ копямъ, находящимся отъ гостиницы въ пяти минутахъ ходьбы, и я отправлюсь пѣшкомъ, увѣренный, что уже теперь достигну своей цѣли. Иду десять минутъ, четверть часа, полчаса, давно уже вышелъ въ поле, но не вижу ни одного зданія, которое бы указывало мнѣ на близость копей. Ровное поле тянется до безконечности, и не видно ни хижины, ни живой души.

Злой духъ несомнѣнно играетъ со мной злую шутку! И я стою, какъ вкопанный, ничего не видя передъ собой, не рѣшаясь ступить ни назадъ, ни впередъ.

Наконецъ я возвращаюсь въ гостиницу, снимаю номеръ и ложусь на диванъ.

Черезъ четверть часа мои грустные мысли прерываетъ психическая сила. На сей разъ молоткомъ вколачиваютъ гвозди. Не допуская возможности злыхъ духовъ, вколачивающихъ гвозди, я приписываю это неприятному сосѣдству не-

деликатныхъ людей и особой неудачѣ, звоню, плачу по счету и отправляюсь на вокзалъ.

Ждать три часа! Это много при нетерпѣливомъ характерѣ, но выбора нѣтъ: что же дѣлать! По истеченіи двухъ часовъ, проведенныхъ сидя на скамьѣ, проходитъ мимо меня хорошо одѣтая, красивой наружности дама и идетъ въ залъ перваго класса. Походка этой дамы, все ея существо будить во мнѣ какое-то воспоминаніе, и желая узнать, какъ она выглядитъ en face, я у двери жду, чтобы она вышла и опять прошла мимо меня. Прождавъ нѣкоторое время, я вхожу въ залъ I-го класса.

Никого! Къ тому же нѣтъ другого выхода, нѣтъ уборной. Двойныя рамы отнимаютъ возможность предположить даже необыкновенный выходъ въ окно.

Не ослѣпъ же я? Вѣдь никто не можетъ стать невидимкой? Эти вопросы приводятъ меня въ отчаяніе. Не съ ума ли я сошелъ? Нѣтъ, врачи этого не находили. Слѣдовательно, надо допустить чудо. Если вѣрить Сведенборгу, то я проклятый, нахожусь въ аду, и духи беспощадно немилосердно наказываютъ меня.

Вечеромъ того же дня достигъ я города Малмо и остановился въ первоклассной гостиницѣ. Въ десять часовъ ложусь въ постель. Въ половинѣ одиннадцатаго начинается чистка въ коридорѣ, на что никто не выражаетъ претензій; и это въ хорошей гостиницѣ, наполненной путешественниками! Потомъ начинаются танцы! Потомъ слышится шумъ какой-то машины... Я вскакиваю, плачу по счету и рѣшаю путешествовать всю ночь.

Грустный, одинокій среди холодной январской ночи тащу я свой чемоданъ, изнемогая отъ усталости. Одно мгно-

веніе мнѣ кажется, что лучше всего было бы лечь въ снѣгъ и умереть. Но въ слѣдующее мгновеніе я собираюсь съ силами и поворачиваю въ переулокъ, гдѣ натыкаюсь на гостиницу непріятельнаго вида. Убѣдившись, что никто не преслѣдуетъ меня, я вхожу.

Не раздѣваясь, ложусь я на кровать съ твердой рѣшимостью лучше дать себя убить, чѣмъ опять встать.

Въ домѣ царитъ тишина, и наступаетъ сладостный сонъ. Но вдругъ я слышу, какъ невидимая лапа скребетъ по обоямъ надъ моей головой. Это не можетъ быть мышь, такъ какъ отставшія отъ стѣны обои не движутся. Впрочемъ, судя по звуку, это должна быть лапа сравнительно большого размѣра, въ родѣ лапы зайца или собаки!

Я не спалъ до зари, обливаясь потомъ и ожидая, что когти коснутся моего тѣла, но напрасно, такъ какъ страхъ мучительнѣе самой смерти.

Какъ я не заболѣлъ послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ?

А потому что необходимо испытать страданіе до конца, чтобы было водворено равновѣсіе между содѣланными проступками и присужденнымъ наказаніемъ. И по правдѣ надо удивляться, какъ я вынесъ всѣ эти мученія—я, такъ сказать, проглатывалъ ихъ съ бѣшеной радостью, чтобы скорѣй увидѣть имъ конецъ.

II.

БЕЗОТРАДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Послѣ святокъ я очутился одинъ. Казалось, что пронесся ураганъ и все сокрушилъ и смелъ. Мой другъ, врачъ, заболѣлъ и легъ въ госпиталь. Онъ ослабѣлъ отъ лише-

ній, причиненныхъ денежными стѣсненіями, изнемогъ отъ недостатка сна и въ концѣ-концовъ схватилъ неврастенію. Это душу раздирающая картина, и вмѣсто того, чтобы идти въ трактиръ, я направляю теперь свои шаги къ лазарету, чтобы часокъ поболтать и повидаться съ другомъ. Въ кофейной, сидя за стаканомъ вина, я остался одинъ такъ какъ трое моихъ товарищей примкнули къ обществу трезвости. Поэтъ уѣхалъ. Молодого эстетика, сына профессора этики, отправили за границу, чтобы спасти его отъ вреднаго общенія съ оболъстителемъ юношества (это я!).

Одинъ знакомый докторъ философіи сломалъ себѣ ногу и лежалъ въ постели. Какъ нарочно въ это же приблизительно время заболѣлъ молодой химикъ, лидеръ партіи свободомыслящихъ, и его лѣчили отъ неврастенія. Болѣзнь выражалась бессонницей, приступами кошмара и дурнотами. Всѣ эти и еще другія грустныя обстоятельства чередовались одно съ другимъ въ продолженіе цѣлыхъ полугора мѣсяцевъ. И что дѣлаетъ мое положеніе совершенно нестерпимымъ, это то, что вину болѣе или менѣе сваливаютъ на меня. Я чуть ли не самъ злой духъ! У меня нехорошій взглядъ! Утѣшительно еще то, что въ общемъ люди мало смыслятъ въ вопросѣ о вліяніи злой воли и о тайныхъ уверткахъ оккультизма и мало надъ этимъ задумываются, а то меня убили бы до смерти.

Ничѣмъ невозмутимая тишина и спокойствіе легли на всю интеллектуальную жизнь университета. Не проявлялось ни одной значительной и общающей что-либо идеи, ни малѣйшаго броженія, не видно было никакого движенія! Естественныя науки истощили сулившій успѣхи преобра-

звательный методъ, и имъ грозила теперь всеобщая смерть отъ истощенія. Больше не ведутся диспуты, потому что всѣ согласны по вопросу о ничетѣ преобразовательныхъ движеній. Столько мечтаній кануло въ воду, и великое освободительное дѣло при такомъ положеніи вещей застыло или рушилось.

Юношество ожидаетъ чего-то новаго, не сознавая ясно, чего. Во что бы то ни стало новаго! Оно не согласно лишь на покаяніе и на отступленіе. Впередъ, къ невѣдомому, будь оно чѣмъ угодно, лишь бы не прежнее старое. Оно хочетъ, само собой разумѣется, примиренія съ богами, но это должны быть боги новой формации, болѣе усовершенствованные, стоящіе на одной высотѣ съ настоящей эпохой, боги съ широкимъ сердцемъ, свободные отъ мелкихъ предрасудковъ и вдохновленные лишь мыслью о земномъ счастьѣ. Тѣмъ угрюмѣе стали невѣдомыя силы въ своей зависти свободѣ, завоеванной обитателями земного шара. Вино стало отравленнымъ и ведетъ къ бурному помѣшательству, вмѣсто того чтобы пробуждать иѣжныя видѣнія. Узаконенная общественными обычаями любовь является лишь единоборствомъ не на животь, а на смерть, а свободная любовь ведетъ за собой, какъ на буксирѣ, безконечныя болѣзни, которымъ не всѣмъ и имена есть, разоряетъ страны и опороченными вышибаетъ свои жертвы изъ ихъ среды.

Прошла эпоха экспериментальныхъ умовъ, и опыты дали лишь жалкіе отрицательные результаты. Тѣмъ лучше для людей будущаго, которые почерпнуть пользу изъ цѣнныхъ ученій, истекающихъ изъ пораженій авангарда, заблудив-

пагося среди пустыни и погибшаго въ безнадежной борьбѣ противъ вссильныхъ.

* *
*

Одинокій, потерпѣвшій крушеніе, обломокъ корабля, выброшеннаго среди океана на мель, я временами чувствую головокруженіе, въ присутствіи голубоватой, прозрачной пустоты. Что это—небо отражаетъ въ себѣ распростертую поверхность моря или море отражаетъ небо?

Я удалился отъ людей, и люди бѣгутъ отъ меня. Но среди одиночества, котораго я жажду, меня преслѣдуютъ демоны. Когда же я, находясь въ такомъ настроеніи, ищу вечеркомъ живого человѣка, то за послѣднее время никого не заставлялъ ни дома, ни въ кофейняхъ.

И вотъ среди этого тяжелаго положенія, посылаетъ судьба на мой путь человѣка, отца котораго я въ прежнія времена презиралъ, какъ за недостатокъ воспитанія, такъ и за его радикальный образъ мыслей, который закрывалъ ему во время оно доступъ въ лучшіе кружки общества... Теперь наступила расплата: я отвергъ отца, несмотря на то, что онъ былъ богатымъ человѣкомъ, а теперь меня какъ бы что-то подталкиваетъ сблизиться съ сыномъ. Надо прибавить, что въ городѣ молодой человѣкъ стоитъ на такомъ же счету, какъ я, и также одинокъ вслѣдствіе того, что считается тоже обольстителемъ юношества. Несчастье принуждаетъ насъ заводить между собой истинную дружбу.

Онъ предлагаетъ мнѣ поселиться у него, онъ предлагаетъ мнѣ средства къ жизни, онъ ухаживаетъ за мной,

какъ за больнымъ. А дѣйствительно въ то приблизительно время преслѣдованіе меня духами вовлекло меня въ скандалъ въ гостиницѣ, гдѣ я хотѣлъ насильно ворваться въ сосѣдній со мной номеръ, убѣжденный, что тамъ я найду преслѣдуемыхъ меня враговъ. Если бы я прожилъ еще хотя одинъ день въ этой гостиницѣ, то въ дѣло вмѣшалась бы полиція, и все кончилось бы для меня арестомъ.

Въ то же приблизительно время встрѣча съ другимъ молодымъ человѣкомъ приводитъ меня къ убѣжденію, что боги не питаютъ ко мнѣ непримиримой злобы.

Чудесное дитя, въ которомъ съ раннихъ лѣтъ развились зачатки знаній по всѣмъ отраслямъ науки, хорошо воспитанный образованнымъ и высоко нравственнымъ отцомъ, онъ уже два года какъ заболѣлъ очень странной болѣзью, которую онъ подробно мнѣ описалъ съ тѣмъ, чтобы узнать мое мнѣніе или, скорѣй, надѣясь найти подкрѣпленіе своихъ собственныхъ подозрѣній.

Молодой человѣкъ, проведеншій первую молодость въ совершенной чистотѣ и воспринявшій самые строгіе принципы, вступилъ въ жизнь при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, окруженный заботой своихъ стариковъ и любовью всѣхъ съ нимъ встрѣчающихся. Но однажды совершаетъ онъ поступокъ, который не одобряетъ его совѣсть. Послѣ этого ничто уже не можетъ его успокоить. Послѣ продолжительныхъ душевныхъ терзаній поддается и тѣло. Душевный кризисъ достигаетъ страшной высоты. Ежедневно усматриваетъ онъ все новые успѣхи своего воображаемаго недуга и въ концѣ-концовъ проходитъ черезъ всѣ муки агоніи. Ему кажется, что онъ скончался; онъ во всѣхъ комнатахъ дома слышитъ заколачиваніе гро-

бовъ. Когда онъ беретъ въ руки газету—разумъ его попрежъ-
нему свѣтелъ, — ему кажется, что вотъ-вотъ онъ прочита-
етъ объявленіе о своемъ собственномъ погребеніи. Въ то
же время на тѣлѣ дѣлается частичное разложеніе, сопро-
вождаемое трупнымъ запахомъ, что отталкиваетъ всѣхъ
отъ его кровати и пугаетъ его самого. Произошла даже
какая-то переменна въ его внутреннихъ убѣжденіяхъ, такъ
какъ молодой человѣкъ, выросшій въ религіозности, те-
перь охваченъ сомнѣніями.

Онъ и теперь ясно сохранилъ воспоминаніе о томъ,
что въ то время всѣ окружающіе казались ему блѣдными
или голубовато-блѣдными. Когда онъ вставалъ, чтобы
взглянуть на улицу, всѣ прохожіе казались ему мертвенно
блѣдными. Но что приводило его въ ужасъ, такъ это то,
что на улицѣ подъ его окнами тянулась безконечная верени-
ца нищихъ, калѣкъ, хромыхъ, безногихъ, какъ будто ихъ кто
сюда призывалъ, чтобы произвести имъ смотръ. Во все время
болѣзни у молодого человѣка было такое чувство, что
дѣйствительность безъ сомнѣнія превышаетъ все, что ему
кажется, и всему онъ приписывалъ символическое зна-
ченіе. Въ каждой книгѣ, которую онъ открывалъ, видѣлъ
онъ намекъ на себя.

Окончивъ свой рассказъ, онъ спросилъ у меня, что я
обо всемъ этомъ думаю?

— Это что-то полуфантастическое, рядъ призраковъ,
вызванныхъ кѣмъ-нибудь съ опредѣленною цѣлью. Живая
шарада, изъ коей вамъ надлежитъ извлечь нравоученіе.
Ну, а какъ же вы исцѣлились?

— Это просто смѣшно, но вамъ я объ этомъ расскажу.
Въ прежнія времена я всегда стоялъ въ оппозиціи съ ро-

дителями, которые все жъ не прекращали окружать меня неуспынными заботами о тѣлѣ и о душѣ. Наконецъ, я склонилъ голову передъ игомъ, которое было мнѣ дорого, такъ какъ здѣсь было масса любви, и я получилъ исцѣленіе.

— И никогда больше у васъ не было возврата болѣзни?

— Былъ! Одинъ только разъ! Но въ очень незначительной степени: нѣкоторое время бессонница и нервозы, которые поддались простому медицинскому режиму. Но на этотъ разъ я не могъ сдѣлать себѣ упрека ни въ чемъ.

— А что совѣтовалъ вамъ вашъ докторъ?

— Жить правильной жизнью, по ночамъ спать и не предаваться распутству.

— Да вѣдь это крестный путь!

* * *

Итакъ, я уже больше не одинокъ. Молодой ученый кажется мнѣ посланникомъ таинственныхъ силъ; я все могу ему довѣрить, и, дѣлясь тѣмъ, что каждый изъ насъ перенесъ, мы поддерживаемъ другъ друга на узкомъ пути юдоли печали.

И онъ былъ одержимъ въ молодые годы!

И такъ всѣ люди насильно оторваны отъ сна.

Слѣдовательно, есть всеобщее пробужденіе, безо всякихъ изъятій! Но какая цѣль всего этого?

III.

ВОСПИТАНІЕ.

Сведенборгъ, мой путеводитель среди мрака, въ концѣ-концовъ оказался лицомъ карающимъ. Въ Arcana coelestia говорится лишь о преисподней и о наказаніяхъ, приводимыхъ въ исполненіе злыми духами, т.-е. чертями. Ни слова утѣшенія, ни малѣйшаго снисхожденія и помилованія. Однако во времена моей молодости чортъ былъ отмѣненъ; всѣ потѣшались надъ нимъ, и по особой ироніи судьбы какъ разъ теперь готовится празднованіе юбилея философа Бострема, который уничтожилъ преисподнюю и чорта. На этого мыслителя смотрѣли во времена моей юности, какъ на реформатора, и вдругъ теперь собирается чортъ возродиться. Онъ появляется въ произведеніяхъ, такъ называемой, сатанинской литературы, въ искусствѣ и даже въ промышленности. На прошломъ Рождествѣ я обратилъ вниманіе на то, что большинство рождественскихъ подарковъ представляли изъ себя чортиковъ и мертвецовъ, какъ игрушки для дѣтей, такъ и комическіе предметы, которые къ Рождеству покупаютъ другъ для друга старшіе въ домѣ, кондитерскіе пряники, календари и альманахи. Существуетъ ли онъ или это лишь полуправдивый образъ, посылаемый намъ богами, чтобы произвести на насъ сильное впечатлѣніе и подтолкнуть насъ къ кресту? Мнѣ еще не удалось найти этому отвѣтъ, какъ вдругъ въ одинъ сырой и холодный вечеръ меня ведутъ

къ скульптору, свободомыслящему и атеисту, какъ теософскій кружокъ, членомъ котораго онъ состоитъ. У него можно увидѣть коллекцію глиняныхъ предметовъ, предназначенныхъ для стокгольмской выставки.

Чортъ съ отталкивающей реальностью и цинизмомъ представленъ тамъ въ различныхъ видахъ, но всегда въ обществѣ священника, который пугается его.

Смѣхъ! Но я смѣяться не могу и думаю: подожди еще, что-то будетъ!

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ я встрѣчаю скульптора на улицѣ.

Онъ выглядѣлъ мрачнымъ, будто съ нимъ случилось что-нибудь неприятное.

— Можете ли вы себѣ представить такое несчастье, — восклицаетъ онъ, — на этихъ дняхъ рабочіе разбили три изъ моихъ вещицъ, укладывая ихъ для отправки на выставку!

Это меня очень заинтересовало, и я выразилъ участіе по поводу случившагося несчастья.

— А которыя изъ вашихъ статуэтокъ пострадали? — спросилъ я съ любопытствомъ.

— Три, на которыхъ изображенъ чортъ.

Я не смѣюсь, но отвѣчаю, дѣланно улыбаясь:

— Вотъ видите ли, Люциферъ не выноситъ карикатуръ.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль получилъ скульпторъ письмо о томъ, что другія фигуры упали съ своихъ подставокъ и разбились вдребезги, при чемъ правленіе выставки не можетъ объяснить, какимъ образомъ это произошло. А какъ никакъ скульпторъ потерялъ цѣлый годъ,

не считая расходовъ по работѣ, и имя его вычеркнуто изъ списка экспонентовъ.

Въ своемъ безутѣшномъ положеніи сваливаетъ онъ все на случай, что ничего не доказываетъ; однако это по крайней мѣрѣ щадитъ человѣческую гордость, которая склоняется передъ слѣпой случайностью. Люди гнутъ головы передъ камнемъ, выброшеннымъ пращей, но какъ относятся они къ самому пращнику? Его можно и не увидѣть!

* *
* *
* *

Однако мнѣ въ руки попадаютъ одно за другимъ различныя сочиненія Сведенборга и все въ благоприятный моментъ. Такъ, напримѣръ, въ его «Сновидѣніяхъ» я нахожу всѣ симптомы преслѣдующей меня «болѣзни», ночные припадки, задыханіе. И факты, переданныя въ этихъ его произведеніяхъ, принадлежатъ времени, предшествующему откровенію. Это былъ для Сведенборга періодъ «опустошенія», такъ какъ онъ былъ предоставленъ сатанѣ для умерщвленія плоти.

Это бросаетъ въ моихъ глазахъ нѣкоторый свѣтъ на доброжелательныя намѣренія таинственныхъ силъ, хотя не даетъ мнѣ полной надежды. Только лишь послѣ прочтенной книжки «Небо и Адъ» чувствую себя нѣсколько воспрянутымъ. Есть слѣдовательно цѣль этимъ необъяснимымъ страданіямъ: самоулучшеніе и усовершенствованіе моего «я» для чего-нибудь болѣе великаго, идеаль, о которомъ мечталъ Ницше, хотя и иначе понятый.

Чорта въ видѣ автономнаго существа—равнаго Богу и Его противника—не существуетъ. Невидимая сила, кото-

рая причиняетъ намъ страданія, это духъ наказанія. Много уже выиграно отъ той точки зрѣнія, что злое ради зла не существуетъ, и снова является надежда на миръ душевный при условіи раскаянія и добросовѣстнаго наблюденія за собственными помыслами и дѣянїями.

А такъ какъ я наблюдаю то, что дѣлается въ будничной ежедневной жизни, то происходитъ новое воспитаніе, и я исподволь научаюсь толковать условные знаки, которыми пользуются невѣдомыя силы. Однако въ виду моихъ лѣтъ и укоренившихся дурныхъ привычекъ это довольно трудно, и вслѣдствіе нѣкоторой уступчивости моего характера я слишкомъ склоненъ поддаваться окружающимъ. Такъ трудно прежде всего отказаться отъ веселой попойки, и я былъ бы «дурнымъ товарищемъ», если бы вздумалъ навязывать свое мнѣніе друзьямъ, съ которыми я веду компанію. Но всему надо учиться на бѣломъ свѣтѣ. Такъ, на примѣръ, я привыкъ послѣ обѣда оставаться въ ресторанѣ пить кофе. И вотъ однажды послѣ обѣда сижу я такъ, прислонившись спиной къ наружной стѣнѣ. Среди нашей компаніи возникъ вопросъ о томъ, не заказать ли пуншъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на это раздается вдругъ за моей спиной страшный шумъ, такъ что чашки зазвенѣли на подносѣ.

Можно себѣ представить, какое у меня сдѣлалось лицо! Одинъ изъ моихъ прїятелей всталъ, чтобы взглянуть въ чемъ дѣло. Объяснилось все очень просто: рабочій исправляетъ наружную штукатурку дома.

Мы переходимъ въ отдѣльный кабинетъ. Только успѣлъ я сѣсть, какъ надъ моей головой раздается снова шумъ.

Я вскочилъ и убѣждалъ съ поля битвы, и съ той поры я никогда послѣ обѣда не остаюсь пить кофе, кромѣ дней праздничныхъ.

По вечерамъ же я могу выпить стаканчикъ вина съ друзьями, потому что тогда дѣло касается не столько выпивки, сколько обмѣна мыслей между образованными людьми. Однако иногда верхъ одерживаетъ пьянство, сопровождаемое безграничной веселостью и довольно циничными предложеніями и въ насъ прорывается самое дурное, что въ насъ есть, выступаютъ впередъ дурные инстинкты. Такъ удобно на время сдѣлаться животными и притомъ жизнь не всегда такъ весела.

Однажды въ такой періодъ времени, когда я принималъ участіе въ попойкахъ, иду я обѣдать. Я прохожу мимо бюро похоронныхъ процессій; въ окнѣ выставленъ гробъ. Улица устлана хвоей, и съ колокольни собора слышится похоронный перезвонъ. Придя въ ресторанъ, застаю я весьма опечаленнаго пріятеля: онъ только что вернулся изъ госпиталя, гдѣ прощался съ умирающимъ.

Возвращаясь послѣ обѣда домой переулками, по которымъ обыкновенно не хожу, встрѣчаю двое похоронъ.

Какъ все пахнетъ смертью! А на колокольнѣ снова перезвонъ!

Когда вечеромъ я собираюсь пройти черезъ ворота въ кабачокъ, вижу прислоненнаго къ стѣнѣ старика, несомнѣнно пьянаго и больного. Не желая столкнуться съ нимъ, я дѣлаю обходъ и вхожу въ кабачокъ. Katzenjammer отъ вчерашней выпивки въ соединеніи съ впечатлѣніемъ о похоронахъ сегодняшняго дня внушаютъ мнѣ отвращеніе къ вину, и къ ужину я спрашиваю себѣ молоко

Среди ужина раздается шумъ, испуганные крики, и черезъ нѣкоторое время вносятъ старика, стоявшаго у воротъ; за нимъ идетъ его сынъ. Отецъ скончался. Предостереженіе пьяницамъ!

На слѣдующую ночь у меня былъ страшный приступъ кошмара. Кто-то вцѣпился мнѣ въ спину и трясъ мои плечи. Это принудило меня меньше пить по вечерамъ, хотя совѣтъ отъ вина я не отказался.

Въ концѣ января я переѣхалъ въ семейный домъ и безпрестанно гляжу судьбѣ своей прямо въ глаза, не добиваясь развлеченій въ обществѣ друзей. Это единоборство, и избѣгнуть этого я не въ силахъ! Вечеромъ, вернувшись домой, я прежде всего задумываюсь надъ тѣмъ, что говорить мнѣ совѣсть. Удушливая атмосфера, даже при открытыхъ окнахъ, предвѣщаетъ тяжелую ночь. Бываютъ вечера, когда я убѣжденъ, что кто-то находится въ моей комнатѣ. Тогда меня бросаетъ въ жаръ и въ ознобъ, и изслѣдуя совѣсть, я сейчасъ же ясно вижу въ чемъ дѣло. Но я уже не убѣгаю, потому что это ни къ чему.

* * *

Среди поученій, которыя даютъ мнѣ духи наказаній, есть одно, котораго я не могу забыть, а именно запретъ рыться въ тайныхъ вещахъ, потому что онѣ должны оставаться тайными.

Такъ, напримѣръ, во время моихъ поѣздокъ по Шонену я замѣтилъ разбросанные въ разныхъ мѣстахъ камни странной формы. Они напоминали или животныхъ, въ особенности птицъ, или хижины, шлемы. Были и такіе, съ вы-

емками, которые имѣли на себѣ изображеніе въ родѣ видманскихъ рѣшетокъ на метеорномъ желѣзѣ.

Не отдавая себѣ ясно отчета о томъ, откуда они могли произойти, я все же получилъ впечатлѣніе, что это не «игра природы».

Казалось, что они вышли изъ рукъ человѣческихъ. Два года занимаюсь я отыскиваніемъ подобныхъ камней и, заинтересовавъ этими вопросами пріятеля, даю ему подробное указаніе мѣстонахожденія этихъ камней, чтобы онъ могъ туда привезти фотографа.

Поѣздка съ фотографомъ не удалась, а черезъ годъ я случайно узналъ, что давалъ пріятелю ложныя указанія о мѣстѣ нахожденія камней.

Каждый разъ, когда затѣмъ я снова принимался за это изысканіе, то на моемъ пути возставали препятствія, которыя трудно приписать случайности.

Такъ, напримѣръ, въ одно прекрасное утро рѣшилъ я ѣхать на мѣсто, гдѣ видѣлъ эти камни, съ археологомъ, въ надеждѣ, что онъ разрѣшитъ вопросъ, давно интересующій меня, и надо же было случиться, чтобы на улицѣ, напротивъ моего дома вонзился въ сапогъ гвоздь и укололъ мнѣ ногу. Сначала я на это не обратилъ никакого вниманія, но когда я дошелъ до квартиры археолога, боль стала настолько сильной, что я долженъ былъ остановиться. Итти дальше оказалось невозможнымъ. Выбравъ себя отъ негодованія, снимаю я съ себя сапогъ и ножомъ освобождаю подошву отъ торчащаго гвоздя. Смутное воспоминаніе о прочитанныхъ произведеніяхъ Сведенборга возстановляетъ въ моей памяти слѣдующія строки: «Если духи наказанія усматриваютъ въ комъ-либо дурной поступокъ или даже дурное

намѣреніе, то они караютъ, причиняя боль въ ногу, въ руку или въ область грудной клѣтки». Но охваченный любознательностью, которую я считалъ позволительной и похвальной, я въ скоромъ времени сговорился съ товарищемъ возобновить неудавшуюся поѣздку. Прежде всего намъ предстояло отправиться въ расположенный среди парка гротъ, но входъ въ гротъ оказался невозможнымъ вслѣдствіе непролазной грязи.

Второе мѣсто находенія этихъ камней, хорошо мнѣ извѣстное, находится въ саду, гдѣ вокругъ дерева лежатъ большія каменные глыбы, къ которымъ очень легко подойти. Но надо же было, чтобы въ то самое утро, когда мы туда отправились, садовнику понадобилось окружить дерево, а съ нимъ и камни цѣлымъ кольцомъ цвѣточныхъ горшковъ, такъ что мнѣ невозможно было что-либо показать пріятелю. Хорошо фіаско! Однакоже, возбужденный препятствіями, увлекаю я своего спутника черезъ весь городъ въ знакомый мнѣ дворъ, гдѣ собранъ цѣлый музей камней. Тамъ наконецъ удается намъ изслѣдовать камни, и я жду блестящихъ результатовъ. На дворѣ насъ встрѣчаетъ страшная дворняжка. На ея лай сбѣгаются обитатели дома, и намъ приходится кричать о поводѣ нашего прибытія, чтобы голосъ нашъ былъ услышанъ. Оказалось, что мѣсто, гдѣ я видѣлъ камни, обведено запирающеюся рѣшеткой, а ключъ не находится.

— Можетъ быть еще есть гдѣ-нибудь такіе камни?— спрашиваетъ почти презрительно археологъ.

— Да, но за городомъ!

Я не хочу утомлять читателя. Скажу лишь, что послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе неудачныхъ поѣздокъ, до-

стигаемъ мы, наконецъ, до одной кучи такихъ камней. Но что за колдовство! Я ничего не могъ показать ученому археологу, такъ какъ онъ ничего не видѣлъ. Также и я, какъ бы ослѣпленный, не видѣлъ на камняхъ ни единого изображенія органическаго существа.

Когда же на слѣдующій день я туда отправился одинъ, то увидѣлъ цѣлый звѣринецъ.

Разсказъ объ этихъ приключеніяхъ я завершу тѣмъ, что добавлю, что эти камни надо приписать остаткамъ до- исторической культуры.

Оккультисты приписываютъ ихъ происхожденіе чело- вѣческому роду времяъ доисторическихъ и ставятъ ихъ на одну линію съ колоссальными каменными извая- ніями острововъ Востока и пустыни Гоби. О нихъ такъ же упоминаетъ Олаусъ Магнусъ, онъ нашелъ ихъ въ боль- шомъ количествѣ на южномъ берегу Швеціи въ Остго- ландѣ. Сведенборгъ придаетъ имъ символическое значеніе и видитъ въ нихъ остатки ваянія людей серебрянаго вѣка.

* * *

По тому, что со мной происходило, я заключаю, что таинственныя силы не желаютъ допустить, чтобы я самъ выбиралъ своихъ знакомыхъ, а въ особенности, чтобы я кѣмъ-либо пренебрегъ. Я, какъ всѣ прочіе, склоненъ къ симпатіямъ и пристрастному отношенію. Въ настоящее время я стремлюсь къ общенію съ серьезными людьми, съ которыми я могъ бы подѣлиться своими мыслями, не ри- ская встрѣтить неумѣстную и обидную насмѣшку. Прови- дѣніе послало мнѣ друга, котораго я высоко цѣню за чи-

стю атмосферу, окружающую его. Подобно избалованному ребенку начинаю я, подружившись съ нимъ, презирать всѣхъ остальныхъ людей съ неутонченной душой, не парящихъ въ высяхъ, находящихъ удовольствіе въ грубыхъ шуткахъ.

Но стоило мнѣ отойти отъ всѣхъ прежнихъ пріятелей, какъ другу моему пришлось покинуть городъ, остальныхъ же я уже больше не нахожу, и въ моемъ полномъ одиночествѣ приходится мнѣ унижаться и искать общества ничтожныхъ личностей, не входившихъ въ нашъ пріятельскій кружокъ. Однако послѣ цѣлаго ряда открытій, сдѣланныхъ мною въ этомъ направленіи, я прихожу къ предъимью моему убѣжденію, что отличие между однимъ и другимъ человѣкомъ совсѣмъ не такъ велико, какъ это кажется. Мнѣ приходилось встрѣчать настоящихъ джентльменовъ среди простого народа, а сколько находилъ я неожиданно святыхъ и рыцарей въ толпѣ людей презрѣнныхъ.

Съ другой стороны принято утверждать слѣдующее: «Дурное общество портитъ хорошія души». Гдѣ же находится дурное общество и гдѣ хорошее?

Предположимъ, какъ оно дѣйствительно и случилось, что я поселился въ чужомъ городѣ; что же мнѣ дѣлать? Проповѣдовать чистоту нравовъ? Совѣсть говоритъ мнѣ:— Твоимъ примѣромъ. Но вотъ никто не беретъ меня въ примѣръ и къ чему стоило бы мнѣ направлять на путь истины молодыхъ людей, менѣе меня согрѣшившихъ?

Къ тому же время пророковъ кажется прошло. Тайственные силы больше и слышать не хотятъ о жрецахъ,

какъ какъ онѣ сами приняли управленіе душами, и нечего ходить далеко, чтобы убѣдиться въ этомъ на примѣрахъ.

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ недавно былъ преданъ суду по дѣлу о выпущенномъ имъ сборникѣ стиховъ, въ которомъ были усмотрѣны мѣста, вредящія нравственности. Оправданный судомъ, онъ все же не можетъ успокоиться.

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній вызывалъ онъ Предвѣчнаго на борьбу даже въ томъ случаѣ, если бы она должна была состояться въ преисподней. Получается впечатлѣніе, что вызовъ принять и молодой человѣкъ, какъ сломленная трость, принужденъ просить милости.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда онъ сидѣлъ въ веселой компаніи товарищей, вдругъ какая-то неизсѣдимая наукой сила вырываетъ у него изо рта сигару, такъ что она падаетъ на полъ.

Удивленный, онъ поднимаетъ сигару и дѣлаетъ видъ, что ничего не понимаетъ. Но то же повторяется три раза. Тутъ маловѣрный поблѣднѣлъ, какъ смерть, и убѣжалъ, не говоря ни слова и оставивъ смущенныхъ товарищей.

По дорогѣ домой дерзкаго ожидала новая неожиданность. Безъ видимой причины онъ вдругъ началъ какъ массажисты растирать руками или скорѣе мять свое тѣло ставшее дѣйствительно отъ чрезмѣрнаго питья чересчуръ чувствительнымъ. Этотъ невольный массажъ продолжался двѣ недѣли; по истеченіи же этого времени борецъ счелъ себя достаточно окрѣпшимъ и способнымъ выступить снова на арену. Онъ снимаетъ отель и приглашаетъ друзей на пиръ Валтасара, который долженъ длиться цѣлыхъ три дня. Онъ хочетъ доказать свѣту, какъ сверхчеловѣкъ (Ницше)

можетъ побороть демоновъ вина. Весь первый день пили не прерывая; наступила ночь, а съ нею свалился и витязь. Но до того какъ онъ сдался, демоны овладѣваютъ этой прекрасной душой и причиняютъ ему такое необузданное безуміе, что онъ выталкиваетъ своихъ гостей кого въ дверь, кого въ окно, и тѣмъ завершается пиръ. Послѣ этого хозяина отвезли въ лѣчебницу!

Такъ была мнѣ рассказана эта исторія, и мнѣ жаль, что я передалъ ее безъ слезъ, которыхъ не можетъ не вызвать это злословіе.

Однако обвиняемый приобрѣлъ защитника въ лицѣ молодого врача, предложившаго ему свое содѣйствіе въ борьбѣ.

Будетъ ли мнѣ позволено сопоставить слѣдующіе два факта? Врачъ защищаетъ богохульника и врачъ ломаетъ себѣ ногу. Объяснить ли случаемъ, что лошадь его испугалась, понесла и опрокинула экипажъ? Я только спрашиваю. И какъ объяснить то, что когда, пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ постели, врачъ вышелъ, взгляды его имѣлъ странное и дикое выраженіе человѣка, который потерялъ рановѣсіе?

Требуется ли это отвѣта? Во всякомъ случаѣ, вотъ конецъ разказа.—Этотъ врачъ, добрый малый, неглупый и честный, пришелъ однажды ко мнѣ въ концѣ лѣта и пожаловался, что страдаетъ отъ бессонницы и что ночью его будить странное шекотанье и не даетъ покоя, пока онъ не встаетъ съ кровати. Если же онъ настойчиво остается лежать, то у него начинается сердцебіеніе.

— Какъ вы объ этомъ думаете?—спросилъ онъ, ожидая моего отвѣта съ нескрываемымъ безпокойствомъ.

— То же было и со мной!—возразилъ я.

— Какъ же вы излѣчились?

Было ли это малодушіе или я повиновался внутреннему голосу, но я отвѣтилъ:

— Я принималъ сальфональ.

На лицѣ его выразилось разочарованіе, но я помочь ему былъ не въ силахъ.

IV.

Ч У Д О .

Послѣ трехъ мѣсяцевъ жестокой зимы показались первые предвѣстники весны. Оттаиваетъ оцѣпенѣлый человѣческій разумъ, и засѣянная подъ снѣгомъ сѣмена начинаютъ пускать ростки. Многое произошло, и вмѣсто того, чтобы отталкивать отъ себя неопровержимые факты, какъ основанные на случаѣ или на случайномъ совпаденіи обстоятельствъ, ихъ наблюдаютъ, собираютъ и изъ нихъ выводятся заключенія. Сначала казалось, что люди смѣются надъ собственнымъ суевѣріемъ, потомъ смѣхъ замираетъ, и не знаешь, во что вѣрить. Присходятъ чудеса, и это ежедневно, но по желанію нельзя произвести чуда.

Однажды иду я въ обѣденное время черезъ базарную площадь, въ этотъ часъ пустую. Ужъ давно страдаю боязнью пустоты, иду я съ нескрываемымъ трепетомъ по открытой площади. На этотъ же разъ вслѣдствіе утомленія отъ усиленной работы и особенной нервности видъ пустого базара производитъ на меня мучительное впечатлѣніе, такъ что я невольно испытываю странное желаніе «сдѣлаться

невидимымъ», чтобы избавиться отъ любопытныхъ взоровъ прохожихъ. Я склоняю голову, опускаю взоръ на каменную мостовую, и мнѣ кажется, что я съежился замкнулся въ себѣ, преградивъ доступъ наружнымъ ошущеніямъ, и какъ бы куда-то удалился отъ окружающей среды.

Черезъ мгновеніе, когда я повернулъ на улицу, меня сзади окликнули три знакомыхъ голоса. Я останавливаюсь.

— По какой дорогѣ шель ты?

— Черезъ базаръ.

— Не можетъ быть! Мы стояли здѣсь на углу, ожидая тебя, чтобы вмѣстѣ итти обѣдать!

— Я увѣрю васъ...

— Такъ ты сдѣлался невидимкой?

— Нѣтъ ничего невозможнаго!

— По крайней мѣрѣ для тебя!—Передаютъ самыя удивительныя вещи, будто бы случавшіяся съ тобой.

— Я самъ что-то слышалъ: будто меня видѣли на Дунаѣ, когда я былъ въ Парижѣ.

Этотъ случай дѣйствительно былъ, но въ то время я думалъ, что бываютъ видѣнія, не основанныя на дѣйствительности. И я просто скорѣй шутки ради припомнилъ эти слухи.

Въ этотъ день я ужиналъ одинъ въ маленькомъ залѣ трактирчика. Вошелъ незнакомый мнѣ господинъ, который видимо искалъ кого-то. Незамѣтно было, чтобы онъ обратилъ на меня вниманіе, хотя онъ оглядывалъ всѣ столики; и полагая, что онъ одинъ въ залѣ, онъ началъ вздыхать и самъ съ собой разговаривать. Желая обратить на себя его вниманіе, я ударяю вилкой по стакану. Незнако-

мѣцъ вздрогнулъ, видимо удивившись, что не Одинъ, замолчалъ и вышелъ.

Съ того времени началъ я задумываться надъ вопросами дематеріализаціи, признаваемой оккультистами. А доказательства, какъ нарочно, слѣдовали одно за другимъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого вниманіе мое возбудило новое странное происшествіе. Дѣло было въ среду, когда трактиръ всегда переполненъ прїѣзжими изъ деревень вслѣдствіе базарнаго дня. Желая избѣжать шума и тѣсноты, мой прїятель, съ которымъ я обыкновенно обѣдаю, заказалъ заранее отдѣльную комнату для того, чтобы тамъ спокойно пообѣдать, а такъ какъ онъ пришелъ до меня, то ожидалъ меня въ передней и позвалъ съ собою наверхъ. Но для большей скорости мы рѣшили закусить въ общемъ залѣ. Итакъ, слѣдую я за своимъ прїятеlemъ недовольный, потому что терпѣть не могу пьяныхъ мужиковъ. Мы прошли не безъ труда черезъ цѣлую толпу народа и дошли до закусочнаго стола, возлѣ котораго, впрочемъ, находился лишь одинъ весьма миролюбивый на видъ человѣкъ.

Закусивъ,—при чемъ мы съ прїятеlemъ не обмѣнялись ни единымъ словомъ,—пошли мы наверхъ въ оставленную для насъ комнату; прїятель шелъ впереди, я за нимъ. Въ дверяхъ прїятель оглядывается и очень удивляется, видя меня.

— Ты какъ же пришелъ? Откуда?

— Отъ закусочнаго стола, понятно.

— Я тамъ тебя не видалъ и думалъ, что ты пришелъ прямо сюда.

— Меня не видалъ? Вѣдь мы же вмѣстѣ изъ одного блюда

брали закуски... Развѣ я способенъ дѣлаться невидимымъ?

— Странно это какъ-никакъ!

Когда я теперь роюсь въ своей памяти, то припоминаю нѣкоторые факты, которые сначала не имѣли значенія въ глазахъ скептика, душу котораго высушили занятія позитивными науками. Такъ, на примѣръ, припоминаю я утро дня моей первой свадьбы. Дѣло было зимой, въ воскресенье; день казался особенно тихимъ и торжественнымъ для меня, собравшагося покинуть бурную холостую жизнь и отдаться домашнему очагу, рука объ руку съ любимой мною женщиной. Мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ холостымъ позавтракать одному, и поэтому я отправился въ малоизвѣстный переулокъ въ какой-то маленькій, помѣщавшійся въ подвальномъ этажѣ ресторанъ. Снѣгъ вслѣдствіе плохого дневного свѣта освѣщался и днемъ газомъ. Послѣ того, какъ я заказалъ себѣ легкій завтракъ и кофе, я замѣчаю, что на меня пристально смотритъ компанія мужчинъ, видимо пьяныхъ и сидѣвшихъ за бутылками, должно быть, съ вечера наканунѣ, судя по ихъ блѣднымъ, изможденнымъ лицамъ. Среди этой компаніи узнаю я двухъ своихъ прежнихъ товарищей, настолько опустившихся, что у нихъ не было ни занятій, ни дома, ни семьи; они стали давно признанными негодьями, которые, кто знаетъ, можетъ быть недалеко и отъ преступленія.

Мнѣ не хотѣлось возобновлять съ ними знакомства, не изъ гордости, а изъ чувства страха погрузиться снова въ тину, вернуться даже противъ воли въ свое прошлое — а я переживалъ во время оно такое же приблизительно состояніе. Вдругъ одинъ изъ нихъ всталъ, и я вижу, что онъ направляется къ моему столу. Я въ полномъ отчаяніи и,

тврдо рѣшивъ, если нужно, отречься отъ того, что это я, ихъ товарищъ, въ упоръ смотрю на приближающагося ко мнѣ человѣка; вдругъ онъ за нѣсколько шаговъ, не доходя до моего стола; останавливается съ тупоумнымъ выраженіемъ лица, котораго я никогда не забуду, просить извиненія и удаляется на свое мѣсто. Онъ, идя ко мнѣ, увѣренъ былъ, что это я, а все же меня не узналъ.

Я издали слышу ихъ разговоръ обо мнѣ.

— Это онъ безъ сомнѣнія!

— Нѣтъ! Чортъ меня побери! Это онъ!

Я ретируюсь, полный стыда за себя и состраданія къ несчастнымъ пропойцамъ, но въ душѣ я доволенъ, что избавился отъ непріятной компаніи.

Оставляя въ сторонѣ моральное значеніе этого приключенія, удивительно то, что мое лицо могло настолько вдругъ измѣниться, что его не узнали старые знакомые, съ которыми не разъ встрѣчался я на улицѣ.

* * *

Пять лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ молодая дѣвушка изъ хорошей семьи взяла съ меня слово, что я отправлюсь съ ней въ театръ. Это предложеніе не очень улыбалось мнѣ, потому что я боялся скомпрометировать молодую дѣвушку, да къ тому же длинныя театральныя представленія утомляютъ меня. Но такъ какъ не было способа избѣгнуть этой поѣздки, то я отправился на мѣсто, назначенное для встрѣчи съ ней, на тротуарѣ улицы. Долженъ сознаться, что прохаживался взадъ и впередъ по назначенной улицѣ, но по противоположной сторонѣ, при

ѣсмъ надо еще добавить, что улица эта очень узка. Я прохаживался такъ полчаса, не теряя надежды, что барышня придетъ, и не видя ее, ушелъ домой.

На слѣдующій день посылаю барышнѣ письмо, полное утѣшковъ. Она отвѣчаетъ весьма удивленно, утверждаетъ, что была на назначенномъ мѣстѣ, и такъ это обстоятельство осталось неразъясненнымъ.

* * *

Въ прежнее время часто хаживалъ я одинъ на охоту, безъ собаки, а иногда гулялъ по лѣсу даже безъ ружья. Такъ однажды въ Даніи шелъ я куда глаза глядятъ; когда я остановился у опушки лѣса, вдругъ неподалеку отъ меня выскочила лиса. Въ двадцати шагахъ отъ меня она останавливается и смотритъ прямо мнѣ въ глаза. Я не шелохнулся, и лисица побѣжала дальше, обнюхивая землю, видимо въ погонѣ за мышами. Я нагнулся къ землѣ, желая взять камень, но въ это мгновеніе лисица исчезла. Она скрылась мгновенно, а не то, чтобы постепенно исчезала на моихъ глазахъ. Я обшарилъ всю мѣстность, и нигдѣ не было норы или углубленія почвы, куда она могла бы скрыться. Она исчезла, но не убѣжала!

По берегу Дуная на болотистыхъ лугахъ цапли дѣлаютъ гнѣзда. Цапли, какъ извѣстно, особенно дикія и пугливыя птицы. Однако случалось не разъ, что я застигалъ ихъ врасплохъ. И тогда я могъ наблюдать за ними. Случалось даже, что онѣ пролетали надъ моею головою. Когда я это рассказывалъ, никто вѣрить мнѣ не хотѣлъ, а въ особенности охотники, такъ что я пришелъ къ заключенію, что это что-то сверхъестественное.

Когда я какъ-то рассказывалъ всѣ эти бывшіе со мною случаи пріятелю моему теософу въ Лундѣ, то онъ со своей стороны припомнилъ обстоятельство, которое и по сіе время осталось неразгаданнымъ. Приходитъ къ нему какъ-то его знакомый рабочій и сообщаетъ, что гдѣ-то продается старинное художественное произведеніе, предлагаетъ эту вещь для него купить и проситъ дать ему въ видѣ задатка пять кронъ. Получивъ эту сумму, рабочій исчезъ, и нигдѣ не было его видно цѣлыхъ три мѣсяца.

Въ одно прекрасное воскресенье вечеромъ проходилъ теософъ съ своей женой по безлюдной улицѣ, и вдругъ впереди себя онъ видитъ этого человѣка.

— Вотъ онъ, мой должникъ!

Теософъ оставилъ руку жены и ускорилъ шаги; но рабочій вдругъ исчезъ, какъ въ землю провалился! Не было тутъ ни двери, ни низкаго окна, куда бы могъ онъ скрыться. Теософъ подумалъ, ужъ не жертва ли онъ галлюцинаціи, тѣмъ болѣе, что на улицѣ не было ни души, что отнимало возможность допустить мысль, что онъ ошибся, принявъ за рабочаго другое лицо.

Я передаю голый фактъ. Объяснить необъяснимое нельзя. Если признать, что живое существо можетъ отклонить свѣтовые лучи отъ ихъ прямого направленія, т.-е. измѣнить преломленіе лучей, то можно ли въ этомъ наборѣ словъ найти разгадку задачи, сущность которой заключается въ вопросахъ: почему и какъ?

Остается одно: допустить, что это чудо! Пусть это сойдетъ за чудо, пока не найдется болѣе вѣрной разгадки, а пока будемъ собирать факты, не пытаясь ихъ опровергать.

V.

НАПАСТИ МОЕГО МАЛОВѢРНАГО ДРУГА.

Меня стѣсняетъ мысль, что приходится теперь говорить о приключеніяхъ, бывшихъ съ моимъ другомъ, но я заранѣе просилъ у него извиненія, и онъ знаетъ, насколько цѣли мои безкорыстны. При томъ, такъ какъ онъ самъ всѣмъ рассказывалъ, кто только хотѣлъ слушать, о своихъ злочленіяхъ и передавалъ ихъ не какъ тайну, то я могу играть роль простого безпартійнаго хроникера и если за это кто-нибудь косо на меня посмотритъ, то страдать отъ этого буду одинъ я.

Мой другъ атеистъ и матеріалистъ, но очень любитъ жизнь, которую онъ презираетъ, и боится смерти, которой не знаетъ.

Онъ до безумія любитъ женщинъ и, какъ охотникъ, гоняется за дичью даже и на запретныхъ охотничьихъ мѣстахъ.

Въ началѣ нашего знакомства, когда онъ предложилъ мнѣ поселиться у него, онъ окружилъ меня братскою любовью и ухаживалъ за мной какъ за больнымъ, т.-е. съ участіемъ свободомыслящаго человѣка, одареннаго чуткой душой, понимающаго душевныя страданія и бережность, которую онъ требуютъ.

Свободомыслящій человѣкъ, какъ и всякій другой, можетъ имѣть часы грусти, ничѣмъ необъяснимой, и въ

одинъ прекрасный вечеръ, когда сумерки наполнили комнату и лампа плохо освѣщала углы, гдѣ все больше стучались тѣни, мой другъ въ отвѣтъ на выраженіе благодарности съ моей стороны объявилъ мнѣ, что онъ мнѣ очень обязанъ, такъ какъ онъ недавно перенесъ горе: смерть лучшаго друга, и съ той поры его преслѣдовали тревожные сны, въ которыхъ постоянно являлся его покойный другъ.

— И ты тоже?

— Тоже? — Ты вѣдь понимаешь, что я говорю о снахъ, которые снятся по ночамъ...

— Да, понятно!

— Безсонница, кошмаръ... Ты вѣдь знаешь, что кошмаръ происходитъ отъ стѣсненія груди, что объясняется разстроенымъ пищевареніемъ, вслѣдствіе неумѣренной ѣды... У тебя не было никогда кошмара?

— Какъ же! Стоить съ вечера поѣсть раковъ, и готово! Пробовалъ ты принимать сальфональ?

— Да конечно! Но довѣряться врачамъ... Да ты и самъ знаешь...

— Еще бы, я ихъ знаю основательно... Но поговоримъ о твоёмъ умершемъ другѣ. Является ли онъ тебѣ во снѣ?

— Само собой разумѣется, что не онъ, живой, является мнѣ, а его трупъ, при чемъ я долженъ съ грустью замѣтить, что умеръ онъ при странныхъ обстоятельствахъ. Представь себѣ, талантливый молодой человекъ, сдѣлавшій въ области литературы многообѣщающій дебютъ, умираетъ отъ болѣзни очень мало извѣстной, *tuberculosis miliaris*,

отъ которой тѣло понемногу почти уничтожается и остается одна кожа.

— И теперь является тебѣ его трупъ?

— Ты не хочешь меня понять, ну, оставимъ это!..

* * *

Мой другъ слабого здоровья и такого же неустойчиваго настроенія, какъ апрѣльская погода; онъ видимо страдаетъ запущенной нервностью, и, когда въ февралѣ я уѣхалъ отъ него, онъ никогда не соглашался послѣ захода солнца возвращаться домой одинъ.

Вдругъ его постигаетъ крупная неприятность, чисто матеріальнаго характера.

Идетъ рѣчь о возбужденіи процесса, и мы, судя по разнымъ намекамъ, которые вырываются у него, боимся, какъ бы онъ не лишилъ себя жизни.

Онъ недавно объявленъ женихомъ, а смотритъ на жизнь весьма мрачными глазами. Но вмѣсто того, чтобы бороться съ неприятностями, онъ предпринимаетъ путешествіе, чтобы забыть свои заботы, а вернувшись собираетъ всѣхъ своихъ товарищей и задаетъ торжественный ужинъ. Среди ужина ему дѣлается плохо, приходится ложиться въ постель. Дѣлается острое желудочное расстройство.

Я узнаю объ этомъ только на второй день и отправляюсь къ нему. Трупный запахъ чувствуется, какъ только войдешь къ нему. Больной весь почернѣлъ до неузнаваемости, за нимъ ухаживаетъ пріятель и сидѣлка, руку которой онъ почти не выпускаетъ изъ своей. Онъ страшно ослабѣлъ отъ перенесенныхъ страданій.

Позднѣй, когда онъ почувствовалъ себя лучше, онъ рассказывалъ мнѣ, что у него было видѣніе: пять чертей въ образѣ красныхъ обезьянъ съ черными глазами прыгнули на край кровати и усѣлись на немъ, помахивая хвостами.

Когда онъ вполне поправился и устроилъ свои матеріальныя дѣла, онъ повеселѣлъ и рассказывалъ о своемъ снѣ гѣмъ, кто только согласенъ былъ слушать его, и многихъ это забавляло.

Иногда высказывалъ онъ свое удивленіе по поводу того, что судьба, доселѣ благопріятствующая ему, теперь начинаетъ его преслѣдовать, такъ что ничего ему не удается и все идетъ вкривь и вкось.

Гѣмъ временемъ и среди довольно весело проводимаго времени, постигъ несчастнаго, видимо впавшаго въ немилость передъ таинственными силами, ударъ, весьма ощутительный. Одинъ его знакомый, купецъ, за котораго онъ поручился на значительную сумму, утонулъ, оставивъ послѣ себя долги, что повергло моего пріятеля въ матеріальное затрудненіе.

Послѣ этого начинается цѣлый рядъ непріятностей. Видѣніе показывается въ кухнѣ моего пріятеля, и послѣдній уговариваетъ молодого врача ночевать у него въ квартирѣ, чтобы не было страшно. Но невидимыя силы не обращаютъ ни на что вниманія, и разъ какъ-то мой пріятель просыпается среди ночи и видитъ въ комнатѣ неимовѣрное количество мышей. Онъ схватываетъ палку и ударяетъ ею, пока всѣ мыши не скрылись.

Это былъ приступъ горячечной фантазіи, но выстраданный вдвоемъ, такъ какъ по утру товарищъ, спавшій въ

сосѣдной комнатѣ, сообщилъ, что онъ слышалъ сильный пискъ мышей.

Какъ объяснить галлюцинацію, которую одинъ воспринялъ зрѣніемъ, другой слухомъ?

Когда же объ этомъ случаѣ стали разсказывать днемъ при яркомъ свѣтѣ, то всѣ обернули это въ шутку. Тогда другъ мой рѣшается сообщить и о бывшемъ ему видѣніи купца, кончившаго жизнь самоубійствомъ.

— Можете вы себѣ представить, — говоритъ онъ, — онъ былъ весь черный, и изъ тѣла выпадали бѣлые черви...

Я, какъ очевидецъ могу сообщить, что какъ только онъ произнесъ эти слова, онъ поблѣднѣлъ, поднялся и съ выраженіемъ отвращенія указалъ на тарелку. На тарелкѣ вдоль сардинки медленно ползъ бѣлый червякъ.

* * *

На слѣдующій день мой другъ принужденъ былъ выйти изъ-за стола, не докончивъ ужина, потому что бѣлые червяки ползали по куску сыра.

Онъ ничего не могъ положить въ ротъ, несмотря на сильный голодъ, и былъ очень испуганъ, хотя и ненадолго.

— Что это значить?

— Не слѣдуетъ дурно говорить объ умершихъ. Они мстятъ за это.

— Умершіе? Но вѣдь они мертвые!

— Потому-то они болѣе живы, чѣмъ живущіе на землѣ.

Мой другъ дѣйствительно часто откровенно говорилъ о слабостяхъ покойнаго, бывшаго какъ-никакъ его хорошимъ пріятелемъ.

Прошло нѣсколько дней. Сидимъ мы за обѣдомъ на верандѣ, выходящей въ садъ ресторана.

— Смотрите, какая громадная крыса! — восклицаетъ одинъ изъ сидящихъ за столомъ.

Никто ея не видалъ, и мы смѣемся надъ товарищемъ.

— Подождите, вы ее еще увидите! Она тамъ подь досками!

Проходитъ минута - другая, изъ - подь досокъ показывается кошка.

— Кажется, надоѣли намъ эти крысы! — восклицаетъ мой другъ, видимо разстроенный.

* * *

Нѣкоторое время спустя, какъ-то, когда я уже легъ въ постель, стучать въ мою дверь. Я отпираю. Передо мной стоитъ мой другъ, разстроенный и въ какомъ-то возбужденіи. Онъ проситъ позволенія остаться ночевать на моемъ диванѣ, такъ какъ... въ домѣ, гдѣ онъ живетъ, всю ночь кричитъ какая-то женщина.

— Живая женщина? или привидѣніе?

— Женщина, которая страдаетъ ракомъ и ничего лучшаго не желаетъ, какъ умереть. Со всѣмъ этимъ съ ума можно сойти! И странно будетъ, если я не кончу въ сумасшедшемъ домѣ!

Диванъ мой очень коротокъ, и когда мой другъ, большого роста, легъ на диванъ, къ которому мы приставили два стула, то можно было принять его за каторжника, распростертаго на дыбѣ.

Онъ лишенъ своей уютной квартиры, своей мягкой по

стели, ему даже нельзя вполнѣ раздѣться. Мнѣ жаль его, и я предлагаю ему мою кровать. Но онъ отъ нея отказывается. Онъ просить не тушить лампы, и свѣтъ ея падаетъ ему прямо въ глаза. Онъ боится темноты.

— Сомнѣнья не можетъ быть! Это больная женщина. Но все же странно!..

Такъ шепчетъ онъ про себя, лежа на диванѣ, пока сонъ не смилостивился надъ нимъ.

* * *

Цѣлыхъ двѣ недѣли подъ рядъ пришлось ему по ночамъ спать на чужихъ диванахъ.

— Вѣдь это адъ! — восклицаетъ онъ иногда

— Я то же хотѣлъ сказать, — говорю я.

Когда, какъ-то ночью, представилась ему «бѣлая женщина», онъ самъ указалъ на возможность возмездія въ данномъ случаѣ. Вѣрный моей роли, я молчу. Я пропускаю безъ вниманія случай съ женщиной, которая кричитъ, и вмѣшательство агента полиціи, въ которомъ признали преодѣтаго злоумышленника; также не останавлиюсь я и на появленіи торговца масломъ и его дочери, но я считаю нужнымъ передать рассказъ о Мадоннѣ и о томъ, какъ на далекомъ разстояніи представился человѣкъ въ моментъ его смерти.

Во время поѣздки за городъ другъ мой находится среди компаніи, усѣвшейся на берегу озера. Онъ былъ въ отличномъ настроеніи и забылъ всѣ ужасы и страхи

— Тутъ, — восклицаетъ онъ вдругъ весело, — должно было бы быть явленіе Пресвятой Дѣвы! Вотъ хорошее мѣсто для богомолья!

Въ эту самую секунду лицо его покрывается блѣдностью, и онъ лепечетъ еле слышно:

— Онъ скончался!

— Кто?

— Лейтенантъ Х. Я увидѣлъ его въ предсмертной агоніи, его комнату, всѣхъ его окружающихъ, все!

Его подняли на смѣхъ!

Но по дорогѣ въ городъ узнаютъ достоверно о кончинѣ лейтенанта Х. Смерть случилась скоропостижно, ровно въ половинѣ восьмого, въ то самое мгновеніе, когда другъ мой увидѣлъ его.

На смѣявшихся это произвело сильное впечатлѣніе, такъ что они невольно прослезились, не отъ горя, такъ какъ они были къ покойному вполнѣ равнодушны, а отъ душевнаго волненія при видѣ чуда.

Въ газетахъ было напечатано о случившемся. Честныя газеты не отрицали факта, недобросовѣстныя же дали понять, что свидѣтели недостоверны.

* *
* *
* *

Я согласенъ съ тѣмъ, что скромность требуетъ, чтобы мы не всякій пустякъ приписывали вмѣшательству въ наши дѣла таинственныхъ силъ, но въ этомъ однако скрывается и «препятствіе нераскайнымъ», что явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ Клода Св. Мартина:

«Очень можетъ быть, что ложный взглядъ (что земля есть лишь одна точка вселенной) привелъ людей къ неверному представленію, на основаніи котораго человекъ считаетъ себя недостойнымъ вниманія своего Творца. Ему

кажется, что онъ повинуется голосу смиренія, когда онъ отказывается допустить, что сама земля и все, что содержитъ въ себѣ вселенная, создано для него. Онъ какъ бы боится впасть въ гордость, предаваясь такимъ мыслямъ. Но онъ не побоялся малодушія и лѣности, неизбежно вытекающихъ изъ этой скромности. И если нынѣ человекъ уклоняется отъ того, чтобы считаться царемъ вселенной, то объясняется это тѣмъ, что у него духа не хватаетъ работать, чтобы снискать себѣ законное право на это званіе, что обязанности, съ этимъ связанныя, кажутся ему черезчуръ тяжелыми и что ему не такъ страшно отказаться отъ своего положенія и отъ своихъ правъ, какъ трудиться на то, чтобы укрѣпить его».

Какъ найти между высокомеріемъ и смиреніемъ вѣрный путь къ пристани?

Тѣмъ временемъ я изучилъ вполнѣ всѣ слабости моего друга, такъ что я напередъ могу предсказать, глядя на него, всѣ его денные и ночные страхи. Это приводитъ меня по убѣжденію, что всѣ его неудачи зависятъ отъ нравственнаго состоянія. Но о нравственности теперь никто не говоритъ, это слово изгнано изъ употребленія, и я не всегда рѣшаюсь его произнести.

— Если бы ты прочелъ Сведенборга передъ твоимъ послѣднимъ ночнымъ видѣніемъ, — отважился я однажды сказать, когда онъ показался мнѣ ужъ очень жалкимъ, — то ты отправился бы въ армію спасенія, или сталъ бы ухаживать за больными.

— Какъ такъ? Что же говорить этотъ Сведенборгъ?

— Онъ говоритъ многое и онъ спасъ меня отъ сума-

сшествія. Подумай только, что онъ вернулъ мнѣ сонъ четырьмя словами!

— Скажи же какими, прошу тебя!

Мужество покинуло меня, и это дѣлалось со мной каждый разъ, когда одержимый нечистымъ духомъ просилъ меня сказать эти слова.

Я записалъ эти слова, которыя одержали верхъ надъ всѣми предписаніями врачей:

«Этого больше не дѣлай».

Каждый можетъ по своей совѣсти истолковать слово: «этого».

Я нижеподписавшійся заявляю, что снова приобрѣлъ здоровье и спокойный сонъ отъ исполненія вышеуказаннаго рецепта.

Авторъ.

Это признаніе! Но не увѣщаніе!

VI.

КОЕ-О-ЧЕМЪ.

Никого, кажется, такъ судьба не испытывала, какъ доктора, о которомъ я упомянулъ въ первой главѣ настоящей книжки, называя его главой возмущившейся молодежи, который послѣ нескончаемаго числа преслѣдованій сталъ вполнѣ умѣреннымъ съ отгѣнкомъ религіозности. Онъ считаетъ все для себя въ жизни потеряннымъ, ничему не вѣритъ, не довѣряетъ людямъ; онъ лишенъ того чувства, которое дѣлаетъ насъ способными страдать и на-

слаждаться; онъ ко всему равнодушенъ. Онъ началъ съ того, что боролся горячо за свободу личности, за раскрѣпощеніе нарсда и женщины и онъ увидѣлъ послѣдствія этого, которыя окончательно сокрушили его мечты. Ему, особенно ярому поборнику свободы женщины, пришлось увидѣть, какъ его невѣста, которую онъ самъ глубоко уважалъ, кончила тѣмъ, что стала любовницей цѣлой массы литераторовъ, нѣчто въ родѣ проститутки-богемки.

Теперь ему тридцать лѣтъ. Во время многолѣтняго пребыванія за границей онъ претерпѣлъ всѣ страданія изгнанника: бѣдность, голоданіе, холодъ, недостатокъ во всемъ. Не разъ приходилось ему ночевать въ лѣсу или въ какомъ-нибудь городскомъ паркѣ, за неимѣніемъ опредѣленнаго почлега; не разъ проголодавшись съѣдалъ онъ крахмаль и желатинъ, приготовленные для различныхъ препаратовъ въ лабораторіи, куда онъ опредѣлился.

Но голодъ дѣлаетъ человѣка неспособнымъ сопротивляться дѣйствию спиртныхъ напитковъ. Не будучи алкоголикомъ, онъ все же плохо переносилъ то незначительное количество вина, которое онъ могъ иногда себѣ добывать.

Когда онъ, брошенный совершенно своими родственниками, заболѣлъ, ему удалось быть принятымъ въ лѣчебницу для нервно-больныхъ, благодаря заботамъ человѣка, котораго онъ почти не зналъ и который принадлежалъ къ послѣдователямъ Сведенборга (!).

Пробывъ въ лѣчебницѣ мѣсяцъ, онъ вполнѣ излѣчился и вернулся въ Швецію въ университетъ; ему было лишь строго предписано воздержаніе отъ вина.

Онъ мнѣ одолжилъ Arcana coelestia Сведенборга, а

повдѣе и *Aposcalypsis revelata*, сочиненія, которыхъ онъ самъ не читалъ, но которыя находились въ библиотекѣ его матери; она тоже была почитательницей Сведенборга (!).

Меня, человѣка, дожившаго до сорока восьми лѣтъ и никогда не встрѣчавшагося съ сочиненіемъ Сведенборга, котораго въ образованныхъ классахъ Швеціи открыто презираютъ, удивляетъ, что теперь онъ всюду выплываетъ— въ Парижѣ, на Дунаѣ, въ Швеціи, и это за послѣдніе полгода.

Мой другъ съ разбитыми мечтами пока остается равнодушнень, несмотря на многочисленныя превратности судьбы. Онъ не способенъ склонить голову и считаетъ, что недостойно человѣка преклонять колѣни передъ невѣдомой силой, которая можетъ въ одинъ прекрасный день оказаться искусителемъ, искушеніямъ котораго слѣдовало бы противиться насколько возможно.

Я не скрываю отъ него своихъ новыхъ религіозныхъ взглядовъ, хотя и не пытаюсь вліять на него.

— Видишь ли, религія—это нѣчто, что каждый долженъ самъ усвоить, но что не слѣдуетъ проповѣдовать!

Часто прислушивается онъ къ моимъ словамъ съ видимымъ интересомъ, часто иронически улыбается. Случилось какъ-то, что двѣ недѣли я его не видалъ; уже я думалъ, не сердится ли онъ; но потомъ онъ пришелъ, и видно было изъ его словъ, что онъ о чемъ-то размышлялъ.

— Что-нибудь случилось?—спрашиваю я.

— Не знаю; но положительно становится трудно какъ слѣдуетъ работать.

— Что же такое?

— Каждое утро, когда я прихожу въ лабораторію,

И всѣ свои вещи нахожу въ полномъ безпорядкѣ. Ты даже представить себѣ не можешь, что тамъ дѣлается! — и даже столъ бываетъ весь запачканъ. И это несмотря на то, что я стараюсь все содержать въ порядкѣ.

— Злоумышленникъ?

— Невозможно! Я послѣдній всегда покидаю залъ и сразу обнаружилъ бы виновника.

— Такъ это...

— Что?

— Незримыя силы!

— Не могу этого утверждать, но долженъ сознаться, что за послѣднее время кто-то какъ бы слѣдитъ за мной и читаетъ мои сокровенныя мысли. Стоитъ мнѣ въ какомъ-нибудь отношеніи переступить границы, какъ я бываю пойманъ въ то же мгновеніе.

— Когда-нибудь случались съ тобой странности?

— Нѣтъ—со мной нѣтъ, но съ матерью и съ сестрой, которыя обѣ послѣдовательницы Сведенборга. Впрочемъ, подожди, и со мной былъ случай два года тому назадъ въ Берлинѣ.

— Расскажи!

— Дѣло было такъ: какъ-то вечеромъ, гуляя по Лінденъ, вошелъ я въ будочку и увидѣлъ тамъ человѣка, съ непокрытой головой, очень странной наружности: у него на затылкѣ былъ наростъ, и онъ напѣвалъ тирольскую мелодію. Неприятное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ человѣкомъ, врѣзалось въ мою память, и чтобы избавиться отъ него, я удлинилъ свою прогулку и пошелъ за городъ. Уставши и проголодавшись, вошелъ я въ трактирчикъ и заказалъ себѣ франкфуртскихъ сосисокъ и

кружку пива.—Франкфуртскихъ сосисокъ и кружку пива,— повторилъ кто-то рядомъ со мной. Оглянувшись, я увидѣлъ человѣка съ наростомъ на затылкѣ. Смущенный, самъ не зная почему, вышелъ я, не дождавшись заказаннаго. Я никогда глубже не задумывался надъ этимъ ничтожнымъ происшествіемъ, но сохранилъ о немъ очень живое впечатлѣніе, и оно какъ разъ теперь пришло мнѣ на память.

Произнеся послѣднія слова, онъ закрылъ глаза обѣими руками, какъ бы желая этимъ стереть запечатлѣвшійся въ нихъ образъ.

* * *

Теперь, пока этотъ послѣдній рассказъ еще во всѣхъ подробностяхъ памятенъ читателю, я хочу передать другой случай, имѣющій съ нимъ связь, что, пожалуй, приблизитъ насъ хоть на шагъ къ вѣрной пристани.

Перваго мая рано утромъ отправился я въ Паркъ, чтобы тамъ пообѣдать съ однимъ учителемъ гимназіи. Когда мы усѣлись за столикъ на большомъ открытомъ балконѣ, гдѣ не было ни души, я вдругъ почувствовалъ какую-то неловкость и, обернувшись, увидѣлъ человѣка странной наружности.

— Кто это такой? — обратился я къ учителю, старожилу Лунда, знавшаго въ лицо всѣхъ жителей.

— Вѣроятно, пріѣзжій.

Незнакомецъ молча, съ непокрытой головой подошелъ къ намъ ближе и, остановившись напротивъ меня, такъ пристально взглянулъ на меня, что я почувствовалъ боль въ груди.

Мы перешли на другое мѣсто. Субъектъ слѣдовалъ

Молча за нами. Взглядъ его не былъ ни злобенъ, ни дерзокъ, онъ былъ скорѣй печаленъ и безъ выраженія какъ, взглядъ ночного призрака. Вдругъ въ моемъ воображеніи промелькнуло смутное воспоминаніе.

Этотъ человѣкъ похожъ на кого-то, но на кого?

— Да, дѣйствительно! Это вылитый другъ нашъ Мартинъ въ сорокъ пять лѣтъ.

Въ это мгновеніе среди хаоса моихъ чувствъ и впечатлѣній выплываетъ фигура въ будочкѣ моего друга Мартина (такъ зовутъ злосчастнаго доктора, одолжившаго мнѣ сочиненіе Сведенборга), преслѣдуемаго въ Берлинѣ этимъ незнакомцемъ.

Тѣмъ временемъ онъ сѣлъ около насъ, повернувшись къ намъ спиной.

Каково было мое удивленіе, когда на затылкѣ этого человѣка я увидѣлъ нарость.

— Видишь ли ты, — спросилъ я товарища, не довѣряя своимъ глазамъ, — припухлость на его шеѣ сзади?

— Совершенно вѣрно! Я ясно вижу ее. А дальше?

И ничего не отвѣчалъ, потому что все рассказать было бы слишкомъ долго; къ тому же я узналъ, что учитель ярый противникъ оккультизма.

Въ этотъ же вечеръ пришлось мнѣ встрѣтить друга Мартина среди толпы студентовъ.

— Гдѣ былъ ты сегодня днемъ между часомъ и половиной второго? — спросилъ я сразу.

— А что? Почему ты это спрашиваешь? — возразилъ тотъ смущенно.

— Отвѣчай на вопросъ!

— Я лежалъ и спалъ! Я не имѣю привычки спать днемъ, такъ что стыжусь этого.

— И ты во время сна выходишь и гуляешь?

— Похоже! Я на-дняхъ во снѣ видѣлъ пожаръ, вспыхнувшій въ музеѣ. Вотъ тебѣ истинная правда.

Послѣ этого признакія я передалъ ему встрѣчу въ паркѣ и подчеркнулъ связь этого случая съ его видѣніемъ въ Берлинѣ.

Но онъ былъ въ слишкомъ веселомъ настроеніи, не смотря на то, что этотъ наростъ пугалъ его.

— Мой двойникъ!—воскликнулъ онъ шутя.

* * *

Тутъ я ненадолго остановлюсь, чтобы изложить употребительнѣйшія теоріи феноменовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ двойниковъ.

Теософы признаютъ ихъ существованіе какъ фактъ, при чемъ они утверждаютъ, что душа, или астральный духъ, имѣетъ способность покидать тѣло и принимать почти матеріальную форму, которая можетъ быть нѣкоторымъ людямъ видна при благоприятныхъ условіяхъ. Этимъ объясняются всѣ, такъ называемыя, телепатическія явленія. Созданія фантазіи реальности не имѣютъ, но что касается до видѣній, галлюцинацій, такъ онѣ облечены въ своего рода матеріальность; точно такъ же какъ въ оптикѣ существуетъ различіе между виртуальными и дѣйствительными образами, при чемъ послѣдніе могутъ быть проэктированы на экранѣ или могутъ быть фиксированы на чувствительной фотографической пластинкѣ. Положимъ отсутствующая

личность вспоминаетъ меня и этимъ вызываетъ въ своемъ воображеніи мой образъ: лицу, вызывающему меня, удается лишь получить мой виртуальный образъ, и это лишь при условіи добровольнаго и сознательнаго напряженія. Положимъ, старая моя тетка, живущая далеко отъ меня, сидитъ за роялью, не помышляя обо мнѣ, и вдругъ видитъ меня лично стоящаго за роялью: старушка видѣла мое виртуальное изображеніе. И это дѣйствительно случилось осенью 1895 года. Я помню, что я въ то время переживалъ въ столицѣ Франціи страшный кризисъ, и мною въ сильнѣйшей степени овладѣло желаніе очутиться въ своей семьѣ, такъ что я ясно представилъ себѣ внутренній видъ дома и, на мгновеніе позабывъ о томъ, гдѣ нахожусь, потерялъ сознаніе той среды, среди которой я вращался. Я стоялъ за ролью, и при этомъ воображеніе старой тетки не играло никакой роли.

Такъ какъ она слышала уже о подобнаго рода явленійхъ, то она увидала въ этомъ предвѣстника смерти и написала мнѣ, чтобы справиться, не былъ ли я боленъ.

Чтобы яснѣй освѣтить этотъ вопросъ, изложу здѣсь свою статью, помѣщенную въ прошломъ году въ «Juitiation» и заключающую въ себѣ пункты, соприкасающіеся съ выше-приведеннымъ случаемъ.

«Изліяніе души и ея способность расширяться».

(Изъ личныхъ наблюденій.)

«Быть внѣ себя» и «замкнуться въ себя» — вотъ два общепринятыхъ выраженія, которыя отлично характеризуютъ способность души расширяться и снова сокращаться.

Душа сокращается отъ страха и расплывается отъ радости, счастья или успѣха

Войдите въ полный пассажирами вагонъ желѣзной дороги. Всѣ другъ другу незнакомы и всѣ сидятъ смирно.

Всѣ, смотря по свойственной каждому чувствительности, находятся въ состояніи неуютномъ. Происходитъ разнообразное скрещиваніе самыхъ различныхъ изліяній (irradiation), что указываетъ на общее стѣсненіе. Совѣтъ не жарко, но многимъ кажется, что они задыхаются: мысли этихъ людей, насыщенные токомъ, имѣютъ потребность разразиться; интенсивность тока, усиленная еще субъективнымъ вліяніемъ и пожалуй даже индукціей, достигаетъ максимума.

Тогда одинъ изъ присутствующихъ прерываетъ молчаніе: произошло разряженіе; а когда всѣ вступили въ разговоръ безъ особаго содержанія, а лишь съ цѣлью удовлетворенія физической необходимости, то наступила нейтрализація.

Если среди присутствующихъ есть человекъ, желающій замкнуться самъ въ себя, онъ затворяетъ свое внутреннее зрѣніе и внутренній слухъ, удаляется въ свой уголъ и стараются огородиться отъ внѣшняго вліянія.

Или онъ смотритъ въ окно на окружающую мѣстность, а мысли его тѣмъ временемъ свободно уносятся въ разныя стороны; этимъ самымъ онъ выходитъ изъ магическаго круга безразличныхъ ему людей, запертыхъ случайно вмѣстѣ съ нимъ.

Тайна великаго актера заключается въ прирожденной способности его души испускать лучи и тѣмъ самымъ вступать въ связь съ публикой.

Въ великіе моменты отъ вдохновеннаго оратора исходить сіяніе, свѣтъ; лицо его сіяетъ.

Актеръ съ мечтательной натурой, глубокимъ пониманіемъ, много изучавшій жизнь, но не имѣющій способности выходить такъ сказать, изъ себя, не будетъ цѣннымъ на сценѣ. Его одухотворенность, замкнутая въ немъ самомъ, не проникнетъ въ души зрителей.

Въ большихъ житейскихъ кризисахъ, когда самому существованію грозитъ опасность, душа пріобрѣтаетъ сверхъчувственныя способности. Кажется, будто страхъ передъ несчастіемъ побуждаетъ измученную душу улетѣть, чтобы отыскать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ другую жизнь, болѣе легкую, и не зря плѣняетъ несчастныхъ самоубійство тѣмъ, что обѣщаетъ имъ открыть двери тюрьмы.

Вотъ что случилось со мной нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Сидѣлъ я однажды въ осеннее утро у письменнаго стола передъ окномъ, выходящимъ на мрачную улицу маленькаго промышленнаго города Мэренъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, дверь въ которую была въ это время затворена, отдыхала моя жена, чувствовавшая себя нехорошо въ ожиданіи родовъ.

Въ то время, какъ я писалъ, я унесся воображеніемъ въ мѣстность, хорошо мнѣ знакомую, находящуюся болѣе, чѣмъ тысяча километровъ, на сѣверъ отъ настоящаго моего мѣстопробыванія.

Въ разгарѣ глухой осени, почти что зимы, я вдругъ перенесся въ середину лѣта, подъ зеленый дубъ, освѣщенный солнцемъ; возлѣ моихъ ногъ развернулся садикъ, который я въ дѣтствѣ самъ насадилъ; розы—я могъ всѣ сорта

назвать по именамъ,—сирень, жасминъ распространяли дѣйствительно свой чудный ароматъ; я снималъ гусеницъ съ моихъ вишневыхъ деревьевъ, я подрѣзалъ кусты смородины... Вдругъ слышу сдавленный крикъ; я самъ не понимаю, что происходитъ, вскакиваю на ноги, судорга сводитъ мой спинной хребетъ, и я падаю безъ чувствъ на стулъ.

Придя въ себя, я ясно соображаю, что жена подошла ко мнѣ сзади, чтобы пожелать мнѣ добраго утра, и тихо опустила руку мнѣ на плечо.

— Гдѣ я?

Это первое, что я спросилъ, и слѣлалъ я этотъ вопросъ на моемъ родномъ нарѣчїи, котораго жена, какъ иностранка, не понимала.

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого случая, было то, что душа моя расширилась и покинула тѣло, непрерывая незримыхъ нитей, и требовалось нѣкоторое, хотя бы и незначительное время, чтобы мнѣ вспомнить, что я сознательно и невредимо находился все время въ комнатѣ, гдѣ занимался.

Если бы, согласно стариннымъ толкованїямъ, душа моя была погружена сама въ себя и не покидала бы тѣлесной оболочки, то она съ гораздо большей легкостью и быстротой пришла бы въ себя, но я не страдалъ бы въ такой сильной степени отъ неожиданности.

Нѣтъ, я отсутствовалъ (*frånvarande*), и возвращеніе моей души было такъ внезапно ускорено, что я отъ этого испыталъ страданіе. Но я почувствовалъ его въ спинѣ, а отнюдь не въ области головы: это наводитъ меня на мысль о роли, которую медики приписываютъ *plexus solaris*.

Другой случай, имѣвшій мѣсто три года тому назадъ въ Берлинѣ, служить мнѣ явнымъ доказательствомъ, что экстеріоризація, или переселеніе души, допустимо.

Послѣ перенесеннаго кризиса, заботъ и неуравновѣшенной жизни, сижу я разъ ночью между часомъ и половиной второго у виноторговца за столомъ, во всякое время готовымъ для нашей компаніи. Сидѣли и пили мы съ шести часовъ, и все время я почти одинъ велъ разговоръ. Мнѣ хотѣлось дать разсудительный совѣтъ молодому офицеру, собирающемуся перемѣнить военное поприще на карьеру художника. Такъ какъ онъ въ то же время влюбился въ молодую дѣвушку, то находился въ страшно возбужденномъ состояніи и, получивъ днемъ отъ отца письмо, полное упрековъ, былъ просто внѣ себя. Я забывалъ свои собственныя раны, когда врачевалъ раны другихъ; мнѣ было трудно успокоить юношу, и это возбуждало мою энергію; послѣ безконечнаго ряда убѣжденій и доказательствъ мнѣ хотѣлось возродить въ его памяти пережитый случай, который, какъ мнѣ казалось, могъ бы повліять на его рѣшеніе.

— Вы вѣдь помните вечеръ въ Августинскомъ кабацкѣ...

Я по столу обрисовываю пальцемъ, какъ стояли наши приборы, указываю мѣсто, гдѣ стоялъ закусочный столъ, дверь, въ которую входили, мебель, картины...

Вдругъ я замолчалъ... мнѣ стало дѣлаться дурно, хотя я не вполнѣ лишился чувствъ и сидѣлъ на стулѣ. Я находился въ Августинскомъ кабацкѣ и забылъ, съ кѣмъ разговаривалъ.

— Подождите!—продолжалъ я вновь.—Я у Августинцевъ, хотя я отлично знаю, что нахожусь въ другомъ мѣстѣ; не

говорите ничего... я васъ не знаю, но знаю, что вы мнѣ знакомы. Гдѣ я? — Не говорите, это настолько интересно...

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы поднять глаза къверху — не знаю, были ли они закрыты—я увидѣлъ облако, задній планъ неясной окраски и какъ бы спускающійся сверху съ потолка театральнй занавѣсъ: это была перегородка, уставленная полками съ бутылками.

— Да!—воскликнулъ я, какъ бы освободившись отъ перенесеннаго страданія,—я вѣдь нахожусь у господина Ф. (такъ звали виноторговца).

Лицо офицера исказилось отъ боли, и слезы потекли изъ его глазъ.

— Что? вы плачете?—спросилъ я его.

— Это было ужасно.

— Что такое?

Когда я этотъ случай рассказывалъ другимъ, то мнѣ возражали, что то былъ обморокъ или опьянѣніе,—два слова, которыя мало что означаютъ и ничего не объясняютъ.

Во-первыхъ и прежде всего обморокъ всегда сопровождается потерей сознанія, точно такъ же и опьянѣніе, а затѣмъ и нѣкоторымъ расслабленіемъ мускулатуры: этого въ данномъ случаѣ не было, такъ какъ я твердо сидѣлъ на своемъ стулѣ и сознательно говорилъ о своемъ частичномъ помраченіи.

Въ то время я понятія не имѣлъ о томъ, что значить экстеріоризація чувствительности*). Теперь, ознакомившись съ этимъ вопросомъ, я убѣжденъ, что душа имѣетъ способность расширяться и что она во время обыкновеннаго

---

*) A de Roshas: L'extériorisation de la sensibilité.

сна значительно расширяется; когда же въ концѣ-концовъ наступаетъ смерть, то она покидаетъ тѣло, но отнюдь не угасаетъ.

Нѣсколько дней тому назадъ шелъ я по тротуару и увидѣлъ немного впереди себя содержателя трактира, стоявшаго у своихъ дверей и ссорившагося съ стоявшимъ на улицѣ точильщикомъ ножей. Мнѣ непріятно было проходить мимо этихъ двухъ субъектовъ, но избѣжать этого было невозможно, и я утверждаю, что испыталъ очень непріятное чувство, пока переступалъ пространство, отдѣлявшее обоихъ ссорившихся мужчинъ. Мнѣ казалось, что я перерѣзалъ натянутую между ними нить или проходилъ по улицѣ, которую съ обѣихъ сторонъ обливали водой.

Нѣтъ, связь, связывающая между собой друзей, родственниковъ, а въ особенности супруговъ, есть дѣйствительная связь.

Когда мы начинаемъ любить женщину, мы отдаемъ ей понемногу всю нашу душу. Наша личность раздвояется, и наша возлюбленная, дотолѣ безразличная, нейтральная, облекается въ наше второе я и становится нашимъ двойникомъ. Если ей вздумается уйти отъ насъ, унося нашу душу, то боль, этимъ причиняемая, сильнѣй всякаго другого страданія; она, пожалуй, можетъ сравниться лишь съ горемъ матери, теряющей своего ребенка. Остается пустое мѣсто, и горе тому человѣку, у котораго не хватитъ рѣшимости снова захватить отдѣлившуюся часть своего я и направить еѣ въ другое мѣсто.

Любовь есть актъ оплодотворенія мужского расцвѣта,

потому что любить мужчину, и это лишь сладостное заблужденіе, что онъ тоже любимъ женой, его вторымъ я.

Таинственная связь между супругами проявляется иногда медумическимъ образомъ, такъ что супруги могутъ зачастую призывать одинъ другого на громадномъ разстояніи, читать мысли другъ у друга и оказывать одинъ на другого таинственное вліяніе. Не чувствуется больше потребности въ разговорѣ, радуешься отъ одного присутствія любимаго существа, согрѣваешься теплыми лучами, исходящими отъ его души, и если приходится разстаться, связь растягивается. Тоска по любимомъ человѣкѣ растетъ отъ разлуки и можетъ довести до разрыва связи и этимъ причинить смерть.

Я записывалъ за нѣсколько лѣтъ всѣ мои сны и пришелъ къ убѣжденію, что человѣкъ живетъ двойной жизнью, что представленія, фантазія, сны не лишены своего рода дѣйствительности. Такъ что мы всѣ являемся духовными сомнамбулами, и во снѣ мы совершаемъ поступки, которые преслѣдуютъ насъ въ часы бодрствованія съ чувствомъ удовлетворенія или злой совѣсти, боязни послѣдствій. И на основаніяхъ, открытъ которыя теперь я не считаю себя въ правѣ, я полагаю, что такъ называемая манія преслѣдованія основана часто на угрызеніяхъ совѣсти послѣ дурного поступка, содѣяннаго во время сна, смутное воспоминаніе о коемъ пробуждается въ насъ. И фантазіи поэта, которыя презираютъ ограниченные люди, по-моему не что иное, какъ дѣйствительность.

А смерть? — спросите вы.

Храбрцу, не придающему большой цѣны жизни, я бы прежде всего рекомендовалъ слѣдующій опытъ, который

я повторялъ много разъ не безъ тяжелыхъ и во всякомъ случаѣ трудно излѣчиваемыхъ послѣдствій.

Закрывъ всѣ двери, окна и печные отдушники, ставлю я на ночной столикъ открытый пузырекъ съ цианистымъ калиемъ и ложусь на кровать.

Въ скоромъ времени угольная кислота воздуха выдѣляетъ синильную кислоту, и проявляются извѣстныя физиологическія явленія. Незначительная судорога глотки и необъяснимый вкусъ, который я по аналогіи готовъ былъ бы назвать «синимъ», параличъ мышцъ, боли желудка.

Смертельное дѣйствіе синильной кислоты до сихъ поръ остается тайной. Различные авторитеты объясняютъ различнымъ образомъ дѣйствіе этого яда. Одинъ говоритъ: мозговой параличъ; другой: сердечный параличъ; третій: удушье, какъ послѣдствіе того, что задѣтъ продолговатый мозгъ, и т. д.

Однако, такъ какъ дѣйствіе проявляется моментально, пока еще не успѣло произойти всасываніе, то образъ дѣйствія долженъ скорѣе считаться... психическимъ, если при этомъ взять во вниманіе то, что синильная кислота употребляется въ медицинѣ, какъ успокоительное средство при такъ называемыхъ нервныхъ заболѣваніяхъ.

Все, что я хотѣлъ бы сказать относительно проявляющагося въ этомъ случаѣ состоянія души, сводится къ слѣдующему:

Это не есть медленное угасаніе, а скорѣй развязка, въ которой пріятное чувство пересиливаетъ незначительныя боли.

Внутреннее чувство становится сильнѣй въ противоположность съ приближеніемъ сна, воля пріобрѣтаетъ силу,

и я могу прекратить опытъ тѣмъ, что пробкой затыкаю
пузырекъ и открываю окно, вдыхаю хлоръ или аммиакъ.

Если можно доказать временную смерть факи-
ровъ, то я думаю, что вышеприведенный опытъ можетъ
быть продленъ безъ опасности для жизни. А въ случаѣ
несчастья слѣдовало бы прибѣгнуть ко всѣмъ различнымъ
способамъ, употребляемымъ для приведенія въ чувство за-
душеннаго. Факиры кладутъ на голову теплыя припарки.
Китайцы кладутъ что-нибудь теплое на желудокъ и вы-
зываютъ чиханіе. Въ своемъ превосходномъ сочиненіи *Le
positif et le négatif* (Paris éd. Lemerre 1890) Виль со словъ
Труссо и Пиду передаетъ слѣдующее:

«Карреро задушилъ и потопилъ въ 1825 году значи-
тельное число животныхъ, которыхъ онъ потомъ вернулъ
къ жизни *) тѣмъ, что просто втыкалъ имъ въ мозгъ
иголки».

Въ моемъ трудѣ «*Inferno*» я рассказывалъ о моемъ со-
братѣ по несчастью, нѣмецко-американскомъ художникѣ,
двойникомъ котораго считался нѣмецко-американскій
знахарь Францискъ Шлаттеръ. Насталъ моментъ, когда
я принужденъ компрометировать моего друга въ цѣляхъ
освѣщенія истиннаго положенія вещей.

---

*) А. Е. Badaire приводитъ въ своей книжкѣ *La joie de mourir*
(Paris, Chamuels éd. 1894) нѣсколько извѣстныхъ случаевъ смертей,
какъ напримѣръ случай съ знаменитымъ Рише въ 1892 и съ Галле-
ромъ, когда невозможно было точно опредѣлить моментъ насту-
пившей смерти.

Шизакъ, врачъ изъ Монпелье, раздвоился передъ смертью: смо-
трѣлъ на себя, какъ на посторонняго, ставилъ себѣ діагнозъ, выслу-
шивалъ свой пульсъ и дѣлалъ предписанія. Затѣмъ онъ закрылъ
глаза, „чтобы больше ихъ не открывать“.

Друга моего звали X., безразлично, истинное ли это его имя или онъ себѣ его присвоилъ.

Вернувшись въ Парижъ въ августѣ 1897 года, перелистывалъ я однажды спиритическій журналъ 1859 года. Тамъ нашелъ я статью, озаглавленную: «Мой другъ X.».

Подъ тѣмъ же заглавіемъ нѣкій господинъ X. Лугнеръ въ фельетонѣ Journal des Débats отъ 26-го ноября 1858 года напечаталъ рассказъ, за достовѣрность котораго онъ ручается, какъ свидѣтель, такъ какъ заявляетъ, что онъ близокъ съ героемъ этого приключенія. Героємъ былъ молодой человѣкъ двадцати пяти лѣтъ отъ роду, безпорочнаго поведенія и необычайной доброты.

X. не былъ въ состояніи бороться со сномъ послѣ захода солнца. Его охватывала непоборимая усталость, и онъ понемногу погружался въ крѣпкій сонъ, котораго уже ничто не могло прервать.

Словомъ, X. жилъ двойной жизнью, и по ночамъ онъ дѣйствовалъ въ Мельбурнѣ, какъ злодѣй, подъ именемъ Вилліама Паркера, который со временемъ былъ казненъ. Въ это же время въ Германіи X. былъ найденъ мертвымъ въ своей постели.

Истинное ли это происшествіе или плодъ фантазіи, но этотъ случай меня особенно интересуеть, потому что тутъ замѣшано имя X. и потому что обстоятельства дѣла удивительно совпадаютъ.

Современная литература уже занялась вопросомъ о проявленіяхъ двойниковъ въ извѣстномъ романѣ Трильби и въ піесѣ Пауля Линдау.

Интересно было бы знать работали ли эти писатели съ натуры или нѣтъ?

Вернемся же однако къ другу нашему Мартину.

Вслѣдъ за длинной зимой близилась весна съ обман-ными надеждами. Бѣдный докторъ, положившійся на обѣщаніе начальства, что онъ будетъ произведенъ въ доценты, былъ очень сильно разочарованъ, когда производство было отложено. Надо было ждать до осени, несмотря на то, что онъ владѣлъ серьезнымъ запасомъ знаній. Это была обида, которая довела его до отчаянія, и, проклиная судьбу, бросился онъ въ распутство, не нарушая однако своего обѣта трезвости.

Онъ холостъ. И такъ въ одинъ прекрасный вечеръ ищетъ онъ дѣвицу, ожидающую, чтобы ее пригласилъ мужчина. Затѣмъ они расстались. Дѣвица была ему совершенно незнакома и жила въ кварталѣ съ дурной репутаціей, вдали отъ центра города. Все это было весьма несложно, и онъ не ожидалъ отъ этого никакихъ послѣдствій.

На слѣдующій вечеръ сидитъ онъ за занятіями въ родительскомъ домѣ, какъ вдругъ шумъ снаружи привлекаетъ его вниманіе.

Онъ отворяетъ окно и видитъ группу юношей отъ пятнадцати до восемнадцатилѣтняго возраста. Украсъ тамъ было нечего, и потому онъ не можетъ объяснить себѣ присутствіе толпы въ этомъ мѣстѣ и въ такой необычной часъ. Повѣсы стоятъ и топчатыся на мѣстѣ безъ видимаго повода. Онъ чуть ли не думаетъ, что ему мерещится, какъ вдругъ мать зоветъ его. Мать, когда онъ спустился внизъ, поручаетъ ему пойти на крыльцо и узнать, что этимъ людямъ надо.

Выйдя на дворъ, онъ видитъ молодую женщину, стоящую у стѣны. Онъ подходитъ ближе, чтобы узнать въ

чемъ дѣло, но уже чувствуетъ недоброе. Подойдя къ женщинѣ, узнаетъ онъ вчерашнюю дѣвицу и, думая, что онъ жертва домогательства, кричитъ внѣ себя отъ раздраженія: «Что вы тутъ дѣлаете? Идите своей дорогой!»

Не говоря ни слова, дѣвица направляется къ воротамъ, ничѣмъ не обнаруживая, что она узнала того, кто съ ней говорить. Ясно, что она не для того пришла, чтобы сдѣлать ему непріятность.

Но въ то же мгновеніе прибѣгаютъ съ задней части двора тѣ человекъ двадцать уличныхъ парней и тутъ въ присутствіи матери окружаютъ кольцомъ доктора и дѣвицу, указываютъ пальцами на несчастныхъ, ругаютъ ихъ грубыми словами и дѣлаютъ видъ, что застигли ихъ въ извѣстномъ положеніи.

Докторъ, уничтоженный тѣмъ, что такой скандалъ произошелъ въ присутствіи матери, клянется въ своей невинности, хотя какъ будто бы и пойманъ на мѣстѣ преступленія.

Какая позорная сцена для сына!

Когда онъ рассказывалъ мнѣ этотъ случай, произведшій на меня впечатлѣніе злого сна, неправдоподобнаго по гнусности, на бѣдномъ докторѣ лица не было.

— Вѣдь тутъ самъ чортъ, не такъ ли? Представьте себѣ, что я безусловно неповиенъ въ этомъ дѣлѣ, никого притомъ не касающемся, и вдругъ меня подобнымъ образомъ проучили!

— Да! Случай темный. Просто трудно вѣрится! Двадцать парней, пришедшихъ на частный дворъ, распутная женщина, у которой давно пропала всякая честь и которая не выражаетъ обиды и не помышляетъ о мщеніи! Что

все это значить! Урокъ! Ясно, что таинственныя силы становятся строже въ отношеніи нравственности. И замѣть, до чего онѣ стали современны. Отмѣнены сны, видѣнія, потому что люди на это перестали обращать вниманіе. Нѣтъ, вмѣсто этого полное реализма дѣйствіе, и въ этомъ отношеніи далеко съ разсужденіемъ не двинешься.

— Ты думаешь слѣдовательно, что это былъ своего рода выговоръ. Но вѣдь я повторяю, что не былъ виноватъ, положительно не виноватъ.

— Не виновенъ вчера, но не позавчера.

— Ну какъ бы то ни было, но вѣдь это безусловно не могло произойти по уговору, такъ какъ дѣвица меня даже не узнала. Сатанинскій случай...

— Да, но случай, нити котораго сотканы умѣлой рукой.

* * *

Чтобы немного развлечься, Мартинъ предпринялъ круговое путешествіе въ Норландъ и по Норвегіи съ надеждой развлечься и отдохнуть.

Черезъ нѣсколько недѣль встрѣтилъ я Мартина на улицѣ въ Лундѣ.

— Хорошо ли ты проѣхался?—спросилъ я.

— Сатанинское путешествіе!—отвѣтилъ онъ мнѣ.— Теперь я не знаю, чему вѣрить. Несомнѣнно, кто-то есть, кто бросаетъ мнѣ вызовъ, и борьба между нами не равна. Послушай только. Я пріѣхалъ въ Стокгольмъ, чтобы тамъ немного повеселиться на большой выставкѣ; но, несмотря на то, что у меня въ городѣ сотни друзей, я никого не засталъ. Всѣ переѣхали въ деревню. Я одинъ! Я

живу въ своей комнатѣ день, но затѣмъ меня оттуда вышибаетъ другой, которому мой братъ по ошибкѣ давно далъ обѣщаніе. Досада такъ повліяла на меня, что я и на выставку не похужу! Гуляю по улицамъ и встрѣчаю дѣвушку. Въ это мгновеніе тяжелая рука опускается мнѣ на плечо; дядюшка, очень серьезный мужчина, котораго я всего раза два въ своей жизни и видѣлъ и котораго нисколько не мечталъ встрѣтить, приглашаетъ меня провести вечеръ съ нимъ и его женой.

Я долженъ былъ продѣлать все, что мнѣ неприятно. Чисто колдовство какое-то! Дальше—тысячу километровъ, одинъ, въ вагонѣ среди унылой мѣстности.

Въ Арескутанѣ, конечной цѣли моей экскурсіи, имѣется только одна гостиница, и тамъ сѣхались всѣ мои антипатіи. Глава приверженцевъ свободной церкви направлялъ свою паству, и псалмы пѣлись по утрамъ, днемъ и по вечерамъ. Можно было человека вывести изъ себя. Но одно мнѣ казалось нѣсколько странно, чтобы не сказать оккультно, а именно, что въ этой порядочной и тихой гостиницѣ по ночамъ заколачивали ящики.

— Надъ твоей головой?

— Да! И удивительно, что это вколачиваніе гвоздей преслѣдовало меня во все время моего путешествія по Норвегіи. Когда же я требовалъ объясненія у содержателя гостиницы, то онъ увѣрялъ, что ничего не слыжалъ.

— Да вѣдь это совсѣмъ, какъ со мной!

— Да, это какъ съ тобой! Но то, что случилось со мной въ Христианіи, превосходило все, что могли бы изобрѣсти мои злѣйшіе враги. Я многихъ знаю въ Христианіи всѣ мои знакомые еще находились въ городѣ, но

никого изъ нихъ я захватить не могъ! Одинъ! Попржнему одинъ!

Когда я такимъ образомъ одинъ сидѣлъ въ кофейнѣ Grand Hôtel, сидѣвшій у столика возлѣ меня молодой человѣкъ заговариваетъ со мной. Обрадованный тѣмъ, что наконецъ имѣю случай услышать свой собственный голосъ, я, вопреки своему въ этихъ случаяхъ обыкновенію, отвѣчаю. Такъ какъ онъ показался мнѣ благовоспитаннымъ и скромнымъ, то я въ концѣ-концовъ пригласилъ его раздѣлится со мной компанію, и мы провели вмѣстѣ вечеръ. Я долженъ добавить, что черезъ нѣсколько часовъ молодой человѣкъ неясными намеками далъ мнѣ понять, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ. Онъ въ разговорахъ самъ себѣ противорѣчилъ, говорилъ не особенно связно, и я никакъ не могъ себѣ уяснить, съ кѣмъ имѣю дѣло.

Позднѣй, ближе къ ночи, передъ нашимъ столикомъ остановился одинъ мой норвежскій пріятель, котораго я три года не видалъ. Онъ съ какимъ-то лукавымъ выраженіемъ поздоровался со мной, что совершенно чуждо его серьезному характеру, и украдкой взглянулъ на моего сосѣда. Затѣмъ онъ разсмѣялся и выругался мнѣ въ лицо, при чемъ намекнулъ, что мой товарищъ мнѣ другъ, стоящій со мной въ отношеніяхъ сверхъестественной интимности. На мои протесты онъ просто сказалъ:

«Не стѣсняйтесь! Не стѣсняйтесь! Тутъ всякій себя чувствуетъ, какъ дома, и нечего стѣсняться».

Что мнѣ было говорить? Что мнѣ было дѣлать?

Молодой человѣкъ не разсердился. Мой другъ же, вѣроятно, выпившій лишній стаканъ вина, продолжалъ:

Впрочемъ ничего дурного въ этомъ нѣтъ, вѣдь это

переодѣтая женщина». Тутъ молодой человекъ всталъ, вышелъ на середину кофейни, переполненной публикой, и сдѣлалъ тѣлодвиженіе, какъ бы долженствующее доказать обратное.

Это превосходить всѣ границы!

Это неслыханная вещь, но это правда! И никто противъ этого не протестовалъ, только всѣ разсмѣялись. Но этимъ еще не кончилось! Въ ту минуту, когда я собрался было уходить, незнакомый юноша попросилъ у меня денегъ взаймы. Оскорбленный, видѣ себя отъ возмущенія, я все же не нашелъ возможнымъ отказать, но такъ какъ мелкихъ денегъ у меня не оказалось, то я отправился къ буфету въ сопровожденіи незнакомца. Представъ себѣ всю сцену: какъ я этому сомнительному милостивому государю вручаю деньги, словно онъ получаетъ отъ меня какое-то вознагражденіе, и какъ стоявшій за нами лундовскій учитель взглянулъ на меня взглядомъ, гдѣ написано было самое гнуснѣйшее подозрѣніе. Хорошо! Нечего сказать!

— Знаешь ли что: слушая твои рассказы, мнѣ невольно припоминаются нѣкоторыя сказки Гофмана. И когда я на-дняхъ перечитывалъ «Діавольскіе эликсиры», то мнѣ пришло на умъ, что фантазія нѣмецкаго писателя основана на пережитыхъ случаяхъ.

— Скоро всему придется вѣрить! Ну, а какая же нравственная сторона этого? Есть ли какой-нибудь смыслъ выставять меня въ ложномъ свѣтѣ передъ другомъ и передъ цѣлой толпой! Что значило это наказаніе?

— Нельзя сердиться на таинственные силы за то, что онѣ принимаютъ подобныя мѣры. Думаешь ли ты, что я предпринялъ что-либо, чтобы опровергнуть слухи, поро-

жденные однимъ нѣмецкимъ писателемъ, который приписывалъ мнѣ неестественныя инстинкты? Нѣтъ! Я тогда проклиналъ его, а теперь наблюдаю за своей чувственностью. Впрочемъ Сведенборгъ научилъ меня, что подобныя наказанія, которыя постигаютъ насъ безъ разбора, существуютъ для того, чтобы мы испытали мученичество, которое мы сами причиняемъ невиннымъ людямъ клеветой, позорными сообщеніями и необдуманнми словами, которыя мы часто произносимъ.

— Это возможно, но на меня навсегда легла печать порока въ глазахъ моего друга, и это его мнѣніе мнѣ уже никогда не удастся вполне измѣнить.

— Это очень прискорбно, но это такъ!

Правда, я бы не передавалъ этихъ банальныхъ разсказовъ, если бы они не наводили на мысль о присутствіи какой-то реальности, которая и не реальна и не видѣніе, но которая, какъ-бы какъ фантазмагорія вызвана незримыми духами, чтобы предостеречь, учить или карать.

Это состояніе, названное теософами астральной планетой, въ послѣдней части Ацсана Сведенборга носить названіе: «Видѣній или Виза».

«Существуетъ два рода образовъ, совершенно особенныхъ, въ которые я переселялся только для того, чтобы знать, какъ и что съ ними произошло и какъ понять слова: что они были восхищены изъ тѣла и духомъ унесены въ другое мѣсто

1. Человѣкъ приходитъ въ состояніе, которое является

чьмъ-то среднимъ между сномъ и бодрствованіемъ; и когда онъ приходитъ въ такое состояніе, онъ ничего не чувствуетъ, кромѣ того, что онъ вполнѣ бодръ. Это то состояніе, когда говорятъ «быть восхищеннымъ изъ тѣла» и когда не знаешь, находишься ли въ тѣлѣ или внѣ его.

2. Скитаясь по улицамъ города и по полямъ, вступая въ разговоры съ духами, я сознавалъ твердо, что не сплю и такъ же ясно вижу, какъ обычно. Такъ скитался я, не сворачивая съ дороги и не будучи призракомъ, я видѣлъ роши, рѣки, дворцы, дома, людей и пр.; но послѣ того, какъ я проскитался такъ нѣсколько часовъ, я вдругъ перешелъ въ тѣло и понялъ, что перемѣнилъ мѣсто. Это очень мѣня удивило, и я обратилъ вниманіе на то, что до этого былъ въ томъ состояніи, о которомъ говорятъ, что «онъ былъ духомъ унесенъ въ другое мѣсто».

* * *

Вернувшись изъ путешествія, живетъ другъ Мартинъ одинъ въ родительскомъ домѣ, такъ какъ семья вся разъѣхалась на лѣто въ разныя стороны. Я не буду утверждать, что онъ боится, но чувствуетъ онъ себя неприятно. Иногда слышитъ онъ шаги и другіе звуки изъ комнаты отсутствующей сестры, иногда чиханіе.

Недавно среди ночи услыхалъ онъ какой-то трескъ, напоминающій звуки отъ точенія косы.

Одно къ одному,—подумалъ онъ,—странныя творятся вещи, но въ то мгновеніе, когда я вступилъ бы въ переговоры съ таинственными силами, я бы погибъ.

Это были его послѣднія слова, а тѣмъ временемъ быстрыми шагами приближалась осень.

ИЗУЧЕНІЕ СВЕДЕНБОРГА.

Пока такимъ образомъ протекала жизнь, я продолжалъ изучать Сведенборга, благодаря тому, что его произведенія, которыя вообще найти довольно трудно, съ продолжительными промежутками попадались мнѣ въ руки одно за другимъ.

Въ *Arcana coelestia* изображается адъ на вѣчныя времена, безъ надежды на конецъ, безъ намека на утѣшеніе. *Arcanypsis revelata* говоритъ объ учрежденіи покаянія. Послѣдствіемъ всего этого было, что до наступленія весны я жилъ подъ какимъ-то гнетомъ. Временами, однако, стряхивалъ я съ себя этотъ гнетъ, въ надеждѣ, что пророкъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ ошибался и что Владыка жизни и смерти выкажетъ себя болѣе милосерднымъ. Но чего нельзя угадать,—это бросающееся въ глаза согласованіе между видѣніями Сведенборга и тѣми большими и малыми происшествіями, встрѣтившимися мнѣ и друзьямъ моимъ въ этотъ страшный годъ.

Лишь въ мартѣ мѣсяцѣ нашелъ я у букиниста книгу «Чудеса неба и ада», а затѣмъ «О супружеской любви». Только тогда я освободился отъ злого духа, преслѣдующаго меня съ момента открытія для меня вліяній таинственныхъ силъ.

Богъ есть любовь; онъ управляетъ не рабами и потому одарилъ смертныхъ свободной волей. Нѣтъ злыхъ силъ, а

обязанность карающаго духа исполняетъ служитель Божій. Наказанія не бываютъ вѣчными; каждому дана возможность искупить то, въ чемъ онъ согрѣшилъ.

Наложенныя на насъ страданія имѣютъ цѣлью улучшение собственнаго я.

Начало приготовленій къ жизни духовной выражается опустошеніемъ (*vastatio*): сдавливаніе груди, симптомы удушья, болѣзнь сердца, страшные приступы страха, бессонница, кошмары. Все это, чему былъ подверженъ Сведенборгъ въ 1744 и 1745 годахъ, описано въ сочиненіи «Сны».

Признаки этого болѣзненнаго состоянія видны во всѣхъ недомоганіяхъ, которымъ современные люди подвержены, такъ что я рѣшаюсь утверждать, что мы находимся лицомъ къ лицу съ новой эрой, въ которой «духи пробуждаются и хорошо становится жить». Эти *angina pectoris*, приступы бессонницы, всѣ эти ночные страхи, которые пугаютъ наши чувства и которые врачи охотно причисляютъ къ эпидемическимъ заболѣваніямъ, не что иное, какъ дѣла невидимыхъ силъ. Какъ же можно объяснить эпидемическимъ заболѣваніемъ то, что здоровыхъ людей систематично преслѣдуютъ небывалыя раньше происшествія, тревоги и недовольство? Эпидемія совпадающихъ обстоятельствъ? Да вѣдь это пошлость!

* * *

Сведенборгъ сталъ для меня Вергиліемъ, ведущимъ меня черезъ преисподнюю, и я слѣпо слѣдую за нимъ. Онъ страшно караетъ, съ этимъ я согласенъ, но онъ умѣетъ и

утѣшить, и мнѣ онъ кажется менѣе строгимъ, чѣмъ протестантскіе «лезеры» *).

«Человѣкъ можетъ накапливать сокровища, если только онъ дѣлаетъ это честнымъ образомъ и разумно ими пользуется; онъ можетъ жить и одѣваться по своему достатку, вращаться среди людей одного съ нимъ общества, пользоваться невинными житейскими наслажденіями, выглядѣть радостнымъ и довольнымъ и не имѣть угрюмаго вида и блѣднаго лица; словомъ онъ можетъ жить и поступать какъ богачъ въ этомъ мірѣ, а послѣ смерти итти прямо на небо, если только онъ сохранилъ внутреннюю вѣру въ Бога и любовь къ Нему и если такъ поступалъ по отношенію ближняго, какъ того требуетъ долгъ».

«Я бесѣдовалъ съ нѣсколькими людьми, которые передъ смертью еще отрѣшились отъ жизни и удалились въ уединеніе, чтобы тамъ посвятить жизнь лицецрѣнію небесныхъ предметовъ и этимъ проложить себѣ вѣрный путь къ небу; всѣ почти выглядывали мрачно и уныло; они казались недовольными тѣмъ, что другіе имъ не подражаютъ и что сами они не награждены большей славой и болѣе счастливой судьбой; они живутъ въ уединенныхъ мѣстахъ затворниками, но почти такъ же, какъ могли бы жить на землѣ. Человѣкъ созданъ для совмѣстной согласной жизни. Въ обществѣ, никакъ не въ одиночествѣ находитъ онъ неисчислимыя случаи проявить христіанскую доброту»..

«Въ уединенной жизни видишь только себя одного, забываешь другихъ; отъ этого происходитъ то, что думаешь только о себѣ одномъ или же о свѣтѣ, чтобы избѣ-

---

* Секта піетистовъ.

гать или презирать его, что является противоположностью христіанской любви».

Что же касается такъ называемой вѣчной муки, то въ послѣдній моментъ пророкъ является спасителемъ тѣмъ, что освѣщаетъ насъ лучомъ надежды.

«Тѣ изъ нихъ, на спасеніе коихъ можно надѣяться, переносятся на опустошенныя мѣста, которыя представляются вполне безотрадными; ихъ тамъ оставляютъ, пока грусть оттого, что они тамъ находятся, доведетъ ихъ до крайняго отчаянія, потому что это единственный способъ обузданія злобы и лжи, поработившихъ ихъ. Дойдя до этого, они кричатъ, что они не лучше животныхъ, что они преисполнены ненависти и злобы и что они прокляты; имъ это извиняется, какъ крики отчаянія, и Богъ смягчаетъ ихъ чувства, чтобы они не изрыгали проклятій и брани выше границъ, заранѣе опредѣленныхъ. Когда они выстрадали все, что только можно выстрадать, такъ что тѣло ихъ какъ будто умерло, то они уже о немъ не пекутся и готовы такимъ образомъ къ искупленію. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ открывали себѣ доступъ на небо послѣ того, какъ они испытали всѣ страданія, о которыхъ я говорилъ. Когда же ихъ туда впускали, то они проявляли такую радость, что я бывалъ тронутъ до слезъ».

То, что католики называютъ *conscientia scrupulosa*, т.-е. чуткость совѣсти, является вліяніемъ злонамѣренныхъ духовъ, которые по пустякамъ пробуждаютъ угрызение совѣсти. Имъ пріятно накладывать на совѣсть подобное бремя, и это не имѣетъ ничего общаго съ исправленіемъ грѣшника.

Точно такъ же бываютъ и нездоровыя искушенія. Злобные духи вызываютъ въ глубинѣ души все то злое, что человѣкъ сдѣлалъ еще съ дѣтства, такъ что дѣло принимаетъ плохой оборотъ. Но ангелы открываютъ все, что въ немъ есть добраго и правдиваго. Это и есть та борьба, которой дано названіе угрызенія совѣсти.

Произведенія Сведенборга охватываютъ неизмѣримо много, и онъ отвѣтилъ на всѣ мои вопросы, какъ бы они горделивы ни были.

Полная тревоги душа, страдающее сердце, *tolle et lege!*

VIII.

КАНОССА.

Истерзанный таинственными преслѣдованіями, я уже давно предпринялъ тщательное испытаніе своей совѣсти и вѣрный своей новой тактикѣ въ отношеніяхъ къ ближнимъ всегда винить себя, я нахожу свою истекающую жизнь ужасной, и мое личное я возбуждаетъ во мнѣ гадливость. «Это вѣрно, что я раздражилъ молодежь противъ всего существующаго, противъ религіи, законовъ, правительства, нравственности. Теперь я наказанъ за свое безбожіе».

Послѣ нѣкотораго молчаливаго размышленія я задаю себѣ слѣдующій вопросъ: «А другіе, противники моихъ разрушительныхъ идей, благочестивые сторонники нравственности, государства, религіи, могутъ ли они спокойно спать по ночамъ, и даруютъ ли имъ таинственныя силы успѣхъ въ ихъ свѣтскихъ предпріятіяхъ?»

Обозрѣвая судьбу столповъ общества и всю ихъ исторію, я принужденъ отвѣтить: нѣтъ!

Отважный борецъ за идеалы въ поэзіи и въ жизни, писатель обиженныхъ и хорошихъ людей не можетъ спать по ночамъ, потому что онъ страдаетъ сильной истеріей, которая своими припадками будитъ его и которая хорошо извѣстна въ Сальпетриерѣ. И къ довершенію зла его покинулъ геній хранитель, такъ что писатель запутался, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ увлекся спекулятивными дѣлами, которыя довели его почти до крайности. Мнѣ тяжело это вспоминать, потому что мое безпокойство только растетъ, когда я вижу, что самыя благородныя стремленія ведутъ лишь къ банкротству.

А мои противники по вопросу о религіи? Тотъ, кто хотѣлъ, чтобы я какъ-нибудь попалъ въ тюрьму за богохульство, самъ попался за подлогъ. Не думайте, читатель, что я его преступленіемъ извиняю свое богохульство! Я огорченъ тѣмъ, что потерялъ вѣру въ очистительную задачу христіанства благодаря такому печальному примѣру.

А та женщина, бравшая нравственность подъ свою охрану, сторонница угнетенныхъ женщинъ, пророчица, съ ея пылкими и откровенными рѣчами молодымъ людямъ! Что случилось съ ней? Никто этого не знаетъ, но надъ нею тяготѣетъ обвиненіе въ ужасныхъ вѣщахъ. Допустимо, не такъ ли?

Что касается другихъ столповъ нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, то я о нихъ умолчу: они пустили себя пулю въ лобъ или изъ боязни неприятнаго вопроса покинули поле битвы,

Словомъ, судъ, кажется, одинаково предстоитъ винов-

ному и невинному, и одинъ можетъ также быть обиженъ какъ и другой!

Что это дѣлается на свѣтѣ въ настоящее время?

Насталъ ли тотъ судъ, который долженъ былъ неумолимо осудить Содомъ?

Неужели должны всѣ погибнуть? Нѣтъ ли правого? Ни одного!

Да будемъ мы въ такомъ случаѣ дружны и будемъ страдать вмѣстѣ, какъ соучастники одного преступленія, не возставая одинъ противъ другого.

* * *

Я принесъ покаяніе за мои предосудительные поступки и я отрекаюсь отъ моего прошлаго. Позвольте же мнѣ сказать слово въ свою защиту.

Молодежь была во всѣ времена революціонна, легкомысленна, развратна. Развѣ это я породилъ духъ возмущенія и порока? Прежде и я былъ молодъ, дитя своего времени, ученикъ моихъ учителей, жертва оболъщенія. Чья же вина и почему сдѣлали меня козломъ отпущенія? Предположимъ, что это была ложь и что я не тотъ, за кого люди меня считаютъ.

Тогда на чашку вѣсовъ падаетъ черная магія.

Но я по невѣдѣнію пытался бороться съ ней.

Ну, а тогда возстаніе противъ таинственныхъ силъ?

Да, возстаніе! Ну, а тѣ, которые жизнь свою провели на колѣняхъ въ мольбѣ и самоуниженіи и которые всѣ не признаны.

Признаемте, что положеніе безнадежное! И что всѣ

мы во власти сильныхъ міра сего и будемъ повержены въ прахъ и униженіе, пока мы не станемъ самимъ себѣ противны и не почувствуемъ влеченія къ небу! Самоуничиженіе, отчаяніе въ собственномъ я, подѣ влияніемъ тщетныхъ стараній себя исправить—вотъ путь къ высшему бытію.

И еще припомните одно: путь къ Риму, королевскій путь шель черезъ Каноссу!

IX.

ПРОТИВОРѢЧАЩЕ ДУХИ.

Несмотря на все перенесенное мною мученіе, возстаетъ во мнѣ духъ мятежный и нашептываетъ мнѣ подозрѣнія къ доброжелательнымъ намѣреніямъ моего незримаго путе-водителя.

Случай (?) далъ мнѣ въ руки Волшебную флейту, оперный текстъ Шиканедерса. Старанія и попытки молодой парочки наводятъ меня на мысль о томъ, что я обманутъ обольстительными голосами, и такъ какъ я не выдержалъ бы затрудненій и страданій, то я уничтожился бы, изнемогъ.

Я невольно вспоминаю Прометея, не перестававшаго плевать на боговъ, пока коршунъ терзалъ его тѣло. И въ концѣ-концовъ мятежникъ, не принеши публичнаго покаянія, былъ принятъ въ кругъ олимпійцевъ.

Огонь воспылалъ, и злые духи спѣшатъ подбрасывать топлива.

Оккультическій журналъ, доставленный мнѣ по почтѣ,

ободряетъ мое молодужное настроеніе, при чемъ онъ излагаетъ лишь разрушительныя теоріи, какъ напрімѣръ слѣдующее:

«Какъ извѣстно въ старинныхъ книгахъ Ведъ на міръ смотрятъ какъ на великое принесеніе жертвы, гдѣ Богъ, жрецъ и жертва, самъ себя приносятъ въ жертву и этимъ раздвояется».

(Вѣдь вотъ моя собственная идея, которую я выразилъ въ «Мистеріи», приложенной къ драмѣ «Учитель Олофъ».)

Дальше такъ: «всѣ основы, составляющія вселенную, не что иное, какъ павшія божественныя лица, которыя черезъ царства минераловъ, растеній, животныхъ, людей и ангеловъ опять возносятся на небо, чтобы снова пасть».

Эта идея, которую знаменитый Александръ фонъ Гумбольдъ точно такъ же, какъ историкъ Канту сочли божественной...

(Да, она божественна!)

«Какъ извѣстно, боги Греціи и Рима были людьми. Самъ Зевсъ, болышій изъ всѣхъ, родился на Критѣ, гдѣ онъ былъ вскормленъ козой Амальтеей. Онъ свергъ отца съ престола и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы самому не быть сверженному. При нападеніи Гигантовъ, когда большинство боговъ малодушно покинули его и скрылись въ Египтѣ, принявъ видъ растеній, ему удалось таки при содѣйствіи нахрабрѣйшихъ быть побѣдителемъ. Но пришлось ему трудно».

«У Гомера борются боги противъ людей и иногда получаютъ раны. Галльскіе предки тоже ссорились съ небомъ, метали въ него стрѣлы, когда думали, что оно имъ угрожаетъ».

«Израильтяне были воодушевлены тѣми же чувствами, какъ и язычники. Какъ у однихъ былъ Іегова (Богъ), такъ у другихъ былъ Елогимъ (Боги). Библия начинается со слѣдующихъ словъ:

Онъ есть, былъ и будетъ.

Одинъ Богъ вмѣсто боговъ.

Одинъ вмѣсто множества».

«Когда Адамъ содѣялъ навѣки благословенный грѣхъ, который далекъ отъ того, чтобы быть паденіемъ, а составляетъ благородный шагъ въ высь, какъ предсказывалъ это змій, то Господь сказалъ: Се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое. И Онъ тутъ же прибавилъ: И нынѣ, да простретъ руку свою и возьметъ отъ древа жизни, и вкуситъ, и живъ будетъ во вѣкъ»...

«Древніе слѣдовательно видѣли въ богахъ людей, вознесшихся до положенія властелиновъ и старавшихся сохранить власть при помощи государственнаго переворота, при чемъ они препятствовали другимъ возвеличиться въ свою очередь. Отсюда произошла борьба людей съ цѣлю прогнать узурпаторовъ и сопротивленіе послѣднихъ, съ цѣлю сохранить присвоенную власть».

И вотъ мы раскрыли шлюзы.

«Подумайте, мы боги!»

«И сыновья боговъ спустились на землю и взяли себѣ въ жены дочерей смертныхъ, которыя породили дѣтей. Изъ этого союза вышли гиганты и всѣ знаменитые мужья, воины, государственные мужи, писатели, художники».

Снова оживаетъ собственное я, подумайте, мы — боги! Вечеромъ, когда настроеніе въ трактирѣ дошло до

извѣстной высоты, образовался кружокъ вокругъ профессора музыки.

Другъ мой философъ, которому я успѣлъ сообщить открытіе о нашемъ родствѣ съ богами, проситъ послушать моцартовскаго Донъ Жуана, прежде всего финаль послѣдняго дѣйствія.

«О чемъ идетъ рѣчь?» спрашиваетъ кто-то, не посвященный въ классическій репертуаръ.

«Дьяволь приходитъ за сластолюбцемъ!»

Адское мученіе, такъ хорошо переданное Моцартомъ, угрызения совѣсти, доведенныя до того, что мужъ женщины, имъ обманутой, кончаетъ ради нея самоубійствомъ, все это развертывается въ плачущемъ тонѣ, какъ острая невралгія. Смѣхъ стихаетъ, замолкаютъ шутки, и по окончаніи пьесы воцаряется жуткое молчаніе.

«Нѣтъ, выпьемъ!»

Чокаятся, но веселье улетѣло, олимпійское настроеніе погасло. Наступила ночь, а полныя ужаса хроматическія рулады снова звучатъ подобно неизмѣримымъ волнамъ, которыя возносятся и падаютъ и поднимаютъ въ воздухъ жалкихъ людей, выкинутыхъ кораблекрушеніемъ, чтобы потопить ихъ въ слѣдующее же мгновеніе.

* * *

Пока потомки боговъ тщетно стараются облечься въ соотвѣтствующее ихъ высокому происхожденію достоинство, ночь все болѣе углубляется, и ресторанъ собираются закрывать. Приходится вставать и уходить каждому въ свою одинокую постель. Когда компанія проходила мимо собора,

окутаннаго въ ночную тѣнь, блеснула молнія и бросила бѣлый свѣтъ на фасадъ, на которомъ праведные и грѣшники стоятъ колѣнопреклоненно передъ престоломъ Агнца.

«Что это такое было?» Это не было грозой!

Всѣ содрогнулись и остановились.

Это моментальный фотографъ работалъ въ своемъ магазинѣ при магніи.

Всѣмъ стало досадно за робость, а я съ своей стороны не могъ подавить въ себѣ воспоминаніе о вспышкѣ огня въ театрѣ при исчезновеніи Донъ Жуана.

Когда я достигъ своей комнаты, мною овладѣлъ леденящій и въ то же время палящій ужасъ. Снявъ съ себя платье, я вдругъ слышу, какъ гардеробъ самъ раскрывается.

— Тутъ кто-нибудь есть?

Отвѣта нѣтъ! Я падаю духомъ, и одно мгновеніе мнѣ хочется снова выйти и провести ночь среди грязныхъ, темныхъ улицъ. Но усталость и отчаяніе удручаютъ меня, и я предпочитаю умереть на хорошей кровати.

Раздвѣаясь, я предвижу тяжелую ночь, а, растянувшись въ постели, берусь за книгу, чтобы разсѣять настроеніе.

Въ эту минуту моя зубная щетка падаетъ съ умывальника на полъ! Безъ видимой причины. Дальше, но немедленно за этимъ приподнимается крышка ведра и снова съ трескомъ опускается. И это на моихъ глазахъ! безъ того, чтобы произошелъ какой-нибудь толчокъ среди совершенно тихой ночи.

У вселенной нѣтъ больше тайнъ отъ гигантовъ и

геніевъ, но разумъ безмолвствуетъ передъ какой-то крыш-кой, противящейся законамъ тяготѣнія.

А страхъ передъ невидимымъ заставляетъ дрожать мужчину, предполагавшаго, что онъ разрѣшилъ загадку сфинкса!

Я испугался, страшно испугался, но не хотѣлъ покинуть позиціи и продолжалъ читать. Вдругъ какъ хлопокъ снѣга падаетъ съ потолка искра или маленькій блуждающій огонекъ и потухаетъ надъ моею книгой.

Читатель, и я не помѣшался!

Сонъ, благословенный сонъ скрываетъ въ себѣ за-сады, гдѣ скрываются убійства. Я не рѣшаюсь заснуть, но у меня не хватаетъ силы бороться со сномъ. Вѣдь это адъ! Когда дремота овладѣваетъ мною, то я чувствую гальваническій ударъ, похожій на громовой ударъ, но онъ однако меня не убиваетъ.

Мечи свою стрѣлу противъ неба, гордый Галлъ! Небо никогда не бездѣйствуетъ!

* * *

Такъ какъ всякое сопротивленіе тщетно, то я кладу оружіе послѣ новой попытки къ сопротивленію. Въ періодъ этой послѣдней неравной борьбы, случается, я вижу блуждающіе огни даже среди бѣлаго дня, но я приписываю видѣніе болѣзненности зрѣнія.

Тогда извлекаю я изъ Сведенборга объясненіе о значеніи блуждающихъ огней, которыхъ я съ тѣхъ поръ больше не видалъ.

«Другіе духи стараются внушить мнѣ обратное тому,

что сказали мнѣ наставляющіе меня духи. Эти противорѣчащіе духи были на землѣ людьми, изгнанными изъ общества за преступность. Ихъ приближеніе узнается по вспыхивающему огоньку, какъ бы опускающемуся на ваше лицо. Они садятся на спину человѣка, а затѣмъ осязаются во всѣхъ членахъ. Они проповѣдуютъ, что не слѣдуетъ придавать вѣры тому, что сказали сообща наставительные духи и ангелы, и что не надо примѣнять свое поведеніе къ полученнымъ отъ нихъ наставленіямъ, а надо жить для собственнаго удовольствія въ полной невоздержанности и свободѣ. Обыкновенно они появляются, когда исчезли другіе. Люди знаютъ имъ цѣну и мало обращаютъ на нихъ вниманія, но благодаря имъ они все же научаются тому, что есть добро и зло, потому что понятіе о свойствахъ добра пріобрѣтается посредствомъ знакомства съ его обратной силой».

Х.

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА 1897 ГОДА.

7-го февраля.

Что-то въ родѣ каменнаго ливня, направленнаго на окно моей новой квартиры, въ продолженіе всей первой ночи послѣ моего переѣзда туда. На слѣдующій день мнѣ сказали, что это былъ градъ.

12-го февраля.

Выскочилъ изъ постели, услыхавъ женскій голосъ. Святой Хризостомусъ, ненавистникъ женщинъ, внушаетъ мнѣ слѣдующее:

«Что такое женщина? Врагъ дружбы, неизбежное на-
казаніе, необходимое зло, природная искустельница, же-
ланное несчастье, источникъ неизсякаемыхъ слезъ, плохое
твореніе Создателя, одаренное ослѣпительно прекрасной
наружностью».

«Разъ первая женщина вступила въ сношеніе съ дьяво-
ломъ, почему бы не дѣлать того же и ея дочерямъ? Создана
она изъ закругленнаго ребра, все ея духовное направленіе
криво и скошено и сворачиваетъ въ сторону злого духа!»

Хорошо сказано, святой Хризостомусъ, золотыя твои
уста!

28-го февраля.

Зяблики щебечутъ, голубая полоска моря въ дали ма-
нить меня, но стоитъ мнѣ взять въ руки свой чемоданъ,
какъ меня атакуютъ невѣдомыя силы. Въ сущности я
знаю, что для меня отрѣзаны пути къ бѣгству: я нахо-
жусь въ заключеніи.

Чтобы немного разсѣяться, хочу я начать писать свою
книгу Inferno; но мнѣ не дано осуществить этого. Стоитъ
мнѣ взять въ руку перо, какъ мысли мои какъ бы гаснутъ
и я ничего не могу вспомнить или все представляется мнѣ
происшествіями, лишенными всякаго значенія.

2-го апрѣля.

Нѣмецкій литераторъ проситъ меня сообщить ему мое
мнѣніе о князѣ Бисмаркѣ для журнальной статьи.

Я не могу не любоваться человѣкомъ, который сумѣлъ
такъ руководить всѣмъ современнымъ ему міромъ, какъ
это сдѣлалъ Бисмаркъ. Его дѣломъ считается объединеніе
Германіи, а однако онъ великое государство раздѣлилъ на

двѣ части съ однимъ монархомъ въ Германіи, съ другимъ— въ Вѣнѣ.

Къ вечеру по всей моей комнатѣ распространился запахъ жасмина, сладкая тишина царить въ моей душѣ, на этотъ разъ я всю ночь спалъ спокойно. (Сведенборгъ утверждаетъ, что присутствіе добраго духа, ангела, называется распространеніемъ аромата. Теософы утверждаютъ то же, но замѣняютъ слово ангель словомъ Махатма).

5-го апрѣля.

Мнѣ говорили, что значительныхъ размѣровъ скульптурное произведеніе Эббе, изображающее распятую женщину, разбито во время перевозки на Стокгольмскую выставку.

Совпаденіе: картина моего друга X., изображающая распятую женщину, на которую за долги былъ наложенъ арестъ и которую повѣсили куда-то на дворѣ надъ помойной ямой (Inferno).

10-го апрѣля.

Читалъ всякую всячину. Шатобриана *Mémoires d'outre tombe*; Ласъ - Каза — *Mémorial de S-te Hélène*. Кто такой былъ Наполеонъ? Чье это воплощеніе?

Родился онъ въ Аячціо, греческой колоніи, получившей имя свое отъ Аякса. 1) Аяксъ—сынъ Телемака, былъ побѣжденъ Одиссемъ и, помѣшавшись съ горя, умертвилъ стада грековъ, думая этимъ распространить смерть среди враговъ. Однажды, когда одинъ изъ боговъ, покровителей Трои, укрылъ оба войска одной тучей, чтобы способствовать бѣгству троянцевъ, онъ воскликнулъ: Великій богъ! даруй намъ снова дневной свѣтъ и борись противъ насъ.

2) Аяксъ — сынъ Оилея, потерпѣлъ кораблекрушеніе на возвратномъ пути послѣ осады Трои, спасся, взобравшись на утесъ, и храбро набросился на боговъ, въ наказаніе за что онъ былъ ввергнутъ въ пучину морскую. Наполеонъ, какъ нарочно, родился на мѣстѣ, ознаменованномъ воспоминаніями объ Иліадѣ.

Паоли-а-Порта сказалъ однажды молодому Наполеону: «Въ тебѣ ничего нѣтъ современнаго! Ты человекъ времени Плутарха».

Руссо, до появленія на свѣтъ Наполеона, изучалъ Корсику, жители коей желали имѣть въ немъ законодателя. «Есть еще страна въ Европѣ, въ которой возможно создавать законы: это островъ Корсика... У меня есть предчувствіе, что когда-нибудь этотъ маленькій островъ удивитъ всю Европу».

Норцилле Бонапарте отдалъ въ 1266 году свою честь за Конрада Швабскаго, котораго Карлъ Анжуйскій велѣлъ умертвить.

Вѣтвь Франкини Бонапарте имѣла въ своемъ гербѣ три золотыя лиліи, какъ Бурбоны.

Наполеонъ былъ въ родствѣ съ Орсини. Орсини—имя того убійцы, который покушался на жизнь Наполеона III. На трехъ островахъ протекли дни Наполеона, тяжелые дни: Корсика, Эльба и св. Елены. Въ географическомъ сочиненіи, которое онъ составилъ въ юности, онъ называетъ послѣдній «маленькій островъ». (Слишкомъ маленькій, и тѣмъ тяжелѣй!). Во время войны съ Англіей послалъ онъ безъ видимаго повода крейсеръ вокругъ острова св. Елены.

Смерть Наполеона дала воображенію оккультиста широкое поле.

«Погода была ужасная: проливной дождь лилъ не прекращаясь и вѣтеръ грозилъ все смести. Иву, подъ которой Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть, вырвало съ корнемъ. Всѣ наши посадки лежали опрокинутыми. Устояло одно лишь камедное дерево, какъ вдругъ ураганъ схватилъ его и опрокинулъ прямо въ грязь... Ничто, что любилъ императоръ, не должно было его пережить».

Больной не переносилъ свѣта; пришлось положить его въ темную комнату. Уже умирающій, вскочилъ онъ съ постели, чтобы погулять по саду.

«Судороги въ брюшной полости, тяжелые вздохи, болѣзненные крики, конвульсивныя движенія, все это въ предсмертной борьбѣ разразилось громкимъ болѣзненнымъ хрипомъ, и этимъ кончилось».

Новорецъ заболѣлъ и съ нимъ слѣлался бредъ: «Ему представлялось, что императоръ въ опасности и зоветъ на помощь».

Когда Наполеонъ испустилъ духъ, его губы приняли выраженіе мирной улыбки, и въ могилѣ трупъ сохранялся цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ. Это—выраженіе умиротворенія. Когда въ 1840 году гробъ былъ открытъ, тѣло оказалось отлично сохранившимся. Подошвы ногъ были бѣлыя. (Бѣлыя *plantae pedis* означаютъ по Сведенборгу: «Твои грѣхи прощены»).

Хорошо сохранились и руки (однако лѣвая рука не была бѣлой), онѣ были мягки и сохранили свою красивую форму. Все тѣло было туманно-бѣлое: «какъ будто виднѣлось сквозь густой тюль». На верхней челюсти на-

ходило лишь три зуба. (Странное совпадение: у герцога Английского оставалось всего три зуба, когда онъ былъ разстрѣлянъ. Прибавлю кстати слѣдующее: герцога Английскаго появился на свѣтъ послѣ 48-часовыхъ родовыхъ мукъ. Онъ былъ тогда темно-синій и безъ признаковъ жизни. Его закутали въ пропитанный въ спиртъ бинтъ и подисли къ огню, бинтъ загорѣлся. Тутъ только началъ онъ жить!).

Наполеонъ лежалъ въ гробу въ своемъ зеленомъ мундирѣ. (Колдуны отличаются своими окрашенными въ зеленый цвѣтъ платьями).

Шатобрианъ пишетъ: «Производство Наполеона въ капитаны подписано Людовикомъ XVI 30 августа 1792 г., а 10 августа онъ отказался отъ престола».

«Пусть это объяснитъ, кто можетъ. Что за покровитель руководилъ предпріятіями этого корсиканца? Этотъ покровитель—Владыка вѣчности».

18-го апрѣля, день Пасхи.

На одной головнѣ въ кафельной печкѣ ясно увидѣлъ я слѣдующія буквы: J. N. R. I. (Jesus Nasaraeus Rex Iudaeum).

2-го мая.

Я увидаль молодой мѣсяцъ, и это меня обрадовало.

3-го мая.

Итакъ, начинаю писать свое Inferno.

Мнѣ передали, что съ очень извѣстнымъ журналистомъ вдругъ стали дѣлаться по ночамъ припадки и что

окултисты видѣли въ этомъ послѣдствіе неблагопріятныхъ отзывовъ о недавно скончавшемся человѣкѣ.

При чтеніи вагнеровскаго Рейнгольда я открываю въ немъ великаго поэта и понимаю, почему я не могъ постичь великое въ этомъ композиторѣ, музыка котораго лишь аккомпаниментъ къ его тексту. Впрочемъ, Рейнгольдъ написанъ какъ бы въ моихъ видахъ:

Wellgunde.

Weist Du Deun nicht,
Wem nur allein
Das Gold zu schmieden vergönnt?

Woglinde.

Nur wer der Minne
Macht versagt,
Nur wer der Liebe
Lust verjagt,
Nur der erzielt sich den Zauber
Zum Reif zu zwingen das Gold.

Wellgunde.

Wohl sicher sind wir
Und sorgenfrei:
Denn, was nur lebt, will lieben,
Meiden will Keiner die Minne.

Woglinde.

Am wenigstens er,
Der lüsterne Alp.

.....

Alberich.

(die Hand nach dem Gold ausstreckend).

Das Gold entreiss'ich dem Riff,

Schmiede den rächenden Ring:

Denn hör'es die Flut

So verfluch'ich die Liebe!

12-го мая.

Съ глухой безропотностью пилъ я пять мѣсяцевъ подъ рядъ цикорій и не жаловался. Мнѣ интересно было посмотрѣть, есть ли граница предприимчивости нечестной женщины (той, которая варитъ мой утренній кофе). Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ я страдалъ, теперь же я хочу насладиться божественнымъ напиткомъ съ опьяняющимъ ароматомъ. Покупаю для этой цѣли фунтъ кофе самаго дорогого сорта. Это было въ полдень. Вечеромъ читаю я у Саръ Пеладана въ L'Androgune на страницѣ 107: «Онъ вспомнилъ слѣдующій анекдотъ стараго миссіонера. Въ концѣ миссіонерской поѣздки, во время проповѣди, имѣющей очень важное значеніе, со мной дѣлалась слабость, какъ только я произносилъ слова «братья мои»: всѣ мысли улетучивались изъ головы, слова застывали на устахъ».

«Пресвятая Дѣва (молился я мысленно), я сохранилъ лишь одну слабость: мою чашку кофе; жертвую ее Тебѣ! Сейчасъ же вернулась ко мнѣ бодрость духа, я превзошелъ себя и сдѣлалъ много добра нѣкоторымъ душамъ».

Какую только роль нарушителя семейной тишины не сыгралъ въ моей семьѣ кофе! Мнѣ стыдно объ этомъ вспоминать, тѣмъ болѣе, что счастливый результатъ зиждется не на доброй волѣ и искусствѣ, а на неисчислимыхъ обстоятельствахъ.

Итакъ, завтра меня ожидаетъ огромное наслажденіе или разочарованіе!

13-го мая.

Экономка сварила самый отчаянный кофе, какой-только можно себѣ представить.

Я приношу кофе какъ жертву невидимымъ силамъ, и съ этого дѣла начинаю пить безропотно шоколадъ.

26-го мая.

Поѣздка въ Бухенвальдъ. Сотни молодыхъ людей собрались тамъ. Они поютъ напѣвы временъ моей юности, тридцать лѣтъ тому назадъ; они играютъ въ игры моей юности и пляшутъ танцы тѣхъ же временъ.

Мною овладѣваетъ грусть, и сразу развертывается передъ духовными очами вся моя прошлая жизнь; я избѣряю мысленно все пройденное пространство, и я какъ бы ослѣпленъ. Да, скоро конецъ! Я старъ, а путь ведетъ внизъ, къ могиламъ. Я не могу удержать своихъ слезъ— я старъ!

1-го іюня.

Вечеромъ ко мнѣ зашелъ посидѣть молодой врачъ, мягкій по природѣ и настолько душевно чуткій, что какъ бы страдаетъ уже по одному тому, что существуетъ. Его тоже мучаютъ угрызенія совѣсти; онъ сожалеетъ о прошедшемъ, котораго уже поправить нельзя, хотя оно и не хуже, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Опъ мнѣ истолковываетъ тайну Христа.

«Нельзя передѣлать того, что уже сдѣлано; нельзя уничтожить ни единого дурного поступка: отъ этого происходитъ отчаяніе. Но появился Христосъ. Онъ одинъ

можетъ уничтожить долгъ, не могущій быть оплаченнымъ, можетъ произвести чудо и снять съ души бремя совѣсти и самоуничженія. Credo quia absurdum, и я спасень».

«Но этого я не могу, и я предпочитаю выплатить страданіями самъ свои долги. Бываютъ часы, когда я жажду лютой смерти, жажду быть живымъ сжигаемымъ на кострѣ, жажду испытать болѣзненное наслажденіе при причиненіи боли собственному тѣлу, этой тюрьмѣ души, стремящейся къ выси. Для меня царствомъ небеснымъ кажется отсутствіе матеріальныхъ потребностей! Встрѣтиться съ врагами, чтобы имъ простить и пожать имъ руки! Чтобы больше не было враговъ, не было злобы — вотъ мое царствіе небесное! Знаешь ли ты, что дѣлаетъ для меня жизнь выносимой? То, что я порой воображаю себѣ, что жизнь — это полудѣйствительность что-то въ родѣ злого сна, который насылается на насъ ради наказанія, и что въ моментъ смерти мы пробуждаемся къ дѣйствительности, при чемъ сознаемъ, что это былъ лишь сонъ; все зло, нами содѣянное, — лишь сонъ. Такимъ образомъ сглаживаются угрызенія совѣсти относительно поступковъ, которыхъ оказывается въ дѣйствительности не было. Вотъ оно искупленіе, спасеніе!»

25-го іюня.

Я кончилъ писать *Inferno*. Божья коровка сѣла на мою руку. Я жду примѣты, чтобы готовиться въ путь. Божья коровка улетаетъ и летитъ къ югу. Итакъ, мнѣ надо двигаться къ югу.

* * *

Съ этого мгновенія я твердо рѣшилъ ѣхать въ Парижъ. Но мнѣ кажется сомнительнымъ, что мнѣ будутъ благоприятствовать невѣдомыя силы. Будучи жертвою внутренней борьбы, я пропускаю весь іюль, а съ наступленіемъ августа мѣсяца ожидаю знаменія, чтобы предпринять рѣшеніе. Порою мнѣ приходитъ на умъ, что повелители моей судьбы не солидарны между собой и что я являюсь объектомъ ихъ раздора. Одинъ толкаетъ меня къ отъѣзду, другой удерживаетъ.

Наконецъ утромъ 24-го августа вскакиваю я съ кровати, отдергиваю занавѣску окна, и мнѣ въ глаза бросается ворона, сидящая на дымовой трубѣ очень высокаго дома. Она ведетъ себя точь въ точь какъ флюгеръ надъ башней церкви Notre-Dame-des-Champs (прочтите Inferno), притворяется, что летитъ своей дорогой, ударяетъ крыльями, обернувшись на югъ

Я отворяю окно. Тогда птица взлетаетъ, летитъ прямо на меня и затѣмъ скрывается.

Я принимаю это какъ знаменіе и укладываюсь въ дорогу.

XI.

ВЪ ПАРИЖѢ.

Еще разъ (не будетъ ли это въ послѣдній разъ?) выложу я изъ вагона на платформу Сѣвернаго вокзала. Я не задаю себѣ вопроса: что мнѣ тутъ дѣлать? такъ какъ чувствую себя въ столицѣ Европы какъ дома. Во мнѣ понемногу созрѣло рѣшеніе—не вполне ясное, признаюсь,—

искать себѣ убѣжища въ Бенедиктинскомъ монастырѣ въ Солемѣ.

Но прежде всего иду я на старыя мѣста съ ихъ болѣзненными и все же дорогими воспоминаніями. Итакъ, я снова вижу садъ Люксембурга, отель Орфила, Монпарнасское кладбище и Ботаническій садъ. На улицѣ Ceusier я останавливаюсь на мгновение и украдкой бросаю взглядъ въ сторону сада моей гостиницы на улицѣ Clef. Велико мое волненіе при видѣ флигеля съ моей комнатою, гдѣ я избавился отъ смерти въ страшную ночь, когда я, не зная того, былъ близокъ къ смерти. Можно легко представить себѣ мое чувство, когда я направился къ ботаническому саду и увидѣлъ слѣды урагана, опустошившаго именно мою аллею, гдѣ находятся медвѣди и бизоны.

На обратномъ пути, на улицѣ Saint-Jacques попадаетъ мнѣ книжная лавка спиритовъ, и я покупаю книгу Духовъ Аллана Кардека, которую я раньше не зналъ.

Я принимаюсь за чтеніе ея. Да вѣдь это Сведенборгъ и въ особенности Блавитская, а когда я на каждомъ шагу нахожу свой собственный «casus», то не могу не признать, что я спиритъ. Я — спиритъ! Могъ ли я ожидать, что я этимъ кончу, когда я потѣшался надъ моимъ бывшимъ начальникомъ въ Королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ, потому что онъ былъ сторонникомъ спиритизма! Никогда не знаешь, къ какой пристани въ концѣ-концовъ пристанешь!

* . *

Продолжая изучать Аллана Кардека, я замѣчаю, что исподволь снова начинаютъ повторяться прежніе тревожные

симптомы. Снова возобновляется шумъ надъ моею головою; со мной дѣлается удушье, и проявляется страхъ передъ всѣмъ. Но я не поддаюсь и продолжаю читать спиритические журналы, неослабно наблюдая за своими мыслями и поступками.

Но вотъ однажды послѣ весьма недвусмысленнаго предупрежденія я въ два часа ночи былъ разбуженъ сердечнымъ припадкомъ.

Я понялъ предостереженіе: запрещено посягать на тайны невѣдомыхъ силъ. Я отбрасываю недозволенные книги, и ко мнѣ немедленно возвращается спокойствіе. Это для меня достаточное доказательство того, что высшая воля исполнена. Въ слѣдующее за симъ воскресенье отправляюсь я въ Notre-Dame и присутствую на вечернѣ. Вздволнованный обрядомъ, несмотря на то, что я ни слова не понимаю, я плачу и ухожу съ полнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь въ соборѣ Богоматери — пристань спасенія.

Однако нѣтъ! Оно не такъ! На слѣдующій день читаю я въ газетѣ La Presse, что аббатъ монастыря Солеме отстраненъ отъ должности за преступленіе противъ нравственности.

— Неужели же я вѣчно долженъ быть игрушкой, на смѣшную невидимыхъ силъ! — воскликнулъ я пораженный. Но затѣмъ я умолкаю и откладываю непристойную статью, рѣшившись выждать!

Въ книгѣ, которая затѣмъ случайно попадаетъ мнѣ въ руки, проглядываютъ взгляды моего руководителя. Эта книга — «Искушенія святого Антонія» Флобера. «Я пожралъ, говоритъ Сфинксъ, всѣхъ тѣхъ, которые мучимы тоской по Богѣ».

Эта книга дѣлаетъ меня больнымъ, и мнѣ становится страшно, когда я обнаруживаю въ ней мысли, изложенныя мною въ упомянутой раньше книгѣ «Тайнственная игра»: вмѣшательство злыхъ духовъ въ права Бога милосердаго! И я, просмотрѣвъ книгу, бросаю ее какъ искушение дьявола, ее сочинившаго. «Антоній совершаетъ крестное знаменіе и снова погружается въ молитву». Этими словами кончаетъ авторъ свою книгу, и я слѣдую примѣру святого Антонія.

Послѣ этого получаю я книгу «En route» Гисмана. Зачѣмъ не попало это признаніе раньше въ мои руки! Было важно, чтобы два аналогичныхъ случая развивались параллельно, чтобы одинъ укрѣпился бы благодаря другому.

Любопытный, вызвавшій Сфинкса, имѣя поглоченъ, чтобы душа его была спасена у подножья креста. Такъ пусть теперь ради меня какой-нибудь католикъ отправится къ траппистамъ и передъ священникомъ принесетъ покаяніе; что же касается меня лично, то достаточно того, что mea culpa будетъ письменно извѣстна соam populo. Впрочемъ, тѣ восемь недѣль, проведенныя мною въ Парижѣ, пока я писалъ настоящую книгу, могутъ равняться жизни въ монастырѣ и даже больше того, такъ какъ я положительно велъ жизнь отшельника.

Жилищемъ служила мнѣ маленькая комната, не больше монастырской кельи, съ рѣшетчатыми окнами, наверху, подъ самой крышей. Черезъ рѣшетку въ окнѣ, открывающемся на большой дворъ, вижу я клочокъ неба и струю стѣны, обросшую плющомъ, который тянется кверху, къ свѣту.

Одиночество, само по себѣ страшное, становится еще мрачнѣе два раза въ день, когда я хожу въ ресторанъ среди шумной толпы людей. Прибавьте къ этому холодъ, вѣчный сквозной вѣтеръ въ комнатѣ, отчего я схватилъ невралгію, страхъ остаться вскорѣ безъ всякихъ средствъ и все увеличивающійся счетъ. Это хоть кого удручить!

А кромѣ того угрызения совѣсти! Въ прежнее время, когда я себя самого считалъ отвѣтственнымъ, меня огорчали лишь воспоминанія о содѣянныхъ глупостяхъ. Теперь же бичуетъ меня самъ злой духъ. И въ довершеніе всего представляется мнѣ мое прошлое какъ хитросплетеніе преступленій, какъ цѣлая связь безобразныхъ поступковъ, злоупотребленій, грубостей въ словахъ и дѣлахъ. Цѣлыя картины прошлаго встаютъ передо мной. Я вижу себя то въ одномъ, то въ другомъ положеніи, и всегда получается омерзительное впечатлѣніе. Я удивляюсь, какъ могъ кто-нибудь меня любить. Я въ самыхъ разнообразныхъ вещахъ обвиняю себя: нѣтъ ни одной низости, ни одного отталкивающаго поступка, которые не были бы написаны чернымъ по бѣлому. Я прихожу въ отчаяніе отъ самого себя и хотѣлъ бы умереть.

Бываютъ минуты, когда стыдъ гонитъ кровь мою въ лицо и уши пылаютъ. Эгоизмъ, неблагодарность, злоба, зависть, гордость, всѣ смертные грѣхи кружатся въ хороводѣ передъ пробудившейся совѣстью.

Душа мучается, а тѣмъ временемъ ухудшается состояніе моего здоровья, силы слабѣютъ, а съ физическимъ истощеніемъ душа вступаетъ въ періодъ, предвѣщающій освобожденіе ея отъ тины.

Я читаю теперь «Le Presbytere» Тѣпфера и «Рожде-

ственскіе разказы» Диккенса, и эти книги даютъ мнѣ невыразимую душевную тишину и радость. Я возвращаюсь къ идеаламъ лучшей поры моей юности и снова приобретаю разсѣянные въ продолженіе жизни сокровища. Возвращается вѣра въ природную доброту людей, въ невинность и безкорыстіе, въ добродѣтель!

Добродѣтель! Это слово изъято изъ современныхъ нарѣчій, оно считается сплошной ложью!

(Въ это какъ разъ время узналъ я изъ газетъ, что въ Копенгагенѣ была предъставлена моя пьеса «Супруга господина Бенгта». Въ этой пьесѣ пробуждаются любовь и добродѣтель, какъ и «въ Тайнѣ гильдин». Пьеса не понравилась теперь точно такъ же, какъ и при первой ея постановкѣ въ 1882 году. Почему? Потому что люди того мнѣнія, что говорить о добродѣтели—скучная болтовня!).

* * *

Я только что перечиталъ «Хорла» Мопассана. Вѣдь это финалъ Донъ-Жуана, не такъ ли? Кто-то невидимкой входитъ среди ночи въ спальню. Неизвѣстный пьетъ воду и молоко и рѣшается этимъ высосать кровь у бѣднаго Донъ-Жуана, который, преслѣдуемый, наконецъ самъ накладывается на себя руку.

Это дѣйствительно изъ области пережитого: я въ этомъ узнаю себя; я не отрицаю, что налицо нѣкоторое душевное разстройство, но вижу за этимъ живое лицо.

* * *

Въ стѣнѣ шели, такъ что дымъ и угаръ проникають въ мою комнату, что плохо дѣйствуетъ на мое здоровье, которое все ухудшается. Когда я сегодня вышелъ на улицу, то мнѣ казалось, что мостовая колышется подъ моими ногами какъ палуба парохода во время плаванія. Съ большимъ трудомъ могу я подняться до Люксембургскаго сада; аппетитъ все болѣе пропадаетъ, и я ѣмъ только для того, чтобы утишились боли желудка.

Обстоятельство, часто повторяющееся со времени моего прїѣзда въ Парижъ, заставляетъ меня обо многомъ задуматься. Съ внутренней стороны скюртука, слѣва, какъ разъ гдѣ помѣщается сердце, слышенъ правильный стукъ. Это напоминаетъ стукъ, производимый въ стѣнахъ домовъ жукомъ, называемымъ въ Швеціи домовымъ или же смертными часами; это будто бы предвѣщаетъ смерть. Сначала я думалъ, что это мои карманные часы, но это предположеніе было разбито тѣмъ, что я снялъ съ себя часы, а стукъ не прекращался. Это не происходитъ также и отъ пружинки моихъ подтяжекъ или отъ подкладки моего скюртука. Я всего охотнѣе объясняю это смертными часами.

Нѣсколько ночей тому назадъ приснился мнѣ сонъ, снова пробудившій во мнѣ желаніе умереть и давшій мнѣ надежду на лучшее существованіе безъ возврата къ страданіямъ земной жизни

Уйдя слишкомъ далеко въ пространство, граничащее съ темной глубиной, упалъ я головой впередъ, въ бездну. Но—странное дѣло!—я упалъ не книзу, а кверху. Меня непосредственно окутала ослѣпительно бѣлый свѣтъ, и я увидѣлъ,,

То, что я увидѣлъ, породило во мнѣ два представлѣнія: я умеръ и я спасенъ! Чувство высшаго блаженства наполнило меня при сознаніи, что прежнее все кончено. Свѣтъ, чистота, свобода осіяли меня, и, воскликнувъ: «Богъ!», я почувствую ясно, что получилъ прощеніе, что адъ лежитъ за моей спиной, а передо мной отверзается небо.

Послѣ этой ночи я чувствую себя на этомъ свѣтѣ еще болѣе одинокимъ, и, подобно усталому, сонному ребенку, я прошусь «домой», мнѣ хочется склонить отяжелѣвшую голову на грудь матери, заснуть на колѣняхъ матери, непорочной жены неизмѣримо великаго Бога, который себя называетъ моимъ отцомъ и къ которому я не дерзаю приблизиться.

Но это желаніе связано съ другимъ: а именно мнѣ хочется полюбоваться Альпами, въ особенности Dent-du-Midi въ кантонѣ Валлиса. Я люблю эту гору больше остальныхъ Альпъ, хотя не могу объяснить почему. Быть можетъ, потому, что она связана съ воспоминаніями о моемъ пребываніи на берегу Женевского озера, гдѣ я писалъ утопии дѣйствительности, и о мѣстности, напоминающей мнѣ небо.

Тамъ прожилъ я лучшіе годы своей жизни! Тамъ я любилъ! Любилъ жену, дѣтей, человѣчество, вселенную, Бога!

«Я возношу руки свои къ Божьей горѣ и дому Божьему».

Парижъ, октябрь 1897 г.

ІАКОВЪ БОРЕТСЯ.

(Отрывокъ.)

По возвращеніи моемъ въ Парижъ въ концѣ августа 1897 года я сразу почувствовалъ себя одинокимъ. Мой другъ философъ, ежедневное общество котораго стало для меня нравственной поддержкой и который далъ мнѣ слово пріѣхать въ Парижъ слѣдомъ за мной и тамъ провести зиму, застрялъ въ Берлинѣ, при чемъ онъ не можетъ объяснить, что задерживаетъ его тамъ, такъ какъ цѣль его путешествія Парижъ, и онъ сгораетъ отъ желанія увидѣть свѣтлый городъ.

Итакъ, я три мѣсяца ожидалъ его и получилъ впечатлѣніе, что Провидѣніе пожелало остаться со мною съ глазу на глазъ, чтобы я отсталъ отъ свѣта и удалился въ пустыню, гдѣ карающіе духи основательно потрясутъ мою душу. Въ этомъ Провидѣніи было право, такъ какъ одиночество воспитало меня тѣмъ, что заставило обойтись безъ пріятной радости общенія и отняло у меня опору друга. Я пріучился бесѣдовать съ Господомъ, Ему лишь довѣряться и какъ бы потерялъ потребность въ людяхъ: это всегда мерещилось мнѣ какъ идеаль независимости и свободы.

Даже отъ монастыря, въ которомъ я думалъ найти для себя защиту въ религіи, я долженъ отказаться. Я смотрѣлъ на жизнь отшельника какъ на кару и на способъ воспитать себя, не говоря уже о томъ, что въ сорокъ восемь

лѣтъ очень трудно свои старыя вкоренившіяся привычки замѣнить другими.

Я живу, какъ упоминалъ раньше, въ маленькой комнаткѣ, не просторнѣй монастырской кельи, съ рѣшетчатымъ окномъ наверху, подъ самой крышей, и съ высокой стѣной, обросшей плющомъ, передъ окномъ.

Тамъ сижу я послѣ утренней прогулки вплоть до половины седьмого; завтракать мнѣ приносятъ въ комнату на подносѣ.

Вечеромъ я выхожу, чтобы пообѣдать, и передъ обѣдомъ не выпиваю уже для аппетита рюмочку ликера, который сталъ мнѣ противенъ. Почему именно я выбралъ маленькій ресторанъ на Boulevard St.-Germain — мнѣ трудно было бы объяснить. Быть можетъ, воспоминаніе о двухъ страшныхъ вечерахъ, проведенныхъ въ прошломъ году съ другомъ моимъ оккультистомъ нѣмце-американцемъ, приковываетъ меня настолько, что всякая попытка итти въ другое мѣсто причиняетъ мнѣ непріятность, которую я назвалъ бы тенденціозной, и я постоянно возвращаюсь въ этотъ трактирчикъ, который ненавижу. А основаніе этому слѣдующее: мой прежній пріятель остался здѣсь должень, а во мнѣ при моемъ появленіи признали его спутника. На этомъ основаніи и потому, что слышали, какъ мы разговаривали по-нѣмецки, меня принимаютъ за пруссака и, слѣдовательно, не стараются мнѣ угождать. Не помогаютъ и мои молчаливые протесты, заключающіеся въ томъ, что я, какъ бы нечаянно, оставляю послѣ себя свою визитную карточку или старые конверты со штемпелемъ изъ Швеціи. Мнѣ приходится за должника страдать и платить за него. Никто, кромѣ меня, не увидитъ въ этомъ логичности,

не усмотрить, что это искупленіе за прегрѣшеніе... Это просто проявленіе въ весьма невинной формѣ закона, и я въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ питаюсь до невообразимости дурной пищей, пахнущей анатомическимъ театромъ.

Мертвенно-блѣдная хозяйка, возстающая у кассы, кланяется мнѣ съ торжественнымъ видомъ, а я думаю про-себя:

«Блѣдная старушка, ей вѣроятно пришлось покушать крысъ во время осады Парижа въ 1871 году!»

Мнѣ кажется, что она сочувствуетъ мнѣ, убѣдившись въ моемъ глухомъ подчиненіи и терпѣніи. Бываютъ моменты, когда мнѣ кажется, что она становится еще блѣднѣй, видя меня всегда одного и все болѣе худѣющимъ. Дѣйствительно, когда по истеченіи проведенныхъ такимъ образомъ двухъ мѣсяцевъ мнѣ понадобились воротнички, то пришлось вмѣсто воротничковъ въ 47 сантиметровъ купить въ 43, что составляетъ разницу на цѣлыхъ 4 сантиметра. Щеки мои втянулись, а платье виситъ складками.

Вдругъ стали мнѣ отпускать болѣе сносную пищу, а хозяйка мило мнѣ улыбалась. Въ то же время прекратилось колдовство, и я шелъ себѣ спокойно, какъ бы освобожденный отъ бремени, съ сознаниемъ, что искупленіе за грѣхи съ моей стороны, а быть можетъ и со стороны отсутствующаго пріятеля, выполнено. Если я только воображалъ себѣ, что со мной дурно обращаются, и если хозяйка въ этомъ не виновата, то прошу у нея прощенія, и въ такомъ случаѣ я, слѣдовательно, самъ себя наказалъ тѣмъ, что наложилъ на себя заслуженное наказаніе.

«Карающіе духи управляютъ воображеніемъ виновнаго и достойнаго наказанія и пользуются этимъ способомъ для

его улучшенія тѣмъ, что все представляютъ ему въ искаженномъ видѣ». (Сведенборгъ.)

Сколько разъ случалось, когда я хотѣлъ доставить себѣ действительно тонкій обѣдъ, что всѣ блюда казались мнѣ противными, несвѣжими, тогда какъ мои застольные товарищи всѣ единогласно хвалили хорошій обѣдъ.

«Вѣчно недовольный» — несчастный человѣкъ; заложникъ невидимыхъ силъ, и его съ полнымъ основаніемъ избѣгаютъ потому, что его судьба — быть всегда нарушителемъ удовольствія, осужденнымъ на одиночество и связанной съ нимъ тяжестью, на покаяніе за тайные проступки.

Тѣмъ временемъ живу я самъ для себя, а когда, послѣ того какъ нѣсколько недѣль подъ рядъ я не имѣлъ случая слышать свой собственный голосъ, я отыскиваю кого-нибудь, то я такъ надоѣдаю этому несчастному моей болтливостью, что онъ разстается со мной утомленный и невольно даетъ мнѣ понять, что не согласенъ повторить наше со-вмѣстное пребываніе.

Бываютъ и такія минуты, когда желаніе видѣть человеческое существо побуждаетъ меня искать дурное общество. Въ такихъ случаяхъ бываетъ, что среди бесѣды меня охватываетъ непріятное чувство, сопровождаемое головной болью, и я замолкаю; нѣтъ возможности слово вымолвить. И я принужденъ бываю покинуть компанію, которая никогда не стѣсняется достаточно выказать, насколько ея сочленамъ пріятно отдѣлаться отъ невыносимой фигуры, которой тамъ и дѣлать нечего.

Осужденный на одиночество, на изгнаніе изъ среды людей, я удаляюсь къ Господу, ставшему для меня личнымъ другомъ. Часто бываетъ Онъ гнѣвенъ противъ меня, и я

страдаю; часто Онъ кажется отсутствующимъ, осажденнымъ просьбами съ другой стороны,—тогда мнѣ еще хуже. Когда же Онъ ко мнѣ милостивъ, жизнь становится сладостной въ особенности въ одиночествѣ.

По странной случайности поселился я на улицѣ Бонапарта, католической улицѣ. Я живу какъ разъ напротивъ Ecole des Beaux-Arts и, когда я выхожу, мнѣ приходится проходить по цѣлой аллеѣ зеркальныхъ оконъ, откуда до верха улицы Якова меня сопровождаютъ легенды Пувиса Дешавана, Мадонны Ботичелли, Дѣвы Рафаэля и гдѣ книжныя лавки съ католическими молитвенниками и требниками не покидаютъ меня до церкви St-Germain-des-Prés. Лавки со священными предметами образуютъ тутъ цѣлую изгородь съ Искупителемъ, Мадоннами, архангелами, демонами, со всѣми четырнадцатью стадіями страстей Христа, рождественскими яслями,—все это съ правой стороны; съ лѣвой же выставлены иллюстрированныя книги духовнаго содержанія, четки, церковныя облаченія и утварь, и такъ вплоть до площади св. Сульпиція, гдѣ четыре церковныхъ льва съ Боссюэтомъ во главѣ охраняютъ самый священный въ Парижѣ храмъ. Повторивъ всю священную исторію, вхожу я зачастую въ церковь, чтобы подкрѣпить себя видомъ картины Эжена Делакруа, изображающей борьбу Якова съ ангеломъ. Дѣло въ томъ, что эта картина всегда заставляеть меня задумываться, при чемъ она будить во мнѣ безбожныя представленія, несмотря на правовѣрный сюжетъ. Иногда, выходя изъ храма среди колѣнопреклоненной толпы, я уношу впечатлѣніе о борцѣ, стоящемъ выпрямившись во весь ростъ, несмотря на сломанное бедро.

Потомъ прохожу я мимо іезуитской семинаріи, своего рода страшнаго Ватикана, которая испускаетъ изъ себя цѣлые неизмѣримые потоки физической силы, дѣйствіе которой, если вѣрить теософамъ, осязательно издалека. Такимъ образомъ дохожу я до своей цѣли, до Люксембургскаго сада.

Уже во времена моего перваго посѣщенія Парижа въ 1876 году этотъ паркъ имѣлъ на меня таинственную притягательную силу, и тогда уже поселиться въ его окрестности было моею мечтою. Эта мечта стала дѣйствительностью въ 1893 году, и съ того времени, хотя съ нѣкоторыми промежутками, этотъ садъ соединился съ моими воспоминаніями, слился съ моею личностью. Онъ, будучи въ дѣйствительности незначительнаго размѣра, кажется мнѣ въ моемъ представленіи очень большимъ. Какъ святой градъ въ Апокалипсисѣ, онъ имѣетъ двѣнадцать воротъ, и чтобы еще болѣе усилить сходство: «съ востока трое воротъ, съ сѣвера трое воротъ, съ юга трое воротъ, съ запада трое воротъ» (Апокалипсисъ 21; 13). Каждый входъ въ отдѣльности производитъ на меня различное впечатлѣніе, основанное на группировкѣ растеній, зданій и статуй или же на связанныхъ съ этимъ личныхъ воспоминаніяхъ.

Такъ, напримѣръ, я чувствую себя радостнымъ при входѣ въ первыя ворота съ улицы Люксембурга, ведущей отъ святого Сульпиція; обросшая плющомъ сторожка привратника нашептываетъ мнѣ скромную идиллію съ прудомъ, утками и другими птицами; дальше расположенъ музей для картинъ въ яркихъ свѣтлыхъ краскахъ современныхъ художниковъ. Мысль, что друзья моей молодости—Карль Ларсонъ, скульпторъ Вилли Валгрень,

Фритцъ Тауло—оставили тамъ частицы своей души, молодить меня, и я чувствую, что ихъ духовные лучи проникають сквозь стѣны и ободряють меня, такъ какъ друзья близки.

Дальше видимъ мы Эженя Делакура, лавры коего по-томствомъ признаны сомнительными.

Вторыя ворота, тѣ, которыя открываются на улицу Флерусъ, вѣдутъ меня къ бѣговой площадкѣ, широкой какъ ипподромъ и кончающейся цвѣточной террасой, гдѣ стоитъ мраморная Побѣда, какъ пограничный столбъ, и откуда виднѣется вдали Пантеонъ съ крестомъ на его куполѣ.

Третьи ворота служатъ продолженіемъ улицы Ванно и вѣдутъ меня въ тѣнистую аллею, теряющуюся влѣво въ своего рода Елисейскихъ Поляхъ, гдѣ играютъ дѣти, получая массу удовольствія отъ деревянныхъ коней карусели, выступающей парами со львами, слонами и верблюдами, совсѣмъ какъ въ раю. Дальше находится мѣсто для игры въ мячъ и дѣтскій театръ между цвѣточными клумбами, Золотой вѣкъ, Ноевъ ковчегъ: это весна жизни, которую я тамъ встрѣчаю среди осени моего существованія.

Въ южной сторонѣ, къ улицѣ Ассасъ, плодовый садъ и питомникъ представляютъ картину глубокаго лѣта, периодъ цвѣтенія прошелъ! Наступилъ сезонъ плодовъ, и ульи, стояще тутъ же со своимъ обитателями, накопляющими къ зимѣ запасъ золотой пыли, усиливаютъ представление о зрѣлости времени.

Вторыя ворота, прямо напротивъ лица Louis le Grand, образуютъ райскій ландшафтъ. Бархатистый, вѣчно зеленый газонъ, тутъ и тамъ розовый кустъ и одно единственное

персиковое дерево, по поводу котораго я никогда не забуду, какъ однажды весной оно, украшенное цвѣтами отѣнка утренней зари, плѣнило меня, и я простоялъ цѣлыхъ полчаса передъ нимъ, любуясь его маленькой, слабенькой, юной, дѣвственной фигурой или скорѣй благоговѣя передъ нею.

Проспектъ Обсерваторіи врѣзывается въ главныя ворота, дѣйствительно царственные со своимъ позолоченнымъ фасадомъ. Такъ какъ эти ворота слишкомъ величественны, то я чаще всего останавливаюсь передъ ними и люблю утромъ дворцомъ, вечеромъ—свѣтлой линіей Монмартра, вьющейся надъ крышами домовъ, и полярной звѣздой, мерцающей надъ рѣшетчатыми воротами и служащей мнѣ квадрантомъ для моихъ астрологическихъ наблюдений.

Восточная сторона сада привлекаетъ меня только воротами, ведущими съ улицы Суфло. Оттуда открылъ я однажды мой садъ, море зелени съ восхитительной линіей исполинскихъ тополей въ голубоватой дали, полной тайнъ, когда не зналъ еще улицы Флерусъ, ставшей мнѣ впоследствии какъ Пропилеи, дорогой къ новой жизни. На этомъ мѣстѣ я обыкновенно окидываю взоромъ пройденную до конца дорогу, прерванную прудомъ, и по эту сторону люблю маленькимъ Давидомъ со сломаннымъ мечомъ. Однажды утромъ, прошлой осенью, отъ фонтана образовалась радуга, что напомнило мнѣ магазинъ красокъ на улицѣ Флерусъ, гдѣ раскинулась моя радуга, какъ знакъ моей связи съ Господомъ вѣчности (Infinito). Дальше къ склону террасы пролегаетъ мой путь мимо ряда статуй женщинъ, бывшихъ болѣе или менѣе королевами или злодѣйками,

и я останавливаюсь у большой лестницы, весной увѣнчанной цвѣтущимъ боярышникомъ и служащей достойной рамкой къ этому обширному цвѣточному кругу. Осенью гранатовыя деревья и столѣтніе олеандры, — чуть ли не историческіе экземпляры, точно такъ же, какъ вѣровидныя пальмы, окаймляющія громадныя хризантемовыя клумбы, вокругъ коихъ кружатся бабочки, воркуютъ горлицы и хохочатъ дѣти, — служатъ мнѣ иллюстраціей къ волшебнымъ сказкамъ.

А на самомъ верху, надъ египетскими смоковницами и шпиремъ Малаго Люксембурга возвышаются башни - близнецы св. Сульпиція, не похожія ни на какія другія и не схожія между собой.

Въ сѣверную часть сада доступъ открытъ тремя воротами, но я пользуюсь только двумя, такъ какъ третьи охраняются солдатомъ. Ворота напротивъ Одеона образуютъ какъ бы преддверіе къ оперному театру: старинное и одиноко стоящее здѣсь зданіе, подъ арками котораго сходились всѣ богини пѣнія, много говоритъ сердцу, алчущему красоты и знанія. Кварталь юношескихъ поэтовъ Мюргера и Де-Банвиля навѣваетъ юношескія мечты, грезы двадцатилѣтнихъ студентовъ.

Фонтанъ Медичи—овидіевскій стихъ, облеченный въ бѣлый мраморъ, возвышается у пруда, передъ нимъ молча останавливаются на лету вороны, глядя на молодую любовь, развертывающуюся безъ стыда на глазахъ у чернаго Циклопа (у него ихъ два), тогда какъ вся группа увѣнчана молодыми виноградными листьями и осѣнена лучшими во всей Франціи чинарами.

Это дивно красиво! Это вѣчный праздникъ! Языческій!

Что-то орфейское! А вмѣстѣ съ тѣмъ полное грусти, уныло напоминающее элегію любви, которая должна принести грустный конецъ для Галатеи, Аціи которой долженъ быть разможденнымъ брошенной Полифемомъ скалой.

Послѣднія ворота, возлѣ музея, производятъ смѣшанное впечатлѣніе коршуна, помѣстившагося безъ видимаго основанія на голову сфинкса, и поцѣлuya Геро въ лобъ Леандра, когда его вслѣдствіе несчастнаго случая постигла преждевременная смерть, которую легко можно было заранѣе предсказать. Затѣмъ я дѣлаю еще небольшой крюкъ, прохожу мимо музея современныхъ художниковъ и углубляюсь въ аллею розоваго сада съ его десятью тысячами розъ.

Это составляетъ мою утреннюю прогулку. Выбирая для входа въ садъ то одни, то другія ворота, я настраиваю себя на извѣстный ладъ. Обратно я возвращаюсь по бульвару St.-Michel и обращаю взоры свои на башни Св. Капеллы, которая руководитъ мною сквозь множество различныхъ проявленій суеты людской, изображенной во всевозможныхъ видахъ на выставкахъ оконъ, а на тротуарахъ выступающей въ образѣ веселыхъ дѣвицъ и дѣтей міра сего. Дойдя до площади St.-Michel, я чувствую себя подъ покровительствомъ архангела, убивающаго змѣю: неясеровидный хвостъ дѣлаетъ то, что кажется, что въ этомъ произведеніи искусства ясно воплощенъ злой духъ, и не бараньи рога или приподнятыя кверху брови, а ротъ, неплотно закрывающійся съ боковъ, и сжатые спереди губы, которыя прикрываютъ четыре переднихъ зуба. Боковые зубы торчатъ, не прикрытые губами, и страшная улыбка, видимая сбоку, выражаютъ образъ вѣчной злобы, которая

еще зубоскалить въ то время, какъ пронизываютъ сердце копьемъ.

Три раза въ моей жизни встрѣчался я съ этимъ ртомъ: у актера, у женщины-живописца и еще у одной женщины, и я ни разу въ этомъ не ошибся.

Бросивъ взоръ на соборъ Богоматери, иду я по Августинской набережной черезъ аллею буковыхъ деревьевъ и чинаръ къ началу улицы Дофина, къ тому мѣсту, гдѣ она сливается съ Pont-Neuf.

Это самое богатое красками открытое мѣсто, и оно такъ радостно на меня дѣйствуетъ, что я готовъ былъ бы сѣсть здѣсь на террасу виноторговца и ждать тамъ конца моихъ дней. Это мѣсто положительно очаровываетъ меня ландшафтомъ, съ этими чудными чинарами, статуей Генриха IV, этого олицетворенія Франціи, этими торговцами коллекціями бабочекъ, улитокъ, которые здѣсь своими ящиками загородили букинистовъ, яркими вывѣсками, изображающими винныя бутылки, овощи, а сильнѣй всего сознаниемъ, что это Pont-Neuf, самый красивый въ Европѣ мостъ, съ его масками лѣсныхъ боговъ, дриадами и сатирами. А можетъ быть на меня чарующе дѣйствуетъ и то, что въ прежнее время много различныхъ радостныхъ обстоятельствъ связаны были съ этимъ мѣстомъ, что веселый смѣхъ еще паритъ въ воздухѣ, который, отражаясь отъ земли и отъ стѣнъ, хранитъ въ себѣ свое волнообразное движеніе.

Монетный дворъ, благородный, торжественный и молчаливый дворецъ, какъ всѣ дворцы замкнутый въ себѣ самомъ, и виду не показываетъ о томъ золотѣ, которое хранится въ его погребахъ.

Институтъ, протягивающій руки къ Лувру, своими вы-

сокими окнами напоминает блестящій гигантскій дворець. А дворець на противоположной сторонѣ рѣки не имѣетъ вида отдѣльнаго зданія, это цѣлая горная цѣпь, гдѣ живетъ исполинъ, потомокъ Атлантидъ, который погруженъ въ сонъ, какъ бы для того, чтобы собраться съ силами ко дню возрожденія. Когда я нѣсколько дней тому назадъ вечеромъ проходилъ мимо дворца Мазарини, то солнце уже зашло за высотами Пасси, но послѣдніе его лучи еще отражались въ оконныхъ рамахъ Лувра; а когда я прошелъ еще нѣсколько шаговъ, то увидѣлъ, какъ засверкали окна Тюльери, одно за другимъ, вплоть до павильона Флоры. Это производило волшебное впечатлѣніе, и мнѣ пришло на умъ, что Барбаросса Франціи пробудился, что Людовикъ Святой торжественно празднуетъ день своего коронованія и что къ пиру приглашены во вретипахъ всѣ монархи земли, и что они на колѣняхъ прислуживаютъ за столомъ.

Наконецъ дошелъ я до начала улицы Бонапарта. Эта своего рода долина образуетъ какъ бы истокъ для кварталовъ Монпарнаса, Люксембурга и частью предмѣстья St. - Germain. Надо проявить нѣкоторую ловкость, чтобы втиснуться въ этотъ истокъ, гдѣ кишатъ пѣшеходы и экипажи и гдѣ тротуаръ имѣетъ всего аршинъ ширины. Я же ничего такъ не боюсь, какъ этихъ омнибусовъ, запряженныхъ тройкой бѣлыхъ лошадей, потому что я видѣлъ ихъ во снѣ, да къ тому же эти бѣлыя лошади наводятъ на мысль объ извѣстномъ конѣ, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ. Въ особенности же вечеромъ, когда они слѣдуютъ одинъ за другимъ, съ краснымъ фонаремъ, я представляю себѣ, что лошади поворачиваютъ ко мнѣ

головы, глядятъ на меня злобными глазами и кричатъ мнѣ: «Подожди, мы доберемся до тебя!»

Словомъ, это составляетъ мой *circulus vitiosus*, который я пробѣгаю два раза въ день, и жизнь такъ тѣсно встала въ рамки этого маршрута, что если я иногда дерзаю избрать другой путь, то я блуждаю и мнѣ кажется, будто я потерялъ частицу моего я, мои воспоминанія, мои мысли и даже чувство устойчивости.

* *
*

Однажды въ ноябрѣ въ воскресенье отправился я въ ресторанъ, чтобы побѣдять. На тротуарѣ по бульвару St.-Germainъ стоятъ два маленькихъ столика; по бокамъ красуются двѣ зеленныя кадки съ олеандрами, а сверху бросаетъ тѣнь навѣсь. Въ воздухѣ тихо и тепло, зажженные фонари освѣщаютъ полную жизни кинематографическую картину проѣзжающихъ омнибусовъ, колясокъ, каретъ, въ которыхъ весело возвращается изъ Булонскаго лѣса разодртая по праздничному публика.

Пока я оканчиваю супъ, являются два мои друга—двѣ кошки и занимаютъ обычное мѣсто въ ожиданіи мяса. Такъ какъ я нѣсколько недѣль уже не слышалъ своего собственнаго голоса, то говорю имъ маленькую рѣчь, которая остается безъ отвѣта. Осужденный на это нѣмое, голодающее общество, такъ какъ я избѣгаю дурной компаніи, гдѣ слухъ мой бывалъ оскорбленъ безбожными и грубыми рѣчами, я возмущаюсь подобной несправедливостью. Я долженъ сказать, что ненавижу животныхъ,

какъ кошекъ, такъ и собакъ, такъ какъ я имѣю полное право въ душѣ ненавидѣть животныхъ.

Отчего это происходитъ, что Провидѣніе, озабоченное моимъ воспитаніемъ, постоянно наводитъ меня на дурное общество, тогда какъ хорошее общество могло бы силой своего примѣра способствовать моему усовершенствованію?

Въ то же мгновеніе приходитъ черный пудель съ краснымъ ошейникомъ, прогоняетъ моихъ друзей кошачьей породы и, проглотивъ оставленныя ими крошки, доказываетъ свою благодарность тѣмъ, что мочить ножку моего стула, послѣ чего неблагодарный циникъ принимаетъ на тротуарѣ сидячее положеніе, обернувшись ко мнѣ спиной. Изъ огня да въ полымя! Жаловаться не стоитъ, потому что вѣдь еще можетъ случиться, что вмѣсто этого придетъ ко мнѣ, пожалуй, еще и свинья, какъ это было съ Робертомъ-Дьяволомъ и съ Францискомъ Ассизскимъ. Отъ жизни можно такъ мало требовать! Такъ мало, и все же для меня этого слишкомъ много.

Продавщица цвѣтовъ предлагаетъ мнѣ гвоздикъ. Почему именно гвоздикъ, которыхъ я не люблю, потому что онѣ похожи на сырое мясо и пахнутъ аптекой! Наконецъ, по ея настоянію я беру букетикъ, а такъ какъ я щедро за него плачу, то старуха награждаетъ меня слѣдующимъ пожеланіемъ: «Да благословитъ Господь господина, давшего мнѣ такъ много сегодня!» Хотя я отлично понимаю хитрость, но все же для меня долго звучитъ пріятно это благословеніе, такъ оно мнѣ дорого послѣ многихъ проклятій.

Въ половинѣ восьмого газетчики начинаютъ выкрикивать вечернія газеты, и это служитъ для меня сигналомъ

къ уходу. Если я еще сидѣть, буду чтобы полакомиться десертомъ или выпить стаканъ вина, то я знаю навѣрное, что получу такъ или иначе непріятность либо отъ группы кокотокъ, которыя сядутъ напротивъ меня, либо отъ дерзкихъ уличныхъ мальчишекъ. Я несомнѣнно осужденъ на діету, и если я дозволю себѣ три блюда и полбутылки вина, то наказаніе не замедлитъ обнаружиться. Послѣ того, какъ за первыми попытками къ невоздержанности послѣдовала кара, я теперь уже не рѣшаюсь допустить излишества и чувствую себя отлично оттого, что посаженъ такимъ образомъ на половинную порцію.

Итакъ, я встаю изъ-за стола, чтобы направиться къ улицѣ Бонапарта, а оттуда въ Люксембургскій садъ.

На углу улицы Гоцлинъ я покупаю папирсы; прохожу мимо ресторана «Золотой Фазанъ». На углу улицы Дю-Фуръ я останавливаюсь передъ изображеніемъ Христа, удивительно реально выполненнаго. Во время походовъ противъ литературы Зола искусство, настроенное духовно, не сумѣло оборониться противъ духа реализма, и, благодаря этому Вельзевулу, такое искусство должно исчезнуть. Невозможно пройти мимо, не остановившись передъ этими картинами, написанными съ живыхъ людей кричащим красками импрессионистовъ.

Магазинъ запертъ, весь погруженъ во мракъ, а Спаситель стоитъ въ своей багряницѣ, освѣщенный съ улицы газовымъ фонаремъ, обнажая свое кровавое сердце, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Уже съ лишнимъ годъ, какъ меня преслѣдуетъ Спаситель, котораго я не понимаю и помощь котораго мнѣ хотѣлось бы сдѣлать излишней тѣмъ, что я самъ хотѣлъ бы, если возможно, нести свой крестъ;

это желаніе внуеть софтіше и матокъ мужской гордости испытывающей нѣкоторое отвращеніе къ малодушному сбрасыванію своихъ собственныхъ грѣховъ на плечи невиннаго.

Я всюду видѣлъ Распятаго: въ игрушечныхъ магазинахъ, въ книжныхъ лавкахъ, въ картинныхъ магазинахъ, на художественныхъ выставкахъ, въ театрѣ, въ литературѣ. Я видѣлъ его на своей наволочкѣ, въ снѣгу у насъ въ Швеціи и на утесахъ береговъ Нормандіи. Готовится ли Онъ къ своему путешествію? или уже Онъ пришелъ? Чего Онъ хочетъ?

Тутъ на окнѣ улицы Бонапарта Онъ уже не распятый; Онъ съ небесъ спустился побѣдителемъ, сіяя золотомъ и драгоценными камнями. Сталъ ли Онъ аристократиченъ, какъ простой народъ? Не Онъ ли «добрый тиранъ», о которомъ мечтаетъ юношество? примиритель? просвѣщенный герой?

Онъ отбросилъ свой крестъ и взялъ снова скипетръ, и въ тотъ часъ, какъ будетъ готовъ его храмъ на Mont de Mars (прежде называвшійся Mont des Martyres), онъ придетъ, будетъ самъ управлять міромъ и свергнетъ съ трона невѣрнаго замѣстителя, находящаго, что ему слишкомъ тѣсно въ одиннадцати тысячахъ комнатахъ, составляющихъ infamia Vaticani loca, жалующагося на свое роскошно обставленное заключеніе и убивающаго время маленькими вылазками на поле поэзіи.

Отойдя отъ Спасителя, я, дойдя до начала площади Св. Сульпиція, очень удивился, такъ какъ мнѣ показалось, что церковь стоитъ очень ужъ далеко. Она отдалилась, цо крайней мѣрѣ, на километръ; соотвѣтственно этому

и фонтанъ. Не потерялъ ли я понятие о разстояніяхъ? Я иду вдоль стѣны семинаріи, и мнѣ кажется, что конца ей не будетъ, такой длинной она мнѣ представляется. Я употребляю полчаса, чтобы пройти этотъ клочокъ улицы Бонапарта, что обыкновенно требовало не болѣе пяти минутъ. При этомъ передо мной идетъ лицо, всей фигурой и походкой напоминающее кого-то изъ моихъ знакомыхъ. Я ускоряю шаги, я бѣгу, но незнакомецъ тоже прибавляетъ шагъ, такъ что мнѣ не удается сократить раздѣляющее насъ разстояніе. Наконецъ я дохожу до рѣшетчатыхъ воротъ Люксембургскаго сада. Садъ, запирающійся съ заходомъ солнца, погруженъ въ тишину и одиночество, деревья уже обнажены и клумбы опустошены вслѣдствіе осеннихъ морозовъ и бурь. Но отъ него исходитъ пріятный ароматъ: пахнетъ сухими листьями и свѣжей землей.

Я поднимаюсь по Люксембургской улицѣ и продолжаю видѣть передъ собой незнакомца, начинающаго меня интересоваться. Одѣтый, какъ я, въ дорожную накидку, но бѣлаго цвѣта, стройный и выше меня ростомъ, онъ идетъ впереди меня, пока я иду, стоитъ, когда я останавливаюсь, такъ что его движеніе зависитъ какъ бы отъ моего и я кажусь его проводникомъ. Но одно обстоятельство привлекаетъ особенное вниманіе: его плащъ раздувается отъ сильнаго вѣтра, котораго я не чувствую. Чтобы уяснить себѣ это обстоятельство, я закуриваю папироску, и, такъ какъ дымъ поднимается кверху, не уносясь въ сторону, я прихожу къ полному убѣжденію, что вѣтра нѣтъ. Впрочемъ, и деревья и кусты въ саду не колышатся.

Дойдя до улицы Вавинъ, сворачиваю я вправо, и въ это мгновеніе я вдругъ вмѣсто тротуара очутился среди

сада, не понимая, какъ это могло произойти, такъ какъ ворота всѣ заперты.

Передо мной на разстояніи двадцати шаговъ стоить, обернувшись ко мнѣ, мой спутникъ, и отъ лица его, безбородаго и ослѣпительно бѣлаго, распространяется сіяніе въ формѣ эллипсиса, центральную точку котораго составляетъ незнакомецъ. Сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ, идетъ онъ дальше и несетъ за собой свой лучистый ореолъ, такъ что, гдѣ онъ проходитъ, темный, холодный и грязный садъ становится свѣтлымъ. Больше того,—деревья, кусты, трава зеленѣютъ и покрываются цвѣтами на пространствѣ, освѣщенномъ его лучами, и снова блекнутъ послѣ его ухода. Я узнаю высокія канны съ листьями, напоминающими уши слоновъ надъ статуей, изобращающей группу Адама и его семьи, клумбу съ *Salvia fulgens*, огненно-красный шалфей, персиковое дерево, розы, банановыя деревья, алоэ, всѣхъ моихъ старинныхъ знакомыхъ, и всѣ на свои мѣстахъ. Одно только: времена года какъ бы перепутались, такъ что цвѣтутъ и весенніе и осенніе цвѣты.

Но что всего удивительнѣе, это то, что все это меня не поражаетъ, а кажется мнѣ вполне естественнымъ и должнымъ. Когда я поравнялся съ пчельникомъ, то вижу, какъ летитъ рой пчелъ и садится на цвѣты, но на очень ограниченномъ пространствѣ, такъ что пчелы исчезаютъ, какъ только попадаютъ въ темноту; больше того,—освѣщенная часть одного и того же шалфея покрыта свѣжими листьями и цвѣтетъ, тогда какъ неосвѣщенная его часть стоитъ поблекшая и черная отъ утреннихъ морозовъ.

Подъ каштановыми деревьями произошло нѣчто совершенно поразительное, когда въ вѣтвяхъ ихъ пустое гнѣздо дикихъ голубей вдругъ оживилось появленіемъ воркующихъ парочекъ.

Наконецъ дошли мы до воротъ Флерусъ, гдѣ спутникъ мой сдѣлалъ мнѣ знакъ остановиться, а самъ черезъ секунду оказался въ другой сторонѣ сада у воротъ Gay-Lussac на разстояніи, казавшемся мнѣ неизмѣримо большимъ, несмотря на то, что оно составляетъ не болѣе полукилометра; несмотря на разстояніе, я ясно вижу незнакомца, окруженнаго свѣтлымъ овальнымъ ореоломъ. Не произнося ни единого звука, однимъ движеніемъ губъ приказываетъ онъ мнѣ приблизиться. Мнѣ кажется, что я исполняю его желаніе, идя по длинной аллеѣ; передъ глазами у меня ипподромъ, который я знаю уже не первый годъ, надъ нимъ крестъ Пантеона, кроваво-красный на черномъ фонѣ неба.

Крестный путь! И, быть можетъ, сорокъ страстей, если не ошибаюсь. Я знаками показываю, что хочу говорить, спросить, получить разъясненіе, и спутникъ мой наклономъ головы даетъ мнѣ понять, что онъ согласенъ выслушать то, что я желаю сказать.

Въ то же мгновеніе незнакомецъ перемѣняетъ мѣсто, не дѣлая при этомъ ни малѣйшаго движенія, не производя ни малѣйшаго шороха. Одно лишь замѣчаю я, что, приближаясь ко мнѣ, онъ распространяетъ отъ себя бальзамическій ароматъ, отъ котораго расплывается мое сердце и расширяется грудь, и я рѣшаюсь заговорить.

— Ты преслѣдуешь меня уже два года; чего хочешь ты отъ меня?

— Почему ты это у меня спрашиваешь, когда отвѣтъ тебѣ заранѣ извѣстенъ?— говоритъ незнакомецъ, не раскрывая губъ, съ улыбкой, полной сверхъ-человѣческой доброты, снисхожденія и кротости.

Затѣмъ въ душѣ моей снова раздается его голосъ:

— Я желаю поднять тебя до болѣе возвышенной жизни! Вытащить тебя изъ грязи!

— Созданный изъ грязи, рожденный для низменнаго, упиваясь убійствами, какъ могу я освободиться отъ всего грубаго, если не смертью? Бери же мою жизнь! Ты этого не хочешь! Такъ, значитъ, способъ исправленія— это наложенныя наказанія. Но, увѣряю тебя, униженія дѣлаютъ меня гордымъ, отреченіе отъ мелкихъ житейскихъ наслажденій развиваетъ желанія, постъ внушаетъ неводержанность, что не было моимъ прирожденнымъ грѣхомъ, цѣломудріе возбуждаетъ желаніе страстей, принужденное одиночество внушаетъ любовь къ свѣту и къ его нездоровымъ наслажденіямъ, лишенія порождаютъ жадность, а дурное общество, на которое я осужденъ, внушаетъ мнѣ презрѣніе къ людямъ и убѣжденіе въ томъ, что справедливости нѣтъ. Да, бываютъ времена, когда кажется, что Провидѣніе неудовлетворительно освѣдомлено своими сатрапами, которымъ поручено управленіе вселенной, что его префекты и супрефекты грѣшатъ обманомъ, ложными свѣдѣніями. Такъ случилось со мной, что я терплю наказаніе за грѣхи другихъ, что были такія дѣла, въ которыхъ я не только не виновенъ, но даже былъ защитникомъ справедливости и обвинителемъ преступленія, однако наказаніе пало на меня, тогда какъ виновникъ торжествуетъ. Позволь поставить прямой вопросъ: не состоятъ ли жен-

шины участницами управленія? Я это спрашиваю потому что существующій порядокъ управленія вселенной кажется мнѣ такимъ мелочнымъ, такимъ несправедливымъ; да, несправедливымъ! Не было ли такъ, что каждый разъ, когда я возбуждалъ справедливое и зполнѣ законное обвиненіе противъ женщины, она всегда бывала оправдана, я же осужденъ! Ты не желаешь отвѣчать! И ты требуешь, чтобы я любилъ преступниковъ, убійць души, отравляющихъ душевное настроеніе и поддѣлывающихъ правду клятво-преступниковъ! Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! «Предвѣчный, неужели мнѣ не ненавидѣть тѣхъ, которые Тебя ненавидятъ? Неужели мнѣ не возмущаться противъ тѣхъ, которые встаютъ противъ Тебя? Я имѣю основаніе ихъ ненавидѣть: я считаю ихъ за своихъ враговъ». Такъ говоритъ псалмопѣвецъ, а я прибавляю отъ себя: Я ненавижу злыхъ, какъ самого себя! И я творю слѣдующую молитву: Накалуй, Господи, тѣхъ, которые меня преслѣдуютъ ложью и злобой, какъ Ты меня каралъ, когда я бывалъ золъ и лживъ! Развѣ я виновенъ въ богохульствѣ? развѣ я хулилъ Бога Отца, Бога Ветхаго и Новаго завѣта? Послушай только, какую защитительную рѣчь держалъ передъ Господомъ Моисей, когда израильтяне получили отвращеніе къ маннѣ: «Вскую озлобилъ еси раба Твоего; и почто не обрѣтохъ благодати предъ Тобою, еже возложити устремленіе людей сихъ на мя; егда азъ во утробѣ зачахъ вся люди сія, или азъ родихъ я; яко глаголеши ми: возьми ихъ въ нѣдра твоя, яко же доилица носить доимья, въ землю, ею же клялся еси отцемъ ихъ. Откуда мнѣ мяса дати всѣмъ людемъ симъ; яко плачутъ на мя, глаголюще: даждь намъ мяса, да ядимъ. Не возмогу азъ единъ водити людей сихъ,

тяжко мнѣ есть слово сіе». Прилична ли эта рѣчь недовольнаго слуги? И подумай, Господь не убиваетъ громомъ этого мятежнаго, а напротивъ беретъ во вниманіе его слова и облегчаетъ ему бремя тѣмъ, что выбираетъ семьдесятъ старцевъ, которые отнынѣ раздѣляютъ съ Моисеемъ тяжесть бремени. Предвѣчный, выслушивая свой народъ, напоминаетъ нѣсколько добродушнаго отца, исполняющаго желанія неблагоразумныхъ дѣтей; Его устами говоритъ Моисей народу: «И дастъ Господь вамъ мяса ясти. Не одинъ день ясти будете, ни два, ни пять дней, ни десять дней, ниже двадцать дней. До мѣсяца дней ясти будете, дондеже изыдетъ изъ ноздрій вашихъ: и будетъ вамъ въ мерзость». Это Богъ, соотвѣтствующій моему идеалу и это Онъ же, о которомъ говоритъ Іовъ: «Буди же обличеніе мужу предъ Господомъ, и сыну человѣческому ко ближнему его». Но, недождавшись этого, несчастный осмѣливается однако просить у Господа объясненія по поводу всего дурнаго съ нимъ случившагося. „И рѣку ко Господеви, не учи мя нечестивовати: и почто ми аще судилъ еси; или добро ти есть, аще вознеправдую: яко презрѣлъ еси дѣла руку твою, совѣту же нечестивыхъ внялъ еси». Вотъ упреки и обвиненія, которые Богъ принимаетъ безъ гнѣва и на которые отвѣчаетъ, не прибѣгая къ грому. Гдѣ же онъ теперь, этотъ небесный Отецъ, способный добродушно улыбаться на безумство дѣтей его и прощающій послѣ того, какъ накажетъ? Куда скрылся онъ, домовладыка, содержащій домъ въ порядкѣ и наблюдающій за надсмотрщиками, чтобы не было несправедливости? Не смѣщенъ ли онъ Сыномъ, этимъ идеалистомъ, же заботящимся дѣлами міра сего? Или не предалъ ли

Онъ насъ князю міра сего, называющемуся Сатаной, когда послѣ паденія первыхъ людей Онъ проклялъ землю?

Во время моей безсвязной защитительной рѣчи незнакомецъ смотрѣлъ на меня все съ той же снисходительной улыбкой, не выказывая нетерпѣнія; но когда я кончилъ, онъ исчезъ, оставивъ послѣ себя удушливый запахъ углекислоты, а я оказался одинъ на темной, грязной улицѣ Медичи.

Идя внизъ по бульвару St.-Michel, я злился самъ на себя за то, что я упустилъ случай высказать все, что было на душѣ. У меня оставалось еще много стрѣлъ въ колчанѣ.

Но тогда, какъ при яркомъ свѣтѣ газовыхъ фонарей, меня окружаетъ густая толпа народа и реальность возвращаетъ меня снова къ жизни со всей ея мелочностью, сцена въ саду представляется мнѣ чудомъ, и я въ испугѣ спѣшу къ себѣ, гдѣ размышленія повергаютъ меня въ пропасть сомнѣнія и ужаса.

Что-то творится въ мірѣ, и люди ждуть чего-то новаго, что блеснуло передъ ними. Это средневѣковое время, время вѣры и ученій о вѣрѣ, которое снова пробуждается во Франціи послѣ того, какъ тамъ было уничтожено королевство и сверженъ миниатюрный Августъ, точно такъ же, какъ при паденіи Римской Имперіи и нашествіи варваровъ, когда стоялъ въ огнѣ Римъ - Парижъ и Готы короновались въ Капитоліи - Версалѣ. Великіе язычники Тэнъ и Ренанъ уничтожены и унесли съ собой свой скептицизмъ; но за то снова ожила Жанна д'Аркъ. Христіане подвергаются преслѣдованію, ихъ процессіи разгоняются жандармской силой, тогда какъ въ дни карнавала происходятъ сатурналіи и мерзость

Открыто творится на улицахъ подъ прикрытіемъ полиціи и при матеріальной поддержкѣ правительства, которое въ утѣшеніе предлагаетъ недовольнымъ *circenses* съ убиваніемъ гладиаторами дикихъ звѣрей или безъ онаго. *Panem et circenses* — (дорогого) хлѣба или цирковыхъ развлеченій! Все продать можно за золото: честь, совѣсть, родину, любовь, судебный приговоръ! Это дѣйствительно доказанные и правильные симптомы процесса распадѣнія общества, изъ котораго добродѣтель и даже одно ея названіе изгнаны за послѣднія тридцать лѣтъ.

Наступили средніе вѣка! Женщины одѣваются и носятъ прически, какъ тогдашнія жены. Молодые люди носятъ монашескія накидки, выстригаютъ себѣ тонзуру и мечтаютъ о затворнической жизни; они пишутъ легенды, пишутъ Мадоннъ и вырѣзываютъ изображенія Христа, ищутъ вдохновенія въ мистицизмѣ маговъ, околдовывающихъ ихъ Тристаномъ и Изольдой, Парсифалемъ и Гралемъ. Снова собираются крестовые походы противъ турокъ и противъ евреевъ; объ этомъ хлопочутъ антисемиты и грекофилы. Магія и алхимія уже пустили корни и ожидаютъ лишь перваго доказаннаго случая колдовства, чтобы возбудить процессъ противъ него и воздвигнуть костры. Средніе вѣка! Паломничества въ Лурдъ, Tilly-sur-Seine, rue Jean Goujon! Даже само небо даетъ оторопѣлому міру знаменіе, чтобы онъ приготовился; Господь предупреждаетъ циклонами, наводненіями, громовыми ударами.

Средніе вѣка — вотъ проказа вновь наступающая, противъ которой парижскіе и берлинскіе врачи заключили недавно союзъ.

Прекрасное средневѣковое время, когда люди умѣли

наслаждаться и страдать, когда сила, любовь и красота въ послѣдній разъ выразились въ краскѣ, въ сочетаніи линій и въ гармоніи раньше, чѣмъ ихъ убило возрожденіе язычества, называемое протестантизмомъ.

* * *

Снова наступилъ вечеръ, и я горю желаніемъ новой встрѣчи съ незнакомцемъ, приготовившись во всемъ сознаться и защититься, раньше чѣмъ буду осужденъ.

Кончивъ свой унылый обѣдъ, иду я вверхъ по улицѣ Бонапарта. Никогда мнѣ эта улица не казалась такой ужасной, какъ въ этотъ вечеръ; окна магазиновъ представляются мнѣ пропастями, въ глубинѣ которыхъ показывается Христось въ различныхъ видахъ, то измученный, то торжествующій. Я все иду и иду; потъ крупными каплями стекаетъ со лба; подошвы сапогъ жгутъ ноги, а я все не подвигаюсь впередъ. Ужъ не Агасферъ ли я, отказавшій Спасителю въ глоткѣ воды? Желая ему слѣдовать и его достигнуть, не лишенъ ли я возможности къ нему приблизиться?

Наконецъ, самъ не зная какъ, очутился я передъ воротами Флерусъ, а въ слѣдующее мгновеніе — въ самомъ саду, темномъ, сыромъ и молчаливомъ. Вѣтеръ пронесся межъ деревьевъ, и незнакомецъ предсталъ, снова окутанный свѣтомъ и распространяющій вокругъ себя лѣто.

Съ такою же улыбкой, какъ и въ тотъ разъ, приглашаетъ онъ меня говорить.

И я говорю:

— Чего требуешь ты отъ меня и почему мучаешь ты

меня съ своимъ Христомъ? Нѣсколько дней тому назадъ ты далъ мнѣ въ руки возможность ясно познакомиться съ послѣдователями Христа, и я читалъ эту книгу, какъ во времена юности моей, когда я научался презирать свѣтъ. Какъ могу я имѣть право презирать творенія Предвѣчнаго и прекрасную землю? И до чего довела меня твоя мудрость? Да! до того, что я запустилъ всѣ дѣла до такой степени, что сталъ обузой для своихъ близкихъ, что я кончаю жизнь нищимъ! Эта книга, кладущая запретъ на дружбу, запрещающая общеніе со свѣтомъ, требующая уединенія и отреченія, написана для монаха, а я, право, не думаю сдѣлаться монахомъ и быть причиною тому, что дѣти мои погибнутъ вслѣдствіе лишений и матеріальнаго недостатка. Посмотри, куда довела меня любовь къ уединенной жизни! Съ одной стороны, требуешь ты отшельнической жизни, но стоить мнѣ удалиться отъ свѣта, какъ я впадаю во власть демоновъ безумія, дѣла мои приходятъ въ упадокъ и въ моемъ одиночествѣ я не имѣю друга, на помощь котораго я могъ бы рассчитывать. Съ другой стороны, стоить мнѣ начать поиски общества людей, какъ я нападаю на самыхъ дурныхъ, мучающихъ меня своей гордостью и это при моемъ смиреніи, потому что я смирененъ и на всѣхъ смотрю какъ на равныхъ себѣ, пока они не начнутъ топтать меня ногами; тогда я веду себя какъ червякъ, подымающій кверху голову, но не умѣющій кусаться. Чего же ты отъ меня требуешь? Хочешь мучить меня во что бы то ни стало, и въ томъ случаѣ, когда я исполняю твою волю, и въ томъ, когда я презираю ее! Ты хочешь сдѣлать изъ меня пророка? Это слишкомъ большая для меня честь, и я не имѣю

призванія. Кромѣ того, я не могъ бы выдержать этого положенія, такъ какъ всѣ пророки, которыхъ я когда-либо зналъ, въ концѣ-концовъ бывали уличены, кто въ шарлатанствѣ, кто въ сумасшествіи, а ихъ пророчества не достигали цѣли. Больше того, если бы ты даже одарилъ меня призваніемъ, то я еще долженъ былъ бы быть особымъ избранникомъ, чтобы быть чистымъ отъ порочныхъ страстей, унижительныхъ для проповѣдника; съ самаго начала жизненнаго пути я долженъ былъ бы быть охраняемъ, тогда какъ я теперь запятнанъ своимъ убожествомъ, что портитъ характеръ человѣку и связываетъ ему руки. Совершенно вѣрно, и это я признаю, что презрѣніе свѣта привело меня къ тому, что я самъ презираю себя и не радѣю о своемъ призваніи, сознавая, что я плохо занялся собой; но это произошло вслѣдствіе превосходства моего лучшаго я, такъ какъ послѣднее становилось выше грязнаго футляра, въ который ты запряталъ мою бессмертную душу. Еще съ дѣтства любилъ я чистоту и добродѣтель; да, я любилъ это. Однако жизнь моя протекла въ неоприятности и въ порокахъ, такъ что я часто прихожу къ заключенію, что грѣхи мои были для меня наказаніемъ и имѣли цѣлью породить во мнѣ отвращеніе къ самой жизни. Почему приговорилъ ты меня къ неблагодарности, которую я изъ всѣхъ пороковъ болѣе всего ненавижу? Меня, признательнаго по природѣ, ты связалъ узами съ первыми попавшимися. Я нахожусь, такимъ образомъ, въ зависимости и въ рабствѣ, такъ какъ благодѣтели вмѣсто награды желаютъ завладѣть помышленіями, желаніями, стремленіями, чувствами привязанности чело-вѣка, словомъ — всей его душой: мнѣ всегда приходилось

удаляться обязаннымъ и неблагодарнымъ, лишь бы спасти свою индивидуальность и человѣческое достоинство, приходилось разрывать связи, грозившія задушить мою безсмертную душу. И за это я испытываю душевныя муки и угрызеніе совѣсти, подобно вору, убѣгающему съ добромъ другого человѣка.

Теперь же, когда я начинаю заботиться о своей душѣ по заповѣдямъ христіанства, легко ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ Самого Бога взялъ себѣ въ примѣръ и чтобы вообразилъ себѣ, что онъ можетъ стяжать совершенство Совершеннаго? Это значило бы раздувать химеру. Если же человѣкъ, не будучи въ состояніи приблизиться къ Спасителю, убѣдится въ нечистотѣ своихъ помышлений, то онъ въ отчаяніи опустится и будетъ искать утѣшенія въ исполненіи своихъ мірскихъ обязанностей и въ интеллектуальныхъ наслажденіяхъ. Если же слѣдуетъ презирать мірскую науку, то зачѣмъ же допускаешь ты, чтобы насъ воспитывали въ школахъ, гдѣ учениковъ чуть ли не сѣкутъ, чтобы научить ихъ почитать великихъ мужей науки и умѣть цѣнить героевъ литературы и искусства? Нѣтъ, слѣдовать Предвѣчному безбожно, и горе тому, кто довѣрится своимъ склонностямъ въ этомъ направленіи. Въ этомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе оставаться человѣкомъ и стараться подражать лучшимъ среди смертныхъ, чѣмъ мечтать о томъ, чтобы сравняться съ богами. Тогда хоть, по крайней мѣрѣ, человѣкъ не грѣшитъ гордостью, которая считается смертнымъ грѣхомъ. Стрѣмленіе быть послѣдователемъ Христа дѣлаетъ меня лицемеромъ. Заглушая мою ненависть противъ злыхъ, я воспитываю въ себѣ потворство злобѣ и этимъ самымъ по-

такаю себѣ, тогда какъ въ глубинѣ души я продолжаю хранить законное негодованіе. Воздавать за зло добромъ значитъ поощрять порокъ, гордость; апостолы учили меня тому, что люди должны одинъ другого карать за ошибки, и я утверждаю, что мои современники меня не щадили.

Строго говоря, тѣмъ, что я избралъ крестный путь, я ожесточился въ терновой дорогѣ теологіи, такъ что болѣе странное сомнѣніе, чѣмъ когда-либо, овладѣло мною и нащептывало мнѣ, что все несчастье, вся несправедливость, все дѣло спасенія есть лишь испытаніе, передъ которымъ слѣдуетъ мужественно устоять. Бываютъ минуты, когда я думаю, что Сведенборгъ со своей внушающей ужасъ преисподней не что иное, какъ своего рода испытаніе водой и огнемъ, которому надо подвергнуться, и, несмотря на то, что я обязанъ этому пророку, спасшему меня отъ сумасшествія, неоплатной благодарностью, я постоянно чувствую въ сердцѣ своемъ горячую потребность его отвергнуть, ему противиться, какъ злomu духу, который силится отуманить мою душу, чтобы, доведя меня до отчаянія и до самоубійства, сдѣлать меня своимъ рабомъ. Да, онъ протиснулся между мной и моимъ богомъ, мѣсто котораго ему хотѣлось занять. Онъ побѣждаетъ меня ночными страхами и грозитъ сумасшествіемъ. Возможно, что онъ исполнилъ свое призваніе меня вернуть Господу и что я склонился передъ Предвѣчнымъ! Возможно, что его преисподняя только лишь птичье пугало, я такъ на это и смотрю, но долше вѣрить ей не могу и не имѣю даже права въ нее вѣрить, не клеветать на Бога, который требуетъ, чтобы мы прощали, потому что Онъ Самъ прощаетъ. Если постигающія меня несчастья и напасти не суть

наказаніе, то это испытаніе. Я склоненъ истолковывать ихъ такимъ образомъ, и пусть Христось будетъ примѣромъ, такъ какъ Онъ много страдалъ, хотя я не понимаю, къ чему столько страданій, какъ не для того, чтобы поднять престижъ будущаго блаженства. Я все высказалъ! Теперь ты мнѣ отвѣть!

Но незнакомецъ, выслупавшій меня съ достойнымъ удивленія терпѣніемъ, отвѣтилъ лишь выраженіемъ короткой насмѣшки на лицѣ и исчезъ, оставивъ меня одного среди атмосферы, пропитанной неприятнымъ запахомъ фенола.

Очутившись на улицѣ, я, слѣдуя своему обыкновенію, снова прихожу въ раздраженіе оттого, что забылъ лучшіе свои аргументы, которые всегда выплываютъ слишкомъ поздно. Снова разворачивается цѣлая пространная рѣчь, а сердце воодушевленно бьется и настроеніе духа возбуждается. Вѣдь какъ-никакъ страшный и участливый незнакомецъ все же выслушалъ меня и не разгромилъ. Онъ, слѣдовательно, знаетъ теперь мои доводы и поразмыслить о несправедливости, жертвой которой я являюсь. Можетъ быть, мнѣ даже удалось его убѣдить, такъ какъ онъ терпѣливо выслушалъ меня и не противорѣчилъ.

И прежняя фантазія о томъ, что я Іовъ, снова проникаетъ въ мой мозгъ. Вѣдь я дѣйствительно потерялъ все свое достояніе; у меня отняли мое движимое имущество, мои книги, средства къ существованію, жену и дѣтей; меня гнали изъ одной страны въ другую и осудили на жизнь въ пустынѣ. Я ли написалъ эти стenanія или Іовъ? «Братья моя отступили отъ мене, познаша чуждыхъ паче мене, и друзи мои немилостиви быша: Не снабдѣша мя ближніи мои, и

вѣдѣши имя мое забыша мя. Сосѣди дому, и рабыни моя, — (яко) иноплеменникъ быхъ предъ ними: Раба моего звахъ, и не послуша, уста же моя моляхуся. И просихъ жену мою, призывахъ же, лаская сыны подложницъ моихъ: Они же мене въ вѣкъ отринуша, егда возстану, на мя глаголють. Гнушахуся мене видѣши мя; и ихъ же любихъ, воста на мя. Въ кожи моей согниша плоти моя, кости же моя въ зубѣхъ содержатся».

Это все бываетъ и со мной: трещины кожи—все это совпадаетъ! Но тутъ для меня прибавляется еще одно: я выдержалъ самыя отчаянныя мученія, когда обстоятельства, порожденныя таинственными силами, принудили меня оставить невыполненными самыя обыкновенныя обязанности мужчины: пропитаніе и содержаніе дѣтей. Іовъ выдержалъ искушеніе съ достоинствомъ и честью; для меня же все погибло, даже честь, и все же я преодолѣлъ искушеніе покончить съ собой самоубійствомъ, я имѣлъ мужество жить обезчещенный.

Принимая все это во вниманіе, я ужъ не такъ отверженъ, и если я не достоинъ милости, то могу пользоваться состраданіемъ. Двадцать пять лѣтъ несъ я службу палача и въ концѣ-концовъ сдѣлался искуснымъ въ ней, при чемъ я самъ себя казнилъ въ присутствіи общества, которое съ одобреніемъ привѣтствовало этотъ мой собственный приговоръ.

Если я среди неудачъ и крушеній, случайно постигнувшихъ меня, не могъ найти доброты, а встрѣчалъ одно лишь недоброжелательство, то развѣ я хуже безпорочнаго слуги Предвѣчнаго? Любовь и доброта выказываются у насъ, смертныхъ, полными преданности и теплой сердечности поступ-

ками и словами, и добрый отецъ воспитываетъ дѣтей своихъ съ нѣжностью и безъ утонченной жестокости.

Какъ глупо, что я забылъ сказать все это незнакомцу. На слѣдующій разъ я это возьму.

* * *

Три мѣсяца тщетно ищу я возможности завязать личныя отношенія съ Сведенборгскимъ обществомъ въ Парижѣ. Въ продолженіе цѣлой недѣли хожу я каждое утро къ Пантеону до улицы Туинъ, гдѣ находится капелла и бібліотека шведскаго пророка. Наконецъ удалось мнѣ застать кого-то, кто разъяснилъ мнѣ, что бібліотекаръ принимаетъ лишь послѣ обѣда, какъ разъ въ то время, когда я хочу быть одинъ со своими мыслями и бываю слишкомъ усталымъ, чтобы выходить. Все же я нѣсколько разъ подъ рядъ пытаюсь отправиться на улицу Туинъ. Въ первый разъ я уходя чувствовалъ себя удивительно подавленнымъ, а когда дошелъ до моста St.-Michel, то это чувство превратилось въ страхъ, заставившій меня вернуться домой. Въ другой разъ было воскресенье, и въ часовнѣ должна была быть служба. Я прихожу на часъ раньше, и у меня не хватаетъ силъ ждать на улицѣ цѣлый часъ. Въ третій разъ—мостовая на улицѣ Туинъ оказалась испорченной, и рабочіе загородили улицу. Тогда я прихожу къ заключенію, что не Сведенборгу предназначено вывести меня на путь истинный, и съ этой мыслью возвращаюсь домой. Когда я дохожу до дому, мнѣ приходитъ на умъ, что меня подвели скрытые враги Сведенборга и что я долженъ ихъ побороть. Последнюю по-

пытку я дѣлаю въ экипажѣ. На этотъ разъ, чтобы совсѣмъ опредѣленно помѣшать моимъ намѣреніямъ, улица оказывается забаррикадированной. Я выхожу изъ экипажа, пере-лѣзаю черезъ всѣ препятствія, но, когда дохожу до Сведенборгскаго дома, вижу, что тротуара и крыльца совсѣмъ нѣтъ. Однако я все же добираюсь до входной двери, звоню и... узнаю, что бібліотекаръ боленъ.

Съ нѣкоторымъ душевнымъ облегченіемъ поворачиваю я спину мрачной и убогой часовнѣ съ ея темными оконными рамами, грязными отъ пыли и дождя. Меня всегда отталкивалъ отъ себя этотъ домъ въ строгомъ, варварскомъ, тяжеломъ, методистскомъ стилѣ, который своимъ отсутствіемъ красоты напоминалъ мнѣ протестантизмъ сѣверныхъ странъ, и, только поборовъ свою гордыню, я могъ рѣшиться попытаться туда проникнуть. Къ этому побуждала меня преданность къ Сведенборгу и больше ничего. Итакъ, возвращаясь съ легкимъ сердцемъ домой, вдругъ нахожу я на тротуарѣ кусочекъ луженаго желѣза, по формѣ напоминающій клеверный листокъ; изъ суетвѣрія подымаю я его. Въ эту же минуту возстаетъ въ памяти моей одно воспоминаніе. Когда я однажды въ прошломъ году—2-го ноября страшнаго 1896 года утромъ—гулялъ въ Кламѣ въ Австріи, вдругъ скрылось солнце за тучкой, имѣющей форму дуги съ наружнымъ вырѣзомъ въ видѣ клевернаго листка, окруженнаго синими и бѣлыми лучами свѣта. И эта тучка походила, какъ двѣ капли воды, на мой луженый кусочекъ желѣза; мой дневникъ, въ которомъ изображенъ рисунокъ этой тучи, можетъ это подтвердить.

Что это должно означать? Троицу—это ясно. А дальше? Я покидаю улицу Туинъ радостный, какъ ученикъ,

избавившись по болѣзни учителя отъ труднаго урока. Проходя мимо Пантеона, я вижу, что храмъ отворенъ, двери широко раскрыты и какъ бы вызывающе кричатъ мнѣ: войди! Дѣйствительно, несмотря на продолжительное пребываніе въ Парижѣ, я ни разу не былъ въ этомъ храмѣ, въ особенности потому, что мнѣ сообщили ложь по поводу живописи на стѣнахъ, будто она изображаетъ сюжеты изъ современной исторіи, которая мнѣ внушаетъ отвращеніе. Можно же представить себѣ мой восторгъ, когда я, войдя туда, попалъ подъ свѣтовой душъ, падающій съ купола, и очутился среди золотой легенды священной исторіи Франціи, оканчивающейся непосредственно передъ протестантизмомъ. Многозначущая наружная надпись: «Aux Grands Hommes». Меня, слѣдовательно, обманули. Незначительное число королей, еще меньше генераловъ и ни одного депутата; я вздохнулъ свободно. Но за то: св. Діонисій, св. Женевьева, св. Людовикъ, св. Жанна (д'Аркъ). Никогда бы я не подумалъ, что республика настолько предана католицизму. Только не хватаетъ алтаря, дарохранильницы, а вмѣсто Распятаго и Богородицы тутъ сооруженъ подъ вліяніемъ женопочитанія образъ свѣтской женщины. Но я утѣшаюсь мыслью, что въ концѣ-концовъ эта знаменитость будетъ вынесена внизъ, въ клоаки, какъ уже многія другія, болѣе почетныя. Приятно и сладостно ходить по этому храму, посвященному святости, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустно смотрѣть, какъ обезглавливаютъ добродѣтель.

Не слѣдуетъ ли ради славы Господа Бога притти къ заключенію, что всѣ эти случаи дурнаго обхожденія съ праведными и милосердыми являются лишь мѣрами предосторожности и что, какъ ни тяжелъ путь къ добродѣ-

3

тели, онъ все же ведетъ къ доброму концу, скрытому отъ нашего пониманія? А то всѣ эти эшафоты и висѣлицы, сооруженные для святыхъ торжествующими палачами, должны были бы навести насъ на грѣховныя мысли по поводу доброты высшаго Судьи, который, казалось бы, ненавидитъ и преслѣдуетъ святость на нашей землѣ, чтобы на другомъ свѣтѣ ее вознаграждать, такъ что тѣ, кто сѣять слезы, будутъ жать радости.

Выходя изъ церкви, я оглядываюсь на улицу Туинъ и удивляюсь, что дорога къ Сведенборгу привела меня въ храмъ святой Женевьевы. Сведенборгъ, мой путеводитель и пророкъ, помѣшалъ мнѣ пойти въ его скромную часовню: не отвергаетъ ли онъ самого себя и сталъ ли онъ теперь католикомъ? При изученіи трудовъ шведскаго пророка меня поразило, что онъ выставляетъ себя противникомъ Лютера, и дѣйствительно Сведенборгъ болѣе католикъ, чѣмъ онъ самъ хотѣлъ такимъ казаться, такъ какъ онъ проповѣдуетъ вѣру и добрыя дѣла точно такъ же, какъ римская церковь.

Если же дѣло обстоитъ такъ, то онъ самъ себя побѣждаетъ, а я, его адептъ, буду раздавленъ между молотомъ и наковальной.

* * *

Однажды вечеромъ, послѣ дня, преисполненнаго угрызениями совѣсти и сомнѣніями, отправился я послѣ одинокаго обѣда въ садъ, который притягивалъ меня къ себѣ какъ Геосиманія, гдѣ ожидали меня невѣдомыя страданія. У меня предчувствіе мученій, а избѣгнуть ихъ я не могу;

я желаю ихъ почти такъ же, какъ больной, жаждущій подвергнуться операци, которая должна принести ему или выздоровленіе, или смерть.

Дойдя до воротъ Флерусъ, я сразу оказываюсь на скаковой площадкѣ, окаймленной вдали Пантеономъ съ крестомъ. Два года тому назадъ этотъ храмъ представлялся мнѣ посвященнымъ «великимъ людямъ»; теперь я понимаю эти слова иначе, а именно: мукамъ и страданіямъ, которыя эти люди вынесли. Вотъ какъ измѣнилась моя точка зрѣнія.

Отсутствіе незнакомца волнуетъ меня, и я испытываю стѣсненіе въ груди. Въ своемъ одиночествѣ, не имѣя предъ собой видимаго противника, я падаю духомъ. Борюсь съ тѣнью, съ призракомъ труднѣй, чѣмъ съ драконами и львами! Меня охватываетъ ужасъ, и подъ вліяніемъ страха я иду быстрыми шагами подъ чинарами по скользкимъ дорожкамъ. Запахъ грязной трески, смѣшанный съ запахомъ дегтя и сала, хватаетъ меня за горло; я слышу удары волнъ о борта лодки и о мостки причала; меня влечетъ во дворъ кирпичнаго зданія, я поднимаюсь вверхъ по лѣстницѣ и прохожу по неизмѣримо большимъ заламъ и по безконечнымъ галереямъ, уставленнымъ витринами и стеклянными шкафами, наполненными чучелами и консервированными животными. Въ концѣ-концовъ открытая дверь приглашаетъ меня въ залъ страннаго вида; онъ мраченъ, плохо освѣщенъ и наполненъ витринами съ лежащими въ нихъ въ образцовомъ порядкѣ монетами и медалями. Я останавливаюсь у окна возлѣ ящика съ стеклянной крышкой. Среди золотыхъ и серебряныхъ медалей мой взоръ приковываетъ одна, изъ другого, болѣе темнаго металла, въ родѣ свинца. Это мое изображеніе, типъ злодѣя и честолюбца, со впа-

лыми щеками, стоящими дыбомъ волосами и полнымъ ненависти ртомъ. На обратной сторонѣ медали значится слѣдующій девизъ: «Правда всегда безпощадна». Ахъ, правда, которая такъ глубоко скрыта для смертныхъ и которую я самоувѣренно думалъ открыть, когда осмѣялъ Святое Причастіе, чудесное свойство котораго я нынѣ признаю! Безбожное воспоминаніе! Вѣрно, я всегда стыдился этого прославленія грубости и нисколько не заботился о сохраненіи этого воспоминанія; я бросилъ его дѣтямъ для игры и не замѣтилъ, когда оно исчезло. Также странной случайности надо было, чтобы мастеръ, дѣлавшій медали, вскорѣ затѣмъ заболѣлъ умопомѣшательствомъ послѣ того, какъ надулъ своего издателя и совершилъ подлогъ. Ахъ, этотъ позоръ, который уничтоженъ быть не можетъ, но всегда сохранится въ воспоминаніи, такъ какъ по закону эта жалоба - документъ сохраняется въ государственномъ музеѣ! Вотъ она честь! Могу ли я жаловаться, когда Провидѣніе исполнило позорную просьбу, съ которой я къ нему обращался въ юности? Мнѣ тогда минуло пятнадцать лѣтъ. Уставъ отъ тщетной борьбы съ молодой плотью, жаждущей удовлетворенія страсти, изнуренный отъ религиозныхъ конфликтовъ, опустошавшихъ мою душу, жадно стремящуюся узнать загадку бытія, окруженный ханжами, мучившими меня подъ предлогомъ, что они желали склонить душу мою къ любви божественнаго, я откровенно сказалъ старой пріятельницѣ, которая до полусмерти замучила меня своими проповѣдями морали: «Я отброшу нравственность, если только у меня будетъ большой талантъ, которому всѣ будутъ удивляться!» Позднѣй я нашелъ поддержку своего мнѣнія у Томаса-Генри Бокля, проповѣдующаго,

что мораль — это ничто, такъ какъ она не развивается; все же дѣло въ разумѣ. Еще позднѣй, когда мнѣ минуло двадцать лѣтъ, я узналъ отъ Тэна, что зло и добро — это двѣ вещи безразличныя, безсознательныя, неоправдываемыя свойства которыхъ находятся въ нихъ, какъ кислое въ кислотѣ и спиртное въ спирту. И эта мысль, схваченная налету и разработанная Георгомъ Брандесомъ, кладетъ свой отпечатокъ безсмертія на скандинавскую литературу. Софизмъ, т.-е. слабый силлогизмъ, который далъ осѣчку, обольщаетъ цѣлое поколѣніе свободомыслящихъ людей! Что за слабость! Вѣдь анализируя эпиграмму Бокля: «Мораль не развивается, поэтому она значенія не имѣетъ», ясно видно, что выводъ можетъ быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ: «Мораль, оставаясь неизмѣнной, этимъ доказываетъ свое божеское и вѣчное начало».

Когда, наконецъ, желаніе мое было исполнено, я сталъ признаннымъ, извѣстнымъ талантомъ, но и самымъ презрѣннымъ среди всѣхъ людей, рожденныхъ въ этомъ столѣтіи на моей родинѣ. Я изгнанъ изъ лучшихъ кружковъ! Презираемъ ничтожнѣйшими изъ ничтожныхъ! Отъ меня отреклись друзья! Почитатели посѣщали меня по ночамъ или украдкой! Да, всѣ преклоняются передъ нравственностью и лишь незначительное меньшинство передъ талантомъ: это заставляетъ насъ думать, что мораль существуетъ! А хуже еще обратная сторона медали! Правда! Будто я никогда не предавался лжи, несмотря на то, что я кажусь откровеннѣе, правдивѣе другихъ! Я не останавливаюсь передъ мелкой ложью дѣтства, потому что она такъ мало значитъ, принимая во вниманіе, что она объясняется, главнымъ образомъ, страхомъ или неумѣньемъ

отличить истину отъ воображаемаго и потому, что она вызывалась наказаніями, основанными на ложномъ показаніи и жалобахъ товарищей. Но есть ложь другая, болѣе серьезная вслѣдствіе развращающихъ послѣдствій дурного примѣра и извиненія тяжелаго прегрѣшенія. Это неправдивое изображеніе въ моей автобіографіи «Сынъ горничной» относительно наступленія половой зрѣлости. Когда я писалъ это юношеское признаніе, меня увлекъ либеральный духъ того времени и я употребилъ черезчуръ свѣтлыя краски съ простительной цѣлью освободить отъ страха молодыхъ людей, отдавшихся скороспѣлому пороку.

Когда я пришелъ наконецъ къ этому горькому размышленію, залъ съ монетами сжался, медали стали отдаляться, сокращаясь до размѣра маленькихъ пуговокъ. А я вижу себя на чердакѣ въ деревнѣ на берегу озера Мелара, въ пріютѣ для мальчиковъ у кистера въ 1861 году. Дѣти, рожденныя отъ незаконныхъ связей, дѣти родителей, покинувшихъ эту мѣстность, дѣти плохо воспитанныя, служившія помѣхой въ черезчуръ многочисленныхъ семьяхъ, живутъ здѣсь всѣ вмѣстѣ, скученныя на одномъ чердакѣ, безъ присмотра, попарно на каждой кровати, тиранизируя одинъ другого, обращаясь дурно одинъ съ другимъ, чтобы мстить за жизнь, которая для нихъ такъ не сладка. Голодная стая маленькихъ злодѣевъ, плохо одѣтыхъ, плохо накормленныхъ, — предметъ страха для жителей деревни, а въ особенности для садоводовъ. Словомъ, старшій изъ всей банды играетъ роль соблазнителя, и порокъ свилъ себѣ гнѣздо среди молодой компаніи...

Непосредственно за паденіемъ—да, за паденіемъ!—слѣдуютъ угрызения совѣсти, и я вспоминаю себя сидящимъ

у стола при слабомъ свѣтѣ догорающаго лѣтнаго дня съ молитвенникомъ въ рукахъ. Я испытывалъ чувство стыда и угрызения совѣсти, несмотря на то, что былъ въ полномъ невѣдѣніи относительно свойства содѣяннаго грѣха. Я былъ невиненъ, потому что поступилъ безсознательно, и все же былъ преступникъ. Обольщенный, я сталъ оболстителемъ, я раскаивался и повторялъ поступокъ, мною овладѣвало сомнѣніе въ справедливости укоряющей совѣсти! Я сомнѣвался въ милосердіи Бога, представляющаго самыя страшныя искушенія невинному ребенку, принимающему какъ наслажденіе великодушный даръ природы, заключающійся въ томъ, что божескіе законы караютъ смертью. Невиноватый передъ самимъ собой, но однако мучимый тревогами совѣсти, которыя наталкиваютъ несчастнаго на религію, не прощающую и не утѣшающую, а осуждающую на безуміе и на адъ, невинный является жертвой, у которой не хватаетъ силъ устоять въ неравной борьбѣ противъ всеильной природы. А между тѣмъ адскій огонь зажженъ и не угаснетъ до гроба, все равно, будетъ ли онъ въ уединеніи тлѣть подъ золой или будетъ поджигаемъ присутствіемъ женщинъ. Если человекъ будетъ стараться потушить этотъ огонь путемъ воздержанія, страсти найдутъ пути разврата и добродѣтель будетъ самымъ неожиданнымъ образомъ наказана. Попробуйте полить горящій костеръ керосиномъ, и вы получите представленіе о дозволенной любви.

Дѣйствительно, если придетъ теперь ко мнѣ, пятидесятилѣтнему мужу, юноша и спроситъ, какъ ему быть, у меня послѣ многочисленныхъ опытовъ и массы размышлений найдется одинъ лишь отвѣтъ:

— Я не знаю!

А если бы ко мнѣ обратился молодой человекъ съ вопросомъ, что лучше: оставаться ли холостымъ или вступить въ бракъ? я бы отвѣчалъ слѣдующее: это зависитъ отъ наклонности и вкуса: если вы предпочитаете адъ холостой жизни, то его и выбирайте; если же вамъ больше нравится адъ супружества, то ступайте въ него. Что касается меня, то я предпочитаю геенну бока-о-бокъ съ супругой, потому что это имѣетъ послѣдствіемъ рай, несомнѣнно поддѣльный, но восхитительный и заключающій въ себѣ воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ, а именно — ребенокъ.

Я готовъ обвинить себя въ томъ, что я обольститель юношества, но не могу этого сдѣлать, такъ какъ цѣлью для моего признанія было бы желаніе спасти юношей отъ страха. Спасеніе и освобожденіе—это лозунгъ всей скандинавской литературы восьмидесятыхъ годовъ. Я трудился за освобожденіе женщинъ, а въ результатъ семейныя женщины стали подобны проституткамъ и обернулись къ своему освободителю, чтобы бить его своими разорванными цѣпями. Я освободилъ несчастныхъ и угнетенныхъ, и теперь общество управляется самыми яркими угнетателями, достигнувшими власти. Я хотѣлъ освободить молодежь отъ угрызений совѣсти и превратныхъ понятій, и теперь юношество, погружившееся въ порокъ и преступленія, упрекаетъ меня въ томъ, что я Катилина, а отцы и матери указываютъ на меня пальцами. Слѣдовательно, надо бросить мысль о дарованіи свободы, такъ какъ жизнь есть исправительное учрежденіе, и съ этому помочь не могу. Это служить мнѣ извиненіемъ

въ моихъ собственныхъ глазахъ, такъ какъ я поступалъ съ вѣрой и добрымъ намѣреніемъ, съ желаніемъ слѣдовать примѣру Спасителя, который освободилъ грѣшницу и разбойника. Единственное, что я сдѣлалъ, и это главное, я утаилъ ужасныя муки совѣсти, сопровождающія паденіе мальчика, и это теа сіра; это заставляетъ меня краснѣть, глядя на обратную сторону медали, которую чеканилъ не я.

Я бы хотѣлъ сказать моему сыну: постарайся остаться цѣломудреннымъ, но во всякомъ случаѣ остерегайся дурныхъ женщинъ, потому что онѣ отравятъ тебя на всю жизнь,—онѣ злосчастныя твари, одержимыя бѣсомъ, злой духъ которыхъ переходитъ на чистыя души. Вотъ причина, почему эти женщины стараются искушать, противъ чего молодой человекъ долженъ умѣть съ честью бороться. И еще одно, сынъ мой, не поддавайся обольщеніямъ замужней женщины, даже если она польститъ твоей мужской гордости тѣмъ, что будетъ звать тебя своимъ Іосифомъ. Честь принадлежитъ не женѣ Пентефрія, а Іосифу, право на честное имя котораго переходитъ на мужа, имѣвшаго мужество оставаться для избавителя приѣмнымъ отцомъ безъ недоброжелательства за его, мужа, двусмысленное положеніе.

Дочери же сказала бы одно единственное слово: алтарь или обѣтъ цѣломудрія! Вотъ и все! Свободная любовь существовала всегда, но свободныя женщины становятся кокетками и продажными, и такими онѣ будутъ до скончанія вѣка, точно такъ же, какъ невѣрныя жены будутъ не лучше кокетокъ или еще даже хуже, потому что онѣ наносятъ смертельный ударъ мужу и портятъ будущность дѣтей.

И стораю желаніемъ обличить себя, а также и защитить, но не вижу судейскаго кресла, нѣтъ судьи, и я изнуряюсь здѣсь въ одиночествѣ!

Когда я во всѣ стороны крикнулъ свое отчаяніе, меня окуталъ мракъ, а когда я началъ видѣть яснѣй, то я очутился лицомъ къ каштановому дереву на Флерусѣ. Это третье дерево, считая со входа, а аллея обсажена съ каждой стороны сорока семью деревьями, между которыми разставлено девять скамеекъ. Итакъ, до первой стадіи мнѣ остается сорокъ четыре мѣста отдохновенія.

Одно мгновеніе стою я подавленный въ присутствіи непрерывной стези слезъ, какъ вдругъ подъ безлиственными деревьями показывается и приближается свѣтящійся шаръ на двухъ птичьихъ крыльяхъ. Онъ останавливается передо мной на высотѣ моихъ глазъ и при свѣтѣ, исходящемъ отъ шара, различаю я бѣлый листъ бумаги, похожій на обѣденное меню. Во главѣ листа буквами, окрашенными въ цвѣтъ дыма, написано: «Ѣшь!» А дальше внизу развертывается въ одну секунду вся моя истекшая жизнь, какъ бы въ микроскопическомъ воспроизведеніи на необычайно большомъ плакатѣ. Все нахожу я здѣсь! Всѣ ужасы, самые тайные проступки, самыя отвратительныя сцены, въ которыхъ я играю главную роль... О ужасъ! я хотѣлъ бы умереть со стыда, когда увидѣлъ въ изображеніи всѣ сцены, которыя мой глазъ охватилъ сразу! Но я не умеръ, напротивъ, въ продолженіе минуты, показавшейся мнѣ двумя сутками, вижу я снова всю мою жизнь, начиная съ зеленаго дѣтства и до сего дня. Мозгъ въ костяхъ пересыхаетъ, кровь застываетъ, и, изнемогая подъ огнемъ мукъ совѣсти, я падаю на землю и вскрикиваю:

«Пощады! пощады!» Мнѣ надо отказаться отъ оправданія передъ Предвѣчнымъ и отъ обличенія моего ближняго...

Я очнулся; находился я на улицѣ Люксембурга и, взглянувъ черезъ рѣшетку, увидѣлъ зеленѣющій садъ и хоръ насмѣшливыхъ птичекъ, привѣтствующихъ меня за деревьями и кустами!

* * *

Спускаясь внизъ по улицѣ Бонапарта, я чувствую себя побитымъ, стыдъ пробуждаетъ гнѣвъ, и поднимается упорство. Я согрѣшилъ, съ этимъ я согласенъ, и я былъ наказанъ. Этого должно было бы быть достаточно, чтобы стереть начерченные слова на бѣлой шиферной доскѣ. Добрый отецъ можетъ простить послѣ того, какъ наказалъ, и я знаю такихъ, которые могутъ облагодѣтельствовать, не требуя воздаянія око за око и зубъ за зубъ; я знаю такихъ, которые никогда не наказываютъ иначе, какъ лишь кроткимъ словомъ, и которые, послѣ наказанія, уже больше не говорятъ объ этомъ. Но никогда я не видалъ такого, который велъ бы реестръ провинностей и проступковъ его дѣтей.

Мятежный духъ снова возстаетъ; чувство бого-человѣческаго достоинства шепчетъ мнѣ: «Слабый, ты упалъ, ты унижилъ себя, отрекшись отъ собственнаго права своего «я» передъ правомъ другихъ. Борьба жизни именно заключается въ томъ, что ты выдержишь искушеніе гнуться предъ другими, потому что въ то мгновеніе, какъ ты это дѣлаешь, ты, выправившись, становишься господиномъ твоей судьбы, а пресмыкаясь, ты подчи-

няешься судьбѣ другихъ». Былъ бы я владыкой, я ненавидѣлъ бы мятежника, но я больше уважалъ бы его, чѣмъ покорнаго. Сильный духъ прекрасенъ, а все прекрасное божественно. Передъ богомъ, самымъ разумнымъ, самымъ прекраснымъ и самымъ милостивымъ, я преклонюсь, но я не имѣю права становиться на колѣни передъ дурными, жалкими людьми, равными мнѣ. Я всегда питалъ уваженіе къ великимъ теніямъ, и это сухая ложь, будто я лишень способности восхищаться, но я никогда не могъ принудить себя восторгаться мизернымъ. Я открыто высказалъ свое почитаніе такимъ людямъ, какъ Линней, который узрѣлъ Бога, какъ Бернардинъ Де-Сень-Пьеръ, Бальзакъ, Сведенборгъ, Ницше, который искалѣчилъ себѣ ноги и мозгъ въ титанической борьбѣ... Но я отлично знаю, что современные боги хотѣли заставить меня опуститься на колѣни передъ всѣмъ мелкимъ, въ особенности передъ ничтожествомъ, передъ физической, нравственной и интеллектуальной слабостью. Я не стоялъ за тиранію, напротивъ, я служилъ обойденнымъ, я боролся въ освободительной войнѣ за угнетенныхъ, потому что я не понималъ, что они находились на мѣстѣ, куда поставило ихъ Провидѣніе. Не знаю, было ли это для того, чтобы показать мнѣ послѣдствія этой невольнической войны, но постоянно судьба отдавала меня въ руки существу съ рабскою душой, которое становилось моимъ владыкой и держало меня подъ своимъ деревяннымъ башмакомъ; постоянно приходилось мнѣ таскать солому и черепицы для дикаго египтянина или женщины, которые жили моею кровью, а мнѣ на пропитаніе отдавали то, что осталось послѣ ихъ. Навченный въ концѣ-концовъ опытомъ, я осво-

бодился отъ тюремнаго заключенія, но мнѣ оставалось лишь одно — свобода пустыни, гдѣ мнѣ не было предложено ни манны, ни перепелокъ. Я былъ осужденъ на одиночество, и каждый разъ, когда я искалъ человѣка, чтобы съ нимъ поговорить, на меня насылался египтянинъ, чтобы плюнуть на меня, невѣжда, чтобы доказать мнѣ, насколько онъ больше моего знаетъ, высокоумный, неспособный ни на что человѣкъ, чтобы сказать мнѣ, что я тщеславнѣе всѣхъ, безпутный, чтобы проповѣдывать мнѣ добродѣтель! Кто преслѣдуетъ меня, кто оскорбляетъ меня больше, чѣмъ другихъ? Если онъ премудрый, то онъ знаетъ, что я менѣе другихъ тщеславенъ и что я бывалъ гордъ только ради того, рупоромъ котораго я себя считалъ. Онъ несомнѣнно знаетъ злобу людей, которые, какъ только я къ нимъ обернусь, готовы во мнѣ что-нибудь подмѣтить. Если я скажу, что говорю отъ себя, я буду виновенъ въ гордости; если же я скажу, что говорю отъ Бога, меня обвинять въ кощунствѣ. Если всѣ люди равны, то почему же Богъ установилъ общественные классы съ особой іерархіей, въ которыхъ одному живется лучше, чѣмъ другому, одинъ повелѣваетъ надъ другими, ему подчиненными, которые обязаны повиноваться человеческой власти? Почему иные призваны къ власти и занимаютъ почетныя мѣста, а другіе осуждены оставаться гдѣ-то внизу, благоговѣнно удивляясь и прислушиваясь? Есть ли это равенство и указываетъ ли это на то, что всѣ люди рождены равными? Нѣтъ, я не вижу и тѣни закона равенства ни въ природѣ, гдѣ породистая лошадь имѣетъ имя, титулъ, родословную и уходъ, ѣсть изъ мраморныхъ яслей и покрывается тонкимъ сукномъ, тогда какъ жалкая

кляча принуждена возить съ улицы соръ; ни въ общественномъ строѣ, гдѣ даже подмастерье заставляетъ ученика своего ходить на заднихъ лапкахъ. И все же я долженъ вразрѣзъ со всѣмъ божескимъ и человѣческимъ строємъ признать фактъ, опровергаемый каждую минуту и который вообще не существуетъ. Самъ ли Богъ раздвоился или сатрапы его ссорятся? Не есть ли каждый періодъ времени здѣсь отраженіемъ того, что творится тамъ? Есть ли и тамъ раздѣленіе на партіи, съ демократами-агитаторами и людьми, помогающими власти? Такъ оно снизу кажется, судя по тому, что многіе голоса говорятъ сразу: демагогъ получаетъ изъ тучъ божеское велѣніе и ведетъ толпы съ священнымъ рвеніемъ на убійство и на пожары, и предпріятіе нерѣдко удается ему, какъ будто онъ находится подъ сильнымъ покровительствомъ. Въ другой разъ тиранъ и расточитель ведетъ вооруженныя толпы противъ массъ, призывая на помощь небо, и его предпріятіе тоже вѣнчается успѣхомъ, какъ будто ему помогали другіе боги! Горе людямъ, когда господствующія надъ ними власти разъединены! Надо хорошенько прислушиваться, когда голоса невидимыхъ силъ приказываютъ, и умѣть правильно итти, потому что побѣдитель всегда правъ. Не борются ли всѣ воскресія божества на небѣ за власть? Вѣдь Панъ когда-то былъ высоко, и казалось, что онъ господствуетъ; вѣдь Іегова спасалъ свой народъ; Христось не оставилъ своихъ вѣрныхъ; Аллахъ давно еще брался побѣдить при Термопилахъ боговъ Олимпа, а Будда выступаетъ съ силой, которая одно мгновеніе серьезно угрожала назарейнамъ! Горе людямъ, когда борются боги! Всѣ они взываютъ къ одному. единому истинному Богу, но никто не укажетъ

мнѣ его! Тотъ ли это, который играетъ громомъ и бурей? Но ими управляли и Зевсъ и Торъ, и теософы клянутся, что незримыя силы умѣютъ на высотахъ Азін играть съ этими силами природы, какъ могли это дѣлать Іегова, жрецы Озириса и колдуны. Всѣ требуютъ знаменій и чудесъ, и происходятъ знаменія и чудеса, но никто не знаетъ, кто ихъ производитъ, такъ какъ темныя силы такъ же понимаютъ въ чарахъ, какъ и свѣтлыя. Кто тотъ владыка, который такъ властно говоритъ народу въ настоящее время? Или кто мой владыка? Развѣ муравей-человѣкъ не имѣетъ права узнать, кому онъ долженъ служить и повиноваться, раньше чѣмъ онъ будетъ отвергнутъ за непослушаніе? Какъ часто молилъ я незримую силу говорить яснѣй, и когда она, наконецъ, отвѣчала, то это были лучи солнца, ударъ грома и дождевыя капли. Владыка силъ природы! Хорошо, я признаю его, но не онъ долженъ дать мнѣ новое пониманіе и очистить меня отъ желаній, ненависти и гордости...

.....
Такъ постоянно вертится грѣховное колесо; все тѣ же обвиненія, тѣ же оправданія. Сизифъ, катящій свой камень; Данаиды, наливающія воду въ дырявую бочку: право, не вѣчны ли наказанія?

Вернувшись въ свою келью, я вижу, что всего лишь девять часовъ, и открываю библію, думая изъ нея почерпнуть просвѣтлѣніе и отдыхъ. Но, дойдя въ псалмахъ Давида до ужасныхъ проклятій, которыя онъ призываетъ съ молитвой на своихъ враговъ, я дальше читать не могу: у меня одинъ только врагъ—это я; другіе, причиняющіе мнѣ непріятность, имѣютъ на это право, и это всегда бы-

вало мнѣ на пользу, и я съ давнихъ поръ училъ, что надо прощать врагамъ: теософы даже сообщили мнѣ, что молитва есть черная магія и что призывать въ молитвѣ зло на враговъ есть колдовство, наказуемое костромъ! Мой старый другъ Іовъ больше не утѣшаетъ меня, во-первыхъ потому, что я, какъ извѣстно, человѣкъ не оправданный, во-вторыхъ потому, что я нахожу его критику по вопросу о допущеніи Бога столь же безбожной, какъ мои мятежныя рѣчи и мысли.

Тогда я перехожу къ Новому Завету и натыкаюсь на Павла, который для меня былъ Савломъ и поэтому многое долженъ былъ бы мнѣ сказать. Я нахожу у него нѣкоторыя мои ошибки, и потому я обращаюсь къ нему; и я не понимаю, какъ можетъ хватать духа проповѣдовать наказаніе и присуждать къ сатанѣ, когда человѣкъ самъ обѣими ногами погрязъ въ грѣхахъ. Его рвеніе дѣлаетъ его мгновенно симпатичнымъ, какъ, напримѣръ, когда онъ такъ начинаетъ письмо къ коринтянамъ: «Я же, Павелъ, который лично между вами скромный, а заочно противъ васъ отваженный». Я никакъ не могу считать слова этого человѣка внушенными Богомъ, такъ какъ у него я узнаю всѣ мои слабости, которыя я хотѣлъ побороть съ его помощью. Какъ могу я сохранить скромность, когда мой учитель пишетъ о себѣ цѣлыхъ два хвастливыхъ письма. «У меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ Апостоловъ», пишетъ онъ. Или: «Не почти кто-нибудь меня неразумнымъ; а если такъ, то примите меня хотя какъ неразумнаго». Затѣмъ онъ исчисляетъ свои страданія (точь въ точь какъ я, хотя я въ концѣ-концовъ призналъ, что мои страданія были мною заслужены). «Я гораздо болѣе былъ въ тру-

лахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сорока ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали» и т. д.

Я нахожу въ немъ самый свой коренной грѣхъ и, что еще хуже, его защиту. «Я дошелъ до неразумія, хвалясь: вы меня къ сему принудили. Вамъ бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ Апостоловъ, хотя я и ничто». Послѣднія слова выказываютъ явную фальшь въ этой прославленной скромности, которою онъ гордо хвалится, и они снова возбуждаютъ во мнѣ недоброжелательство противъ Павла, въ которомъ я уже во дни молодости видѣлъ пророка бунтовщиковъ, духъ котораго они такъ хорошо умѣли себѣ усвоить. И я покинулъ ученика, чтобы услышать отъ самого Учителя слова премудрости. Но когда я въ этотъ вечеръ сижу одинъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, я не знаю, какой это демонъ ворочаетъ листы, такъ что книга, имѣющая на все отвѣты и исцѣленіе, меня лишь разочаровываетъ. Когда я перелистываю ту часть книги, гдѣ описано, какъ Христось простилъ прелюбодѣйца, то снова встаютъ во мнѣ безнадежныя сомнѣнія. Дѣло было въ 1872 году, когда я въ моей юношеской драмѣ «Учитель Олофъ» заставилъ реформатора оправдывать Магдалину почти тѣми же словами. Что за симъ послѣдовало? Цѣлый потокъ освобожденія отъ всѣхъ нравственныхъ обязанностей, который залилъ всю литературу, все общество и все разрѣшилъ: семью, нравственность, честь, вѣрованіе. И это освободительное движеніе, основанное на гуманитарныхъ стремленіяхъ и на заповѣди Христа: не осуждай, теперь отри-

цается невѣдомыми силами, которыя карають освободителей страхомъ и новыми египетскими казнями! Послѣдователь Христа! Нѣтъ! даже не Библия, не Христось, не гуманность... ничего.

Я теперь вполнѣ банкротъ! Лишенный неизвѣстно почему общенія съ людьми, отдаленный отъ интересовъ къ наукѣ, которая прежде привязывала меня къ жизни, благодаря великому дѣлу разгадыванія міровыхъ задачъ, не имѣя больше утѣшенія въ религіи, у меня сохранилась пустая скорлупа безсодержательнаго я. Сидя на стулѣ, глядя черезъ оконную рѣшетку на звѣздное небо, я ни о чемъ не думаю, ничего не чувствую, ни о чемъ не мечтаю. Мнѣ становится любопытно знать, какъ будетъ звучать мой голосъ, когда снова услышу его послѣ трехнедѣльнаго молчанія. Я такъ жажду общества, что готовъ былъ бы искать даже самыхъ несимпатичныхъ мнѣ людей, которымъ стоитъ лишь ротъ открыть, чтобы оскорбить меня. Я думаю, не имѣетъ ли эта изоляція цѣлью доказать мнѣ, что всѣ люди нуждаются другъ въ другѣ, хотя я знаю, что дурнаго общества слѣдуетъ избѣгать и что есть люди, которые скорѣй во мнѣ нуждались бы, чѣмъ я въ нихъ. Я взглядываю на часы: всего половина десятиаго и до десяти я не рѣшаюсь ложиться, а то ночь будетъ неспокойна. Я, который всю жизнь ожидалъ, что вотъ-вотъ явится желанное, теперь сижу и жду, чтобы прошло полчаса. Читать я не могу, потому что когда я раскрываю книгу, мнѣ кажется, что я все это читалъ уже раньше. Ничто меня не интересуетъ, ничто меня не радуетъ, ничто не огорчаетъ. У меня въ карманѣ болѣе тысячи франковъ, но они ничего не стоятъ, потому что я ничего

не желаю. Прежде всегда, когда у меня не было денег, у меня было масса желаній: книги, инструменты, уплата долговъ; и это желаніе чего-то придавало жизни интересъ, это была отсрочка, ссуда на будущее время, которая привязывала къ жизни.

* * *

Слѣдующій день схожъ съ предыдущимъ до шести часовъ дня. Тутъ раздастся стукъ въ дверь и входитъ американецъ живописецъ, котораго я изобразилъ въ своей книгѣ *Inferno* подъ именемъ Фрэнка Шлаттера. Такъ какъ мы разстались совершенно равнодушно, безъ дружбы или вражды, то встрѣтились сердечно. Я замѣчаю, что онъ нѣсколько измѣнился. Онъ кажется мнѣ меньше ростомъ, чѣмъ какимъ я его помню. Выраженіе его лица стало серьезнѣе, и мнѣ не удастся, какъ прежде, довести его до того, чтобы онъ смѣялся надъ житейскими хлопотами и надъ пережитыми огорченіями, которыя переносятся легко, когда они благополучно миновали. Но онъ обращается со мной съ поразительнымъ уваженіемъ, непохожимъ на прежнее товарищеское равенство. Это свиданіе встряхиваетъ меня, такъ какъ, съ одной стороны, я могу бесѣдовать съ человѣкомъ, понимающимъ всякое мое слово, съ другой,—онъ напоминаетъ мнѣ время въ моей жизни, когда я всего больше развивался, интенсивно жилъ, вѣрилъ и возносился. Я переносусь на два года назадъ, и мнѣ хочется освободиться, провести половину ночи, бесѣдуя за стаканомъ вина. Рѣшивъ итти обѣдать въ Монмартръ, пускаемся мы въ путь. Шумъ улицы заглушаетъ нѣсколько

разговоръ, и я замѣчаю въ себѣ необычное затрудненіе слушать и схватывать.

При входѣ въ Avenue de l'Opéra толпа усиливается, и встрѣчные то и дѣло разлучаютъ насъ. Вдругъ человекъ, несшій тюкъ ваты, столкнулся съ моимъ товарищемъ, который сдѣлался совсѣмъ бѣлымъ. Весь насыщенный символической Сведенборга, я стараюсь припомнить, что сіе должно «означать», но вспоминаю лишь о раскопкѣ могилы на островѣ св. Елены, когда все тѣло Наполеона было какъ бы покрыто бѣлымъ пухомъ.

На улицѣ Chaussée d'Autin я чувствую себя уже настолько усталымъ и нервнымъ, что мы рѣшаемся взять извозчика. Такъ какъ настала обѣденный часъ, то улицы чрезвычайно оживлены, и, проѣхавъ нѣсколько минутъ, экипажъ внезапно останавливается. Въ это мгновеніе я испытываю сильный ударъ въ спину, отъ котораго вскакиваю, и чувствую теплое сырое дыханіе надъ моимъ затылкомъ; я оглядываюсь и вижу передъ собой морды трехъ лошадей, а надъ ними на козлахъ омнибуса кричащаго кучера. Это смущаетъ меня, и я спрашиваю себя, не есть ли это предзнаменованіе.

Мы слѣзаемъ на Place Pigalle и обѣдаемъ. Тутъ я снова вспоминаю о первомъ моемъ пребываніи въ Парижѣ во времена моей юности въ семидесятыхъ годахъ; но это наводитъ меня на грусть, потому что измѣненія значительны. Моей гостиницы на rue Doua больше не существуетъ. Le Chat Noir, процвѣтавшій въ то время, теперь закрытъ, а Рудольфа Салиса въ нынѣшнемъ году похоронили. Отъ Café de l'Ermitage осталось одно лишь воспоминаніе, а Tambourin перемѣнилъ названіе. Тогдаш-

ніе друзья умерли, поженились, разсѣялись и шведы перебрались на Монмартръ. Тутъ я замѣчаю, насколько я старъ.

Обѣдъ не такъ оживленъ, какъ я того ожидалъ. Вино дурного качества, не веселитъ. Я отвыкъ говорить и слушать, и это дѣлаетъ бесѣду утомительной. Надежда на то, что настроеніе прежнихъ временъ настанетъ за кофе, не осуществляется, и скоро наступаетъ страшное молчаніе, указывающее на то, что пришло время разставаться.

Долго боремся мы противъ все увеличивающагося смущенія, но напрасно. Около девяти часовъ мы встаемъ, и, чувствуя мое настроеніе, мой товарищъ уходитъ подъ предлогомъ назначеннаго rendez-vous.

Оставшись одинъ, я сразу испытываю неопишуемое облегченіе: тоска исчезла, головная боль прошла, и кажется, будто нервы, сплетенные съ нервами другого лица, теперь начали распутываться. Въ самомъ дѣлѣ, одиночество сдѣлало меня настолько впечатлительнымъ, что я не выношу соприкосновенія флюидовъ посторонняго лица. Спокойно, но потерявъ еще одну иллюзію, возвращаюсь я домой, довольный тѣмъ, что опять нахожусь въ своей кельѣ. Но я замѣчаю, что что-то въ комнатѣ не такъ и что въ ней воцарилось недовольство. Обстановка и всѣ вещи на своихъ мѣстахъ, но производятъ необычное впечатлѣніе: тутъ кто-то былъ и что-то оставилъ за собою. Я внѣ себя!

На слѣдующій день я вижу ту же перемѣну, выхожу, чтобы повидаться съ кѣмъ-нибудь, но никого не нахожу. На третій день, согласно уговору, я иду къ пріятелю, живописцу, чтобы осмотрѣть его произведенія. Онъ живетъ на Marais. Я спрашиваю привратника, дома ли онъ. Да,

отвѣчаетъ мнѣ тотъ, но онъ внизу сидитъ въ кафе съ своей дамой. Не имѣя ничего общаго съ его дамой, я ухожу.

На слѣдующій день я опять отправляюсь на Marais и, узнавъ, что пріятель дома, поднимаюсь вверхъ на шестой этажъ. Дойдя до третьяго этажа по узкой винтовой лѣстницѣ, напоминающей башеную лѣстницу, я вспоминаю о сновидѣннн и о дѣйствительности. Часто во снѣ я вижу такую же винтовую, узкую лѣстницу, по которой я взбираюсь, пока не задохнусь, такъ какъ она все суживалась. Первый разъ припомнился мнѣ этотъ сонъ въ башнѣ Путбусъ, и я тотчасъ же спустился внизъ. Теперь я стою подавленный, съ сильнымъ сердцебіеніемъ, но рѣшаюсь продолжать подниматься. Я дохожу до верху, вхожу въ мастерскую и застаю пріятеля съ его дамой. Послѣ того, какъ я просидѣлъ пять минутъ, у меня очень сильно разбаливается голова, и я говорю пріятелю: «Дорогой другъ, мнѣ кажется, что я не долженъ съ вами имѣть общенія, потому что ваша лѣстница убиваетъ меня. У меня сейчасъ ясное впечатлѣніе, что если я еще разъ сюда поднимусь, я умру».

— Но вѣдь вы—отвѣчаетъ другъ—на этихъ дняхъ поднялись на Монмартръ, взобрались на лѣстницу Sacré Coeur.

— Да, это всего страннѣе.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я самъ къ вамъ приду, и мы вечеромъ вмѣстѣ пообѣдаемъ.

На слѣдующій день мы дѣйствительно вмѣстѣ обѣдаемъ и находимся въ наилучшемъ настроеніи. Мы внимательно, съ уваженіемъ обращаемся одинъ къ другому, избѣгаемъ говорить непріятности, открываемъ свои симпа-

тѣи, становимся одинъ на точку зрѣнія другого, и намъ кажется, что мы по всѣмъ вопросамъ единодушны. Пообѣдавъ, пользуясь тихимъ вечеромъ, продолжаемъ мы бесѣду и отправляемся черезъ рѣку на бульвары и доходимъ наконецъ до Caf  du Cardinal. Наступила полночь, но мы не чувствуемъ усталости, и начинаются тѣ чудные часы, когда душа покидаетъ свою оболочку и всѣ силы души, которыя должны были бы породить сновидѣнія, способны на ясное живое познаніе и взгляды на прошедшее и на будущее. Въ этотъ ночной часъ мнѣ кажется, будто духъ мой отдѣлился отъ тѣла, которое остается, какъ чужое мнѣ лицо. Питье для насъ вещь второстепенная, и пью я развѣ только для того, чтобы отдалить сонъ и, пожалуй, чтобы открыть мысленныя шлюзы, которыя выпускаютъ весь мой объемистый жизненный матеріалъ, такъ что въ каждую минуту я могу вспомнить фактъ, число, сцену, чужія реплики. Это составляетъ для меня радость опьянѣнія, но оккультистъ, человекъ набожный, сказалъ мнѣ, что это грѣхъ, потому что это захватъ изъ области блаженства, которое какъ разъ состоитъ въ освобожденіи души отъ матеріи, и что поэтому этотъ захватъ карается на слѣдующій день самыми страшными мученіями. Тѣмъ временемъ насъ предупреждаютъ о скоромъ закрытіи кафе, а такъ какъ я не расположенъ прекращать бесѣды, то предлагаю идти въ Baratte, на что пріятель соглашается.

Caf  Baratte возлѣ Halle всегда имѣлъ для меня, не знаю почему, удивительную притягательную силу. Возможно, что это благодаря сосѣдству Halle. Когда на бульварахъ ночь, у Halle утро, тамъ, впрочемъ, всю ночь утро. Тамъ не существуетъ темной ночи съ ея вынужденной

бездѣятельностью и съ ея мрачными сновидѣніями. Духъ, опьяненный въ нематеріальныхъ сферахъ, требуетъ пищи, грязи, порока и шума. На меня дѣйствуетъ зтотъ запахъ рыбы, мяса и овощей, какъ прелестный контрастъ съ высокими темами, которыя мы только что обсуждали. Это та грязь, изъ которой мы созданы и изъ которой трижды въ день вновь создаемся; и когда изъ полутьмы, грязи, отъ паршавыхъ фізіономій войдешь въ уютную кофейню, то васъ привѣтствуютъ свѣтъ, тепло, пѣніе, звуки мандолинъ и гитаръ. Тутъ сидятъ дѣвицы и бродяги, но въ зтотъ часъ всѣ классовыя различія уничтожены. Тутъ сидятъ вперемѣшку художники, студенты, литераторы, пьютъ вдоль длинныхъ столовъ и грезятъ наяву; они избѣгаютъ грустнаго сна, который здѣсь перестаетъ ихъ преслѣдовать. Тутъ нѣтъ бурной, искрящейся радости, но надъ всѣмъ витаетъ тихій наркозъ, и мнѣ кажется, будто я вошелъ въ царство тѣней, въ которомъ шумная жизнь облечена лишь въ полудѣйствительность. Я знаю писателя, который имѣетъ обыкновение тамъ сидѣть по ночамъ и писать. Я тамъ видѣлъ иностранцевъ, одѣтыхъ такъ, какъ будто они пріѣхали съ блестящаго ужина, откуда-нибудь возлѣ Рагс Монсеаи. Я видѣлъ тамъ среди публики господина, казавшагося по виду иностраннымъ посланникомъ, который всталъ и спѣлъ solo. Видѣлъ людей, которые казались мнѣ переодѣтыми принцами и принцессами; они пили шампанское, и я не знаю, были ли это дѣйствительно смертные или астральные тѣла спящихъ, которыя пришли сюда наводить галлюцинаціи на пьющую публику. Удивительно то, что въ обществѣ, сжатомъ въ тѣсномъ помѣщеніи, не замѣтно ни малѣйшаго проявленія грубаго тона: тяжелое

состояніе безсонницы дѣйствуетъ смягчающе и придаетъ всему, что происходитъ, меланхолическій оттѣнокъ. Пѣсни пѣвцовъ преимущественно сантиментальны, и плачущая гитара врачуетъ причиняемые нервамъ уколы рѣзкой мандолины... Вспоминаю, какъ разъ, одну ночь, проведенную два года тому назадъ съ этимъ же пріятелемъ въ этой кофейнѣ; мы обсуждали скрытыя свойства души, и я по различнымъ основаніямъ отрицалъ роль большого мозга на дѣйствіе разума. «Это желудочекъ или железа, вѣдь вы можете въ этомъ убѣдиться!» — «Вы думаете! пойдете до двери и купимъ себѣ мозга!»

Мы пошли въ Halle и спросили себѣ мозга. Намъ повели внизъ въ погребъ по коридорамъ и подваламъ. Наконецъ мы очутились въ залѣ, увѣшанномъ кровавыми тѣлами и внутренностями. Мы по крови прошли дальше и вошли въ помещеніе для мозговъ. Окровавленные люди ударяли по отрѣзаннымъ коровьимъ и телячьимъ головамъ окровавленными дубинами и долотами, такъ что черепа разбивались и мозгъ разлетался. Мы купили одинъ мозгъ и вышли наружу, но страшная картина преслѣдовала насъ до кофейной, гдѣ мы демонстрировали мнимый мыслительный аппаратъ.

Теперь ночью, послѣ моего долгаго одиночества я чувствую себя такъ хорошо среди толпы людей; изъ нея вытекаютъ потоки тепла и симпатіи. Впервые за долгое время меня охватываетъ сантиментальное участіе къ этимъ несчастнымъ ночнымъ феямъ. Рядомъ съ нашимъ столомъ сидитъ ихъ съ полдюжины: однѣ грустныя, ничего себѣ не заказавшія. Онѣ въ общемъ почти всѣ некрасивы, ихъ презираютъ, и онѣ вѣроятно лишены возможности себѣ что-

либо заказать. Я предлагаю пріятелю, который въ данную минуту также мягко настроенъ, какъ и я, пригласить изъ нихъ двухъ, самыхъ некрасивыхъ, изъ тѣхъ, которыя сидятъ возлѣ нашего стола. Принято! и я приглашаю двухъ дѣвицъ, спрашивая, не желаютъ ли онѣ чего-нибудь выпить, но прибавляю, чтобы онѣ ни на что другое не рассчитывали и чтобы прежде всего вели себя прилично!

Онѣ понимаютъ, видимо, свою роль и прежде всего просятъ поѣсть. Пріятель и я, мы продолжаемъ свою философскую бесѣду на нѣмецкомъ языкѣ и только отъ времени до времени говоримъ слово-другое нашимъ дамамъ; онѣ нетребовательны и больше заняты ѣдой, чѣмъ любезностями.

Одно мгновеніе у меня промелькнула мысль: а ну какъ тебя увидитъ кто-нибудь изъ знакомыхъ? Да, я знаю, что онъ сказалъ бы и что я ему отвѣтилъ бы. Вы вытолкали меня изъ общества, осудили на одиночество, и я принужденъ покупать себѣ общеніе съ людьми, съ паріями, съ отверженными, какъ я, съ голодными, какъ и я. Для меня составляетъ радость видѣть, какъ эти отверженные хвастаются несуществующей побѣдой, глядѣть, какъ онѣ ѣдятъ и пьютъ, слышать ихъ голосъ, который, какъ-никакъ, голосъ женщинъ... И я не сумѣю достаточно имъ заплатить, даже если въ придачу прочитаю имъ мораль.

Мнѣ пріятно, что я сижу вмѣстѣ съ живыми людьми и что я могу подѣлиться имѣющимъ въ настоящую минуту избыткомъ, въ настоящую минуту, потому что черезъ мѣсяць я могу быть такъ же бѣденъ, какъ и онѣ...

Наступило утро. Пробыло пять часовъ. И мы уходимъ.

Но тутъ моя дама требуетъ отъ меня пятнадцать франковъ за то, что она сидѣла со мной, что я, съ ея точки зрѣнія, нахожу вполне понятнымъ, потому что мое общество ничего не стоитъ, точно такъ же, какъ и мое покровительство въ сравненіи съ ея позиціей. Я не думаю, чтобы это способствовало къ поднятію волны чувства собственнаго достоинства — скорѣй напротивъ.

Однако, я иду домой съ покойной совѣстью послѣ хорошо проведенной ночи, сплю до десяти часовъ, просыпаюсь вполне отдохнувшей, и день проходитъ въ занятіи и размышленіяхъ. Но на слѣдующую ночь у меня былъ ужасный кошмаръ, такой, какъ тѣ, которые Сведенборгъ описываетъ въ своей книгѣ «Сны». Это была слѣдовательно кара. За что? За то, что «онъ ѣсть и пьетъ съ мытарями и грѣшниками», тогда какъ Іоаннъ удалился въ пустыню... Съ грѣшниками, такъ какъ онъ другого общества не нашель... Я больше ничего не понимаю; я думалъ, что это новый житейскій урокъ, что я долженъ былъ понять, что люди всѣ одинаковы, и дѣйствительно я одну минуту представлялъ себѣ, что роль моя ночью въ кофейнѣ была скорѣй ролью друга человѣчества, чѣмъ развратника, или что она, по крайней мѣрѣ, была въ нравственномъ отношеніи безразлична.

Всѣ слѣдующіе за симъ дни я провожу въ подавленномъ настроеніи, а однажды вечеромъ предвижу, что предстоитъ тяжелая ночь. Въ девять часовъ вечера сидѣлъ я за чтеніемъ *Natura Deorum* Цицерона и настолько проникся мнѣніемъ Аристотеля о томъ, что богамъ нашъ міръ неизвѣстенъ и что они запятали бы себя, если бы касались такой грязи, что рѣшился это списать. При этомъ

я замѣчаю, что на верхней сторонѣ правой руки у меня появилась кровь безъ видимой причины. Когда же я вытеръ кровь, то не нашель и слѣда шрама. Впрочемъ, я пересталъ объ этомъ думать и отправился спать. Въ половинѣ перваго я просыпаюсь съ ясно выраженнымъ симптомомъ того, что я назвалъ бы электрическимъ поясомъ. Несмотря на то, что мнѣ извѣстны свойства и внутреннее значеніе этого проявленія, я чувствую побужденіе искать причину внѣ себя; подумайте, они здѣсь! Они! Кто? Наконецъ, я дѣлаю надъ собою усиліе и зажигаю лампу. Библия лежитъ рядомъ, и я рѣшаю искать въ ней совѣта, и вотъ что она отвѣчаетъ:

«Я вразумлю тебя и научу тебя пути, по которому тебѣ надлежитъ итти, и глазъ мой будетъ слѣдить за тобой. Не будь подобенъ лошади или вьючному скоту, котораго надо дергать за удила, чтобы заставить слушаться!»

Это отвѣтъ, и я снова спокойно засыпаю, довольный тѣмъ, что не злые люди, а доброжелательныя силы говорили мнѣ, хотя и нѣсколько неясно.

Отдохнувъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ уединеніи, я однажды вечеромъ снова вышелъ съ американцемъ и молодымъ французомъ, исправляющимъ мои рукописи. Бесѣда затянулась, и я вернулся домой незадолго до полуночи съ тяжестью на совѣсти, вслѣдствіе того, что я былъ вовлеченъ въ горячій разговоръ и мнѣ пришлось дурно говорить объ отсутствующемъ. Что я говорилъ, было самозащитой противъ лгуна и истинной правдой. Въ два часа ночи я проснулся отъ шума шаговъ надо мной, затѣмъ я слышалъ, какъ кто-то спустился съ лѣстницы и вошелъ въ комнату рядомъ съ

моей. Итакъ, тотъ же маневръ, какъ и въ гостиницѣ Орфила. Развѣ за мною слѣдятъ? Кто бы могъ имѣть въ гостиницѣ, гдѣ я живу, двѣ комнаты, одну надо мной, другую рядомъ со мной? Вѣдь то же самое повторялось здѣсь, въ гостиницѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда я жилъ въ третьемъ этажѣ. Значить это нельзя объяснить случаемъ. Если же мой невидимый менторъ намѣренъ меня наказывать, какъ оно вѣроятно и есть, то до чего тонко придумано: держать меня въ неизвѣстности, преслѣдуютъ ли меня люди или нѣтъ. Хотя я вполне сознаю, что никто меня не преслѣдуетъ, но я все же терзаюсь прежними мыслями о томъ, что кто-то меня преслѣдуетъ. А когда встаетъ вопросъ о томъ, кто это можетъ быть, то начинается круговоротъ предположеній, вызываемыхъ моею совѣстью, которая винить меня даже тамъ, гдѣ я дѣйствовалъ только изъ самозащиты, отстраняя отъ себя несправедливыя обвиненія. Я чувствую себя какъ бы привязаннымъ спиною къ столбу, и всѣ прохожіе при этомъ имѣютъ право на меня плевать, если же я отвѣчу тѣмъ же, то въ меня бросаютъ грязью, меня душатъ, преслѣдуютъ. Весь міръ, даже самое ничтожное существо, правъ передо мной! Если бы мнѣ знать за что! Вся тактика такъ напоминаетъ женщинъ, что я не могу отдѣлаться отъ моего подозрѣнія. Дѣйствительно, когда женщина въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ причиняла мужу своему вредъ и зло и онъ изъ врожденнаго благородства не поднималъ руки своей для самозащиты, но въ концѣ-концовъ отмахнулся, какъ отмахиваются отъ мухи, тогда жена поднимаетъ гвалтъ, зоветъ полицію и кричитъ: «Онъ защищается!» Или въ школѣ недостойный учитель напускается на неправильно обви-

нсннаго ученика, а этотъ, страдая отъ несправедливости, пытается защищаться. Что дѣлаетъ тогда учитель? Онъ прибѣгаетъ къ тѣлесному наказанію, приговаривая: «Такъ, такъ, ты еще отвѣчаешь!»

Я отвѣчалъ! Вотъ почему я мучаюсь! И мученіе повторяется цѣлую недѣлю каждую ночь. Послѣдствіемъ этого является то, что настроеніе мое портится и общеніе со мной становится невыносимымъ. Мой пріятель американецъ незамѣтно удаляется отъ меня, и такъ какъ онъ завелъ свое хозяйство, я опять остаюсь одинъ. Но мы второй разъ расстаемся съ нимъ не только вслѣдствіе обоюднаго недовольства; мы оба замѣтили, что въ періодъ нашего послѣдняго общенія произошли странныя вещи, которыя можно приписать лишь вмѣшательству силъ, рѣшившихся пробудить наше недовольство. Этотъ американецъ, почти ничего изъ моей прежней жизни не знавшій, казалось, имѣлъ намѣреніе оскорблять меня во всѣхъ наичувствительнѣйшихъ мѣстахъ, и казалось, что онъ узналъ самыя сокровенныя мои мысли и намѣренія, только мнѣ одному извѣстныя. Когда я сообщилъ ему это мое наблюденіе, его ослѣпилъ свѣтъ.

— Не злой ли это духъ! — воскликнулъ онъ. — Я предполагалъ, что что-то есть, потому что вы, будучи со мной, не могли рта открыть, чтобы не оскорблять меня до глубины души, но по вашему лицу и по любезному его выраженію я видѣлъ, что у васъ ничего злого на умѣ не было.

Мы пробовали сопротивляться. Но онъ три дня подрядъ напрасно проходилъ длинный путь до меня. Меня не было ни дома, ни на обычномъ мѣстѣ обѣда, нигдѣ!

Итакъ, опять окружило меня одиночество, пала густая тьма. Дѣло подходит къ Рождеству, и мнѣ тяжело безъ дома и семьи. Жизнь опостылѣла мнѣ, и я снова начинаю послѣдовательно вглядываться въ высь. Я покупаю книгу «Преемникъ Христа» и читаю.

Эта чудесная книга не впервые попадаетъ мнѣ въ руки, но на сей разъ она находитъ подготовленную почву. Живя, умереть для свѣта, презрѣннаго, скучнаго, грязнаго свѣта,—вотъ тема. Неизвѣстный авторъ имѣетъ необыкновенную способность не проповѣдовать или поучать, а обращается къ вамъ любезно, убѣдительно, связно, логично и пріятно. Онъ выставляетъ наши страданія не наказаніями, а испытаніями и этимъ возбуждаетъ въ насъ честолюбивое желаніе выдержать ихъ.

Опять со мной Иисусъ, на сей разъ не Христосъ, и онъ тихо, но увѣренно подкрадывается ко мнѣ, какъ будто у него на ногахъ бархатныя сандалии. Рождественскія выставки на улицѣ Бонапарта содѣйствуютъ этому. Вотъ Младенецъ Иисусъ въ ясляхъ, Младенецъ Иисусъ въ царской мантии и съ короной на головѣ, Младенецъ Спаситель на рукахъ у Дѣвы, Младенецъ играетъ и лежитъ возлѣ креста! Да! Младенецъ! Это я понимаю. Богъ, такъ долго выслушивавшій жалобы людей на тяжесть жизни, наконецъ рѣшилъ спуститься, родиться и жить, чтобы испытать, насколько тяжело влачить человѣческую жизнь. Это я постигаю!

Въ одно воскресное утро проходилъ я мимо церкви Saint-Germain l'Auxerrois. Этотъ храмъ всегда производитъ на меня сильное впечатлѣніе, потому что онъ такъ симпатиченъ; преддверье приглашаетъ войти, а внутри размѣры

такъ невелики, что не чувствуешь себя придавленнымъ. Въ дверяхъ меня поражаютъ полутьма, звуки органа, образа и свѣчи. Всегда, когда я вхожу въ католическую церковь и останавливаюсь въ дверяхъ, я чувствую себя неловко, беспокойно, выбитымъ изъ колеи. Когда подходитъ громадный швейцаръ со своей алебардой, то мнѣ дѣлается не по себѣ и кажется, что онъ прогонитъ меня какъ еретика. Здѣсь же въ Saint-Germain l'Auxerrois я испытываю страхъ, потому что я вспоминаю, что на колокольнѣ именно этой церкви зазвонилъ безъ видимой причины колоколъ въ ночь на св. Варѣоломея въ 2 часа (2 часа ночи!). Сегодня же мое положеніе гугенота тревожитъ меня больше прежняго, такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ я прочелъ въ *Osservatore Romano* пожеланіе счастья католическаго духовенства преслѣдователямъ евреевъ въ Россіи и Венгріи и ссылку на великіе дни, слѣдовавшіе за Варѣоломеевской ночью, повтореніе которой авторъ охотно бы привѣтствовалъ.

Скрытый гдѣ-то органъ издаетъ звуки, гармоніи которыхъ я раньше не слыхалъ, но которые кажутся мнѣ далекимъ воспоминаніемъ, воспоминаніемъ о временахъ предковъ или о еще болѣе отдаленныхъ дняхъ. Откуда взялъ ихъ композиторъ?—спрашиваю я себя всегда, когда слышу серьезную музыку. Не изъ природы и не изъ жизни, потому что для музыки нѣтъ моделей, какъ для другихъ искусствъ. Тогда нѣтъ у меня другого выхода, какъ смотрѣть на музыку, какъ на воспоминаніе о состояніи, къ которому стремится каждый человѣкъ въ лучшіе его моменты, и въ чувствѣ утраченности должно быть сознаніе того, что мы утратили что-то, что имѣли раньше.

Передъ алтаремъ горять шесть свѣчей; священникъ, одѣтый въ бѣлое, красное и золотое, молчитъ, но рука его колышется въ граціозныхъ движеніяхъ бабочки, порхающей надъ кустомъ. Сзади появляются двое одѣтыхъ въ бѣлое дѣтей и склоняютъ колѣни. Звонитъ тоненькій звонокъ. Священникъ моетъ себѣ руки и готовится къ какому-то неизвѣстному мнѣ дѣйствию. Что-то происходитъ странное, прекрасное, высокое, тамъ, вдали, межъ золотомъ, дымомъ ладана и свѣтомъ... Я ничего не понимаю, но испытываю благоговѣніе и трепеть, я сознаю, что я это уже когда-то переживалъ.

Но затѣмъ появляется чувство стыда язычника, отвергнутаго, которому здѣсь не мѣсто. И возстаегъ вся правда: у протестанта нѣтъ религіи, потому что протестантизмъ есть свободомысліе, мятежъ, разобшеніе, догматика, теология, еретичество. И протестантъ преданъ анаемѣ. Эта анаеема, это проклятiе лежащее на насъ, дѣлаегъ насъ неспокойными, грустными и блуждающими. Въ эту минуту я чувствую проклятiе и понимаю, почему побѣдигель при Люценѣ «палъ въ своемъ твореніи» и почему отъ него отеклась его собственная дочь; я понимаю, отчего была разорена протестантская Германія, тогда какъ Австрія осталась нетронутой. А мы, что мы выиграли? Насъ оттолкнули, насъ разобшили, и мы кончили тѣмъ, что у насъ нѣтъ вѣры.

Тихо зақолыхалась толпа, двинувшись къ дверямъ, и я коиноко остаюсь позади, подавленный неодобрительными взорами уходящихъ. Темно въ дверяхъ, возлѣ которыхъ я стою, но я ясно вижу, какъ всѣ выходящіе опускаютъ руку въ кропильницу и совершаютъ крестное знаменіе, а такъ

какъ я стою какъ разъ передъ кропильницей, то кажется, будто они передо мной крестятся, и я знаю, что это означаетъ послѣ того, какъ въ Австрiи встрѣчавшіеся со мной по дорогѣ въ деревнѣ крестились передо мной, какъ передъ протестантомъ.

Оставшись, наконецъ, одинъ, я подхожу къ кропильницѣ изъ любопытства или еще почему. Она сдѣлана изъ желтаго мрамора, имѣетъ форму раковины, а надъ ней выступаетъ дѣтская головка... съ крыльями сзади. Лицо ребенка, какъ живое, съ выраженіемъ, которое встрѣчаешь лишь у добраго, красиваго, благовоспитаннаго трех-годовалаго ребенка. Ротикъ полураскрытъ, и на губахъ застыла улыбка. Большіе прекрасные глаза опущены, и видно, какъ ребенокъ смотритъ на свое отраженіе въ водѣ, какъ бы подъ охраной всѣхъ, будто онъ сознаетъ, что дѣлаетъ что-то непопозволенное; однако онъ наказанія не боится, потому что онъ знаетъ, что однимъ взглядомъ онъ всѣхъ покоритъ. Это ребенокъ, на которомъ еще сохранился отпечатокъ нашего отдаленнаго происхожденія, отблескъ сверхчеловѣка, который принадлежитъ небу. Слѣдовательно на небѣ можно и смѣяться, а не только нести крестъ! Какъ часто въ часы самоуничиженія, когда всякое наказаніе стояло передо мной какъ объективная дѣйствительность, ставилъ я себѣ слѣдующій вопросъ, который многіе нашли бы непочтительнымъ: «Можетъ ли Богъ смѣяться? смѣяться надъ безуміемъ и гордостью людей-муравьевъ? Если онъ можетъ смѣяться, то онъ можетъ и прощать».

Лицо ребенка улыбается мнѣ и глядитъ на меня изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ, а потому открытый ротъ гово-

ринтъ шутивно: попробуй, вода опаснаго ничего не представляетъ.

Я опускаю пальцы въ освященную воду, образовались круги на поверхности воды (я думаю—такъ было на пруду Виозды), затѣмъ я переношу руку отъ лба къ сердцу, потомъ налево, затѣмъ направо, какъ, я видѣлъ, дѣлала моя дочь. Но въ слѣдующее же мгновеніе я бросаюсь вопъ изъ церкви, потому что ребенокъ смѣялся, а я... не хочу сказать, чтобы мнѣ было стыдно, но мнѣ хотѣлось, чтобы этого никто не видѣлъ.

Снаружи у дверей прибито объявленіе, и изъ него я узнаю, что сегодня адвентъ! ¹⁾ Передъ церковью сидитъ, несмотря на страшный холодъ, старуха и спитъ. Я тихо, такъ что она замѣтила, опускаю ей въ колѣни серебряную монету и ухожу, хотя съ удовольствіемъ посмотрѣлъ бы на ея пробужденіе. Что за дешево стоящая и вѣрная радость играть роль посредника Провидѣнія при исполненіи просьбы и, наконецъ, давать, когда такъ много самъ принималъ.

* *
* *
* *

Теперь я читаю *L'Imitation* и *Le Génie du Christianisme* Шатобриана. Я ношу образокъ, который получилъ у *Sacré Coeur* въ Монмартрѣ. Крестъ для меня символъ терпѣливо перенесенныхъ страданій, но онъ не знакъ того, что Христосъ страдалъ за меня, такъ какъ это я самъ долженъ сдѣлать. Я даже дошелъ до слѣдующей теоріи: такъ какъ мы, невѣрующіе, не хотѣли больше ничего

---

¹⁾ У католиковъ 4-недѣльный постъ передъ Рождествомъ.

слышать о Христѣ, то онъ предоставилъ насъ самимъ себѣ, его *Satisfactio vicaria* прекратилась, и мы должны справляться самостоятельно съ нашей немощью и съ чувствомъ своей виновности. Сведенборгъ говоритъ совершенно опредѣленно, что крестныя страданія Христа являются не умиротвореніемъ, а испытаніемъ, наложеннымъ на себя Богомъ, не столько какъ боль, сколько какъ оскорбленіе.

Одновременно съ книгой «Послѣдователь Христа» я получаю «*Vera Religio Christiana*» Сведенборга, въ двухъ объемистыхъ томахъ. При его всемогуществѣ, которое покоряетъ всякое сопротивленіе, онъ меня втягиваетъ въ свою исполинскую мельницу и начинаетъ меня молоть. Я сначала откладываю книгу въ сторону и говорю: это не для меня! Но опять принимаюсь за нее, столько въ ней того, что согласуется съ моими наблюденіями и пережитымъ опытомъ, и столько интересующей меня мірской мудрости. Во второй разъ бросаю я книгу; но не могу успокоиться, пока снова не принимаюсь за нее, и самое ужасное въ моемъ положеніи это то, что когда я ее читаю, то получаю опредѣленное впечатлѣніе, что это истинная правда, но что я никогда до нея не дойду! Никогда! потому что я этого не желаю. Тогда я начинаю возмущаться и говорю себѣ: онъ измѣнился, и это духъ лжи! Но тутъ является страхъ, не ошибаюсь ли я.

Что я тутъ нахожу такого, что можетъ считаться живымъ словомъ? Я нахожу весь порядокъ милости и вѣчный адъ: воспоминаніе ада дѣтства съ вѣчнымъ его раздоромъ! Но я просунулъ голову въ петлю и уже теперь не освобожусь. Весь день, почти всю ночь кружатся мои мысли на одномъ: я проклять, потому что я между прочимъ не могу

произнести слово Иисусъ, не прибавивъ Христось, которъй, по мнѣнію Сведенборга, есть символъ.

Теперь вся бездна во мнѣ самомъ, и кроткій Христось въ Imitation сталъ демономъ, мучителемъ! Я чувствую, что если дальше такъ пойдетъ, то я стану «лезеромъ», а этого я не желаю. Не желаю!

Прошло три дня послѣ того, какъ я отложилъ Сведенборга въ сторону, но въ одинъ прекрасный вечеръ, когда я занимался физиологіей растений, я вдругъ вспомнилъ про что-то особенно остроумное, прочтенное мною въ Vega Religio Christiana, относительно положенія растений въ ряду твореній. Я осторожно принимаюсь искать это мѣсто, но не нахожу, но зато нахожу все остальное: призывъ, просвѣщеніе, освященіе, обращеніе въ христіанство, и когда я перелистываю книгу, то глаза останавливаются на самыхъ страшныхъ мѣстахъ, которыя колютъ глаза и жгутъ. Два раза перелистываю я оба тома, но то, что ищу, пропало. Это заколдованная книга, и я хотѣлъ бы сжечь ее, но не рѣшаюсь, потому что предстоитъ ночь и настанетъ два часа.. Я чувствую, какъ становлюсь лицомъромъ, и я рѣшилъ завтра, если только я спокойно проведу ночь, начать борьбу противъ этого душегубца, я въ микроскопъ разсмотрю его слабости, я вырву его жало изъ сердца, даже если оно отъ этого разорвется, я хочу забыть, что онъ спасъ меня отъ одного сумасшедшаго дома, чтобы ввергнуть въ другой!

* * *

Проспавъ ночь, хотя я ожидалъ быть убитымъ, приступилъ я на слѣдующее утро къ дѣлу не безъ колебаній,

такъ какъ очень тяжело поднять оружіе противъ друга. Но это неизбѣжно; это касается моей безсмертной души, будетъ ли она уничтожена или нѣтъ.

Пока Сведенборгъ въ Арсана и Апокалипсисѣ довольствовался откровеніями, пророчествами, толкованіями, онъ влиялъ на мою религіозность, но когда онъ въ *Vera Religio* начинаетъ разсуждать о догматахъ, тогда онъ становится вольнодумцемъ, протестантомъ, обнажаетъ шпагу противъ здраваго смысла, онъ самъ избралъ родъ оружія и выбралъ плохое оружіе. Я хочу видѣть въ религіи тихій аккомпанементъ къ однотонной повседневной мелодіи жизни, тутъ же дѣло идетъ о религіи по призванію, о кафедральномъ диспутѣ, слѣдовательно о борьбѣ за власть.

Уже при чтеніи *Apokalypsis revelata* напалъ я на одно мѣсто, которое оттолкнуло меня, потому что въ немъ обнаруживается человѣческое тщеславіе, котораго я бы не хотѣлъ видѣть въ божественномъ лицѣ. Однако изъ уваженія я прошелъ мимо этого мѣста, хотя запомнилъ его. На небѣ, оказывается, встрѣчаетъ Сведенборгъ англійскаго короля, которому онъ жалуется на то, что англійскіе журналы не нашли нужнымъ рекламировать нѣкоторыя изъ его сочиненій. Сведенборгъ выражаетъ свое недовольство противъ въ особенности нѣкоторыхъ епископовъ и лордовъ, которые ознакомились съ его сочиненіями, но не обратили на нихъ никакаго вниманія. Король (Георгъ II) удивился и, обращаясь къ недостойнымъ, сказалъ: «Идите вашей дорогой! Горе тому, кто можетъ оставаться настолько безчувственнымъ, когда ему говорятъ о небѣ и о вѣчной жизни». Тутъ кстати мнѣ хочется отмѣтить несимпатичную черту, что Данте, какъ и Сведенборгъ, посылаютъ

своихъ враговъ и друзей въ адъ, тогда какъ сами возносятся на выси, и я позволяю, какъ Павелъ, маленькую похвалу себѣ, обращая вниманіе на то, что я, наоборотъ, въ противоположность великимъ писателямъ себя одного низвожу до пылающаго ада, а другихъ ставлю хоть сколько-нибудь выше себя, въ легкой огонь.

Vera Religio производитъ болѣе непріятное впечатлѣніе, такъ какъ тамъ мы видимъ Кальвина въ огнѣ за то, что онъ училъ, что вѣра все, а дѣла — ничто (разбойникъ на крестѣ). Лютеръ и Меланхтонъ, не взирая на ихъ протестантизмъ, подвергнуты грубому поруганію... Нѣтъ, это возбуждаетъ во мнѣ желаніе отыскивать эти пятна въ образѣ высокаго мыслителя! И я надѣюсь, что въ дальнѣйшемъ духовномъ развитіи Сведенборга произошло то, что онъ говоритъ о Лютерѣ: «Когда онъ вступилъ въ духовный міръ, онъ повелъ сильную пропаганду за свои догматы, но вслѣдствіе того, что они не пустили корней во внутреннюю сущность его духа, а были лишь привиты съ дѣтства, въ немъ произошло просвѣтлѣніе, такъ что онъ подъ конецъ проникся новымъ пониманіемъ неба».

Не будетъ ли недоволенъ мой учитель тѣмъ, что я это написалъ? Не могу этому повѣрить; возможно, что онъ теперь раздѣляетъ мое мнѣніе и что онъ постигъ, что тамъ, наверху, не происходитъ теологическихъ споровъ. Его описаніе жизни въ мірѣ духовномъ съ кафедрами и аудиториями, оппонентами и корреспондентами вызвало во мнѣ смѣшной вопросъ: не теологъ ли Богъ?

* * *

Я заперъ теперь Сведенборга, простился съ нимъ съ благодарностью, какъ съ человѣкомъ, который, хотя бы и при помощи страшныхъ картинъ, но вернулъ меня къ Богу. И вотъ Черный Христосъ уже не мучаетъ меня несчастьями, но Бѣлый, ребенокъ, умѣющий смѣяться и играть, сближается съ адвентомъ, и благодаря этому пріобрѣтается болѣе радостный взглядъ на жизнь, пока я наблюдаю за своими поступками, словами и даже помысленіями, которыхъ, какъ кажется, невозможно утаить отъ невѣдомаго ангела хранителя и ангела карающаго, всюду слѣдующаго за мной.

Загадочныя случайности продолжаютъ приключаться, но онѣ не столь грозны, какъ раньше. Я оставилъ христіанство Сведенборга потому, что оно ненавистно, мстительно, мелочно, проникнуто раболѣпствомъ, но я сохраняю *l'Imitation* съ нѣкоторыми изъятіями и послѣдствіемъ несчастнаго состоянія души, вызваннаго исканіемъ Иисуса.

Однажды вечеромъ сижу я и обѣдаю съ молодымъ французскимъ поэтомъ, только что прочитавшимъ *Inferno*, жаждущимъ объясненій съ точки зрѣнія оккультизма, тѣхъ припадковъ, которымъ я подвергался.

— У васъ нѣтъ талисмана? — спросилъ онъ. — Слѣдовало бы имѣть талисманъ.

— Какъ же, у меня есть *l'Imitation*! — Онъ взглянулъ на меня; я нѣсколько смутился, потому что проявилъ нѣкоторое дезертирство, и вынулъ часы, чтобы имѣть что-нибудь въ рукахъ. Въ то же мгновеніе упалъ съ цѣпочки образокъ *Sacré Coeur*. Я еще болѣе смутился, но ничего не сказалъ.

Мы скоро встали и пошли въ кофейню у *Châtelet*,

чтобы выпить по кружкѣ пива. Залъ обширенъ, и мы заняли мѣста у столика напротивъ двери. Тамъ просидѣли мы нѣкоторое время, и разговоръ вертѣлся вокругъ Христа и его значенія.

— Онъ навѣрное страдалъ не за насъ, — промолвилъ я, — потому что если бы это было такъ, то наши страданія уменьшились бы. Этого же не произошло, напротивъ они стали чуть ли не интенсивнѣе.

Въ эту минуту мы обратили вниманіе на то, что кельнеръ начинаетъ щеткой подметать полъ между нами и дверью, гдѣ никто не проходилъ послѣ того, какъ мы вошли. На чистомъ паркете выдѣляется вѣнокъ изъ красныхъ капель. Проходя мимо насъ, кельнеръ ворчитъ и косо на насъ смотритъ, какъ на виновниковъ. Я спрашиваю у моего собутыльника, что это такое.

— Что-то красное.

— Такъ это мы сдѣлали, потому что никто послѣ насъ тутъ не проходилъ, а когда мы вошли, было чисто.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ товарищъ, — мы не могли этого сдѣлать, потому что это не слѣды ногъ, а какъ будто кто-то терялъ кровь — изъ насъ же кровь не шла.

Это было неприятно и неудобно, потому что мы обратили на себя вниманіе остальныхъ гостей.

Поэтъ понялъ мои мысли, но онъ не видалъ происшествія съ образочкомъ.

— Христось преслѣдуетъ насъ, — сказала я, чтобы облегчить мою душу.

Онъ ничего не отвѣтилъ, хотя хотѣлъ бы найти всему этому естественное объясненіе, котораго не находилъ.

Раньше, чѣмъ покинуть моего друга американца, котораго я пробовалъ сравнить съ терапевтомъ Фрэнкомъ Шлаттеромъ, я долженъ разсказать нѣсколько случаевъ, подтверждающихъ мое подозрѣніе въ томъ, что у этого человѣка есть двойникъ.

При возобновленіи знакомства на этотъ разъ я высказалъ ему откровенно мое мнѣніе и показалъ ему номеръ *Revue Spirite*, въ которомъ напечатана статья «Мой другъ Х...» Онъ показался мнѣ нерѣшительнымъ, вѣрнѣе скептически настроеннымъ.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ онъ обѣдать совершенно разстроенный и разсказалъ съ волненіемъ, что возлюбленная его исчезла, не оставивъ о себѣ никакихъ вѣстей и не простившись.

Она нѣсколько дней отсутствовала, затѣмъ снова вернулась. Послѣ продолжительнаго допроса она наконецъ объявила, что боится своего господина, у котораго она управляла хозяйствомъ. Онъ узналъ тогда, что, когда ночью она просыпалась, а онъ спалъ, его лицо бывало мертвенно блѣднымъ и неузнаваемымъ, что ее очень пугало.

Впрочемъ онъ никогда не могъ ложиться до полуночи, въ противномъ случаѣ онъ испытывалъ мученіе, какъ будто его передъ огнемъ жарятъ на вертелѣ, и ему приходилось выскакивать изъ постели.

— У васъ нѣтъ маніи преслѣдованія, — сказалъ онъ, прочитавъ *Inferno*, — но васъ преслѣдовали, однако и не люди.

Подстрекаемый моими разсказами, онъ началъ рыться

въ своихъ воспоминаніяхъ и передалъ мнѣ разныя необъяснимыя явленія изъ его жизни послѣднихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ, на Pont St.-Michel было пятно, проходя мимо котораго ему всегда приходилось останавливаться отъ судороги въ ногѣ. Это постоянно повторялось, и онъ далъ возможность друзьямъ въ этомъ убѣдиться. Онъ обратилъ вниманіе и на нѣкоторыя другія особенности и научился употреблять слово «наказанъ».

— Когда я курю, то бываю наказанъ; наказываютъ меня и тогда, когда я пью абсентъ.

Однажды встрѣтившись, еще до наступленія обѣденнаго часа, отправились мы въ кофейню De-la-Fregate на улицѣ du Vas. Среди оживленнаго разговора выбрали мы лучшее мѣсто и потребовали себѣ абсента. Разговоръ нашъ продолжался, какъ вдругъ товарищъ прервалъ его и, оглянувшись, сказалъ мнѣ:

— Видѣли ли вы такое собраніе бандитовъ? Вѣдь это все типы преступниковъ.

Оглянувшись въ свою очередь, я былъ пораженъ, такъ какъ это не была обычная публика этой кофейни, а всякій сбродъ, и многіе казались переодѣтыми и корчили гримасы. Мой товарищъ сѣлъ такъ, что за его спиной былъ желѣзный столбъ, который какъ бы исходилъ изъ его спины, а на высотѣ его спины онъ образовывалъ обручъ, какъ бы галстукъ.

— А вы сидите у позорнаго столба, — сказалъ я.

Намъ казалось теперь, что взоры всѣхъ обращены на насъ; намъ стало скучно, неловко, и мы встали, не допивъ абсентъ.

Это былъ послѣдній разъ, когда я съ товарищемъ пилъ

абсентъ. Одинъ я какъ-то снова попробовалъ выпить его, но затѣмъ попытку не повторялъ. Ожидая компанію для обѣда, сидѣлъ я какъ-то на тротуарѣ Сень-Жерменскаго бульвара, напротивъ Клюни, и заказалъ абсента. Въ эту же минуту появились откуда-то три фигуры и стали передо мной. Два парня въ разорванномъ и забрызганномъ грязью платьѣ, какъ будто они побывали у стока нечистотъ, а съ ними женщина съ непокрытой головой, взъерошенными волосами, со слѣдами прежней красоты, неряшливо и грязно одѣтая. Всѣ они смотрятъ на меня насмѣшливо, дерзко, цинично, какъ будто они меня знаютъ и ждутъ, что я ихъ приглашу съ собой за столъ. Такихъ типовъ я никогда не видалъ ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ, развѣ только въ пригородахъ Лондона, гдѣ публика дѣйствительно производитъ странное впечатлѣніе. Думая утомить глазѣющую на меня компанію, я закуриваю папироску, но цѣль моя не достигается. Тутъ блеснула у меня мысль: это не «настоящіе люди», это полупризраки, и, вспомнивъ свои прежнія приключенія, я встаю... и съ той поры я уже ни разу не рѣшился пробовать абсента.

* *
* *

Одно кажется мнѣ опредѣленнымъ среди шаткости моего настроенія, это то, что меня воспитываетъ какая-то невидимая рука, потому что логики въ томъ, что со мной происходитъ, я не вижу. Нѣтъ логики въ томъ, что загорается въ дымовой трубѣ или являются какія-то небывалыя фигуры, какъ только я пью абсентъ; будь логичный ходъ послѣдствій—я долженъ былъ бы заболѣть. Такъ же

точно нелогично, что ночью меня выталкивают из постели, если я среди дня сказалъ о комъ-нибудь дурное слово. Но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ проявляется сознательное, обдуманное намѣреніе, имѣющее хорошую цѣль, повиноваться которой мнѣ однако такъ трудно, въ особенности потому, что я по опыту такъ мало знаю хорошихъ и безкорыстныхъ намѣреній. Какъ бы то ни было, уже успѣла образоваться цѣлая система сигнализаций, которую я начинаю понимать и въ вѣрности которой я убѣдился.

Такъ, напримѣръ, я недѣль шесть не занимался химіей, и въ комнатѣ не было ни малѣйшаго запаха дыма. Въ одно прекрасное утро взялъ я для пробы свои приборы для приготовления золота и приготовилъ ванночки. Сію же минуту комната моя наполнилась дымомъ: онъ выступалъ изъ-подъ пола, изъ-за зеркала камина, отовсюду. Когда я позвалъ хозяина, онъ объявилъ мнѣ, что это необъяснимое явленіе, потому что дымъ отъ каменнаго угля, а во всемъ домѣ каменный уголь не употребляется. Слѣдовательно я не долженъ заниматься добываніемъ золота!

Жалобный дѣтскій голосъ, который часто раздается изъ печной трубы и которому нельзя дать естественнаго объясненія, означаетъ: «Ты долженъ быть прилежнымъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ: «Ты долженъ писать эту книгу и другимъ ничѣмъ не заниматься».

Если я предаюсь мятежнымъ мыслямъ, словамъ и писанію или затрогиваю непристойныя темы, то слышу грубый басъ, какъ бы исходящій изъ органа или изъ хобота разсерженнаго слона.

Я приведу два доказательства того, что это не мое субъективное впечатлѣніе.

Мы обѣдали однажды на площади Бастилии, — американецъ, французскій поэтъ и я. Разговоръ вращался нѣсколько часовъ сряду на темѣ объ искусствѣ и литературѣ, какъ вдругъ за десертомъ американецъ коснулся положенія холостяковъ. Сейчас же за стѣной послышался трубный ревъ слона. Я притворился, что ничего не слышу, но мои компаньоны, смутившись, перемѣнили тему разговора. Въ другой разъ я совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ завтракалъ съ однимъ шведомъ. Онъ заговорилъ, также за десертомъ, о *La bête* Гюисмана и хотѣлъ описать черную мессу. Въ ту же минуту затрубило, но на этотъ разъ изъ середины пустого въ то время зала.

— Что такое? — прервалъ онъ себя.

Я ничего не отвѣчалъ, а онъ продолжалъ ужасное описаніе.

Затрубило еще разъ и съ такой силой, что рассказчикъ, замолчавъ, сначала пролилъ стаканъ вина, а потомъ весь сливочникъ себѣ на платье и бросилъ тему, мучающую меня.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Читатель вѣроятно убѣдился въ томъ, что эта вторая часть, подъ заглавіемъ «*Иаковъ борется*», есть попытка символическаго описанія религіозной борьбы автора, при чемъ таковая не удалась. Поэтому-то это осталось отрывкомъ, разрѣшившимся, какъ и всѣ религіозные кризисы, хаосомъ. Изъ этого ясно, что изслѣдованіе тайнъ Провидѣнія при-

водитъ къ заблужденію и что всякая попытка приблизиться къ религіи путемъ разсужденія ведетъ къ абсурдамъ. Причина этого вѣроятно въ томъ, что религія, какъ и наука, начинается съ аксіомъ, имѣющихъ ту особенность, что ихъ не надо и нельзя доказывать, такъ что, кто старается доказать само собою понятные и необходимые принципы, тотъ только запутается.

Когда въ 1894 году авторъ принципиально покинулъ свой скептицизмъ, который угрожалъ разореніемъ всей его интеллектуальной жизни и сталъ, испытывая себя, на точку зрѣнія вѣрующаго, открылась для него новая духовная жизнь, описанная въ *Inferno* и въ этихъ Легендахъ. Въ это время, когда авторъ отказался отъ всякаго сопротивленія, онъ увидѣлъ себя жертвой нападенія невидимыхъ силъ, которыя грозили разорвать его въ клочки. Чуть ли не утопая, схватился онъ въ концѣ-концовъ за нѣкоторые легкіе предметы, которые могли бы удержать его на поверхности; но и они начали ускользать отъ него, и вопросъ о томъ, пойдеть ли онъ ко дну, сталъ только вопросомъ времени. Въ такія минуты соломинка становится въ глазахъ испугавшагося бревномъ, а затѣмъ сильная вѣра поднимаетъ утопающаго изъ воды, такъ что онъ можетъ ходить по волнамъ. *Credo, quia absurdum*, я вѣрю потому, что неопредѣленность, вытекающая изъ разсужденія, доказываетъ мнѣ, что я старался доказать аксіому.

* * *

Французскій писатель написалъ въ 80-хъ годахъ книгу противъ иезуитовъ, въ которой я на-дняхъ нашелъ слѣ-

дующую фразу: «Въ 1867 году предсказалъ я въ одной журнальной статьѣ, озаглавленной «Атеизмъ, зависящій отъ Провидѣнія», что теперь Богъ скроется, чтобы этимъ заставить людей тѣмъ усиленнѣе его искать».

Въ 1867 году! Это тогда, когда среди образованныхъ классовъ прекратилось всякое религіозное разсужденіе и когда Богъ исчезъ изъ литературы. Когда онъ снова вернется, кто знаетъ, такой ли онъ будетъ, какъ раньше, если онъ какъ все остальное растеть и развивается. Если онъ станетъ строже, то все же ему придется простить приверженцевъ агностицизма и искателей таинственнаго за то, что они его не нашли, потому что его не было или онъ ихъ не принялъ.

Лундъ. 23-го апрѣля 1898 г.

Авторъ.

Виттенбергскій
соловей.

Переводъ С. Григорьевой.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лютеръ отецъ.

Лютеръ мать.

Мартинъ Лютеръ,

Яковъ Лютеръ, братъ Мартина.

Докторъ Іоганнесъ (Фаустъ).

Дицель или Тецель, продавецъ индульгенцій.

Курфюрстъ Саксонскій Фридрихъ Мудрый.

Стаупицъ, настоятель Августинскаго монастыря.

Спалатинъ, канцлеръ при курфюрствѣ.

Алексіусъ, студентъ.

Францъ фонъ-Зикингенъ.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Эразмъ.

Рейхлинъ.

Докторъ Карлштадтъ.

Меланхтонъ.

Гансъ Саксъ, минезингеръ.

Лука Крапахъ, художникъ.
Пейтингеръ.
Констанція Пейтингеръ.
Императоръ Карлъ V.
Александръ, папскій посолъ.
Амсдорфъ и Шурфъ.
Леонардъ Кейзеръ.
Берлепшъ, комендантъ Вартбурга.
Гофмейстеръ Вартбурга.
Ратникъ.
Подмастерье.
Школьный учитель.
Доминиканецъ.
Студенты, монахи, печатники, придвор-
ные, слуги и другіе.

КАРТИНА I.

Родительскій домъ Лютера, 1492 годъ.

Мартинъ и Яковъ стоятъ передъ изразцовой печью и учатъ уроки по учебникамъ.

МАРТИНЪ. Нис, haec, hoc, genetivus hejus...

ЯКОВЪ. Hujus надо говорить!

МАРТИНЪ. Такъ здѣсь написано, но это невѣрно, потому что is, ea, id—въ родительномъ падежѣ будетъ ejus.

ЯКОВЪ. Надо говорить hujus, Мартинъ, потому что такъ написано въ книжкѣ.

МАРТИНЪ. А я все-таки не буду такъ говорить, я не хочу, чтобы это было hujus, не хочу!

ЯКОВЪ. Тогда ты опять получишь трепку, Мартинъ!..

МАРТИНЪ. Я все равно получу ее, если даже буду знать урокъ. Вчера отецъ спрашивалъ меня грамматику, и дома я отлично зналъ, а придя въ школу, не могъ отвѣтить, и магистеръ избилъ меня до крови. Потомъ я еще отъ матери получилъ трепку за то, что былъ избитъ въ школѣ, потому что это стыдно, говорить она.. Но я

считаю это несправедливымъ, и магистръ не человекъ! На боль я не обращаю вниманія, но стыдъ...

Яковъ. Тогда учись, Мартинъ!

Мартинъ. Чему же это поможетъ, онъ все-таки будетъ говорить, что я не знаю. Но знаешь, Яковъ, что самое худшее: онъ грозился побить меня при своихъ дѣвочкахъ; а это позоръ! Если только онъ это сдѣлаетъ — я брошусь въ воду или подожгу домъ; да, иногда мнѣ хотѣлось бы поджечь деревню, лѣсъ, весь міръ, потому что на свѣтѣ нѣтъ справедливости и вообще нѣтъ ничего хорошаго. Впрочемъ, я плюю на книги и все остальное... Бросаетъ книжку подъ шкафъ. Яковъ, давай убѣдимъ въ лѣсъ и сдѣлаемся разбойниками. Тогда мы ограбимъ садъ магистра!

Яковъ. Нѣтъ, я не хочу, потому что придутъ ратники и избьютъ насъ.

Мартинъ. Ты трусъ, Яковъ, но я не таковъ; и если я не сдѣлаюсь разбойникомъ, то пойду въ ученіе къ сапожнику. Это много лучше, чѣмъ сидѣть здѣсь и учить подобныя глупости. Нуjus? Я убѣжденъ, что должно быть hejus, но когда-то, какой-то старый школяръ сдѣлалъ ошибку, и потому она должна остаться навсегда. Теперь я покончилъ со школой и буду самъ себѣ господиномъ!

Яковъ. Чѣмъ же ты хочешь быть, Мартинъ?

Мартинъ. Я хочу быть королемъ!

Яковъ. Ты не въ своемъ умѣ.

Мартинъ. А если бы я умѣлъ колдовать, я сдѣлалъ бы, чтобы сейчасъ на столѣ появились всякія яства. Я хотѣлъ бы сейчасъ гуся со сливами.

Яковъ. Ты не долженъ такъ говорить, Мартинъ; нельзя говорить о колдовствѣ.

Мартинъ. Нельзя! Кто же можетъ запретить мнѣ говорить, о чемъ я хочу? Развѣ я не владѣю языкомъ, развѣ мнѣ не дана свободная воля?

Яковъ. Тише!.. Отецъ идетъ!

Мартинъ. Нѣтъ, онъ въ шахтѣ, а мать стираетъ у ландграфа.

Яковъ. Тогда это магистръ.

Мартинъ. Магистръ не человѣкъ!

Яковъ. Достань же книжку и читай на случай, если кто-нибудь войдетъ.

Мартинъ. Я не притворщикъ!

Яковъ. Дорогой Мартинъ, достань книгу!

Мартинъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Ты слышалъ?!

Яковъ. Тогда я самъ это сдѣлаю. Лѣзетъ подъ шкафъ и достаетъ оттуда книгу.

Мартинъ смотритъ въ окно. Кажется магистръ идетъ; кто-то приближается... Давай-ка сюда книгу!

Яковъ. Что если онъ вздумаетъ спросить насъ уроки?..

Мартинъ. Тогда, разумѣется, поколотить! Но чтобы дѣвочки видѣли это? Нѣтъ! Я ужъ лучше буду говорить *hujus*, хотя это и невѣрно; буду учить уроки, хоть это и не поможетъ... Не думаешь ли ты, Яковъ, что жертва могла бы помочь мнѣ въ этомъ случаѣ?

Яковъ. Чему могла бы она помочь?

Мартинъ. Чтобы я зналъ уроки, разумѣется.

Яковъ. Какую же жертву мы могли бы принести?

Мартинъ. Я жертвую свой кусокъ хлѣба, который

у меня въ карманѣ; я положу его за печку, откуда не смогу его больше достать, если потомъ раскаяюсь.

Яковъ. Тогда ужъ лучше отдать его какому-нибудь бѣдному. Здѣсь проходитъ такъ много нищихъ.

Мартинъ. Да, мы это сдѣлаемъ! Ахъ, если бы сейчасъ прошелъ бѣднякъ, ахъ, если бы онъ прошелъ... Давай молиться Божьей Матери, чтобы прошелъ бѣдный!

Яковъ. Въ такомъ случаѣ, помолись лучше, чтобы ты зналъ свой урокъ...

Мартинъ. Нѣтъ, этого не надо... потому что такъ мы точно выпрашиваемъ милостыню! Тише, теперь ужъ навѣрное кто-то идетъ... Учится. Нис, хаес, нос, genetivus hujus...

Подмастерье входить съ палкой и ранцемъ. Съ позволенія вашего, мальчики, или школьники, могу я найти пріютъ?

Мартинъ Якову. Это не онъ!

Подмастерье. Итакъ, гость, съ позволенія садись къ столу. Садитесь. Гдѣ отецъ и мать?

Мартинъ. Они ушли.

Подмастерье. Не можетъ ли подмастерье получить чего-нибудь поѣсть?

Мартинъ. Вотъ хлѣбъ!..

Подмастерье. Дай-ка взглянуть! Да, это хлѣбъ, котораго ты самъ, шельмецъ, не хочешь ѣсть; но во всякомъ случаѣ это хлѣбъ. Гдѣ же масло?

Мартинъ. У насъ нѣтъ масла!

Подмастерье. Ну и тяжелыя настали времена! Это хорошо извѣстно славному золотыхъ дѣлъ мастеру изъ

Нюрнберга. Итакъ, буду ѣсть хлѣбъ! Но пока я жую эту сухую корку—я прослушаю ваши уроки. Ну, разъ, два, три! Ты, Кунцъ, выглядишь очень бойкимъ малымъ...

Мартинъ. Меня зовутъ Мариномъ.

Подмастерье. Для меня ты зовешься Кунцемъ, потому что я такъ хочу; а моя воля для тебя законъ, пока я держу въ рукахъ этотъ кнутъ и пока не придетъ кто-нибудь посильнѣе на твою защиту. Теперь отвѣчай мнѣ, какъ зовутъ германскаго императора?

Мартинъ. Его зовутъ Фридрихомъ III.

Подмастерье. Это настолько же вѣрно, какъ и не вѣрно, потому что онъ зовется Фридрихомъ III какъ римскій императоръ, Фридрихомъ IV какъ нѣмецкій императоръ и Фридрихомъ V какъ эрцгерцога австрійскій. Что, мудрено? Теперь ты, Гейнцъ, какъ зовутъ папу римскаго?

Яковъ. Меня зовутъ Яковомъ.

Подмастерье. Но вѣдь ты не папа римскій и потому ты не отвѣтилъ на мой вопросъ. Кунцъ, встань, когда я тебя спрашиваю! Какъ зовутъ папу римскаго?

Мартинъ. Его зовутъ Александромъ.

Подмастерье. Вѣрно. Его зовутъ Александромъ VI Борджиа, и онъ представляетъ собой величайшую свинью, которая когда-нибудь существовала; я это знаю потому, что я былъ въ Римѣ... Ну, Гейнцъ, въ которомъ году христіанской эры мы живемъ?

Яковъ. Въ 1492 году по Рождествѣ Христовомъ.

Подмастерье. Совершенно вѣрно; это замѣчательный годъ, замѣтте себѣ! Однако, покончивъ съ императоромъ и папой, перейдемъ къ географіи... Кто-то стучится въ двери! Войдите!

Ратникъ входитъ. Могу ли я здѣсь найти пріютъ?

Подмастерье. Съ позволенія, господинъ ратникъ, входите и садитесь!

Ратникъ. Не найдется ли чего-нибудь выпить?

Подмастерье. Ни капельки! Плохія времена!..

Ратникъ. Не могу пожаловаться!

Подмастерье. Я имѣю въ виду золотыхъ дѣлъ мастеровъ...

Ратникъ. А я — ратниковъ.

Подмастерье ...потому что, видите ли, все золото уходитъ въ Римъ, и ничего не остается намъ для работы.

Ратникъ. А я какъ разъ иду въ Римъ и потому очень хорошо, что тамъ есть золото!

Подмастерье. А, вы направляетесь въ Римъ?.. Ну и свинья же новоизбранный папа!!

Ратникъ. Что за вздоръ вы говорите? Никогда еще у насъ не было такого лихого парня!

Подмастерье. Да, но онъ шуринъ своего сына и женатъ на своей собственной дочери!

Ратникъ. Что мнѣ до этого! Впрочемъ, вотъ императоръ, такъ тотъ дѣйствительно свинья. Онъ сидитъ и читаетъ книжки о растеніяхъ и насѣкомыхъ въ то время, когда венгерець осаждаетъ Вѣну, а турокъ вторгается въ Венгрію. Въ воздухъ носится какая-то зараза, и если мы скоро не добьемся чего-нибудь новаго, то вся Европа полетитъ въ преисподнюю.

Подмастерье. Видите ли, все идетъ изъ Рима...

Ратникъ. Не все идетъ изъ Рима, — я сейчасъ иду въ Римъ!

Подмастерье. Я былъ въ Римѣ...

... Ратникъ. Меня это не интересуетъ, потому что я хочу все видѣть самъ! Чего я не видѣлъ своими глазами, тому я не вѣрю, то не существуетъ для меня.

Подмастерье. А въ Римѣ есть что посмотреть. Хо! хо!

Ратникъ. Да, я хочу самъ все видѣть! Я не желаю ничего объ этомъ слушать!

Подмастерье. Кто-то стучится въ дверь... Войдите!

Доминиканецъ. Могу я здѣсь найти пріютъ?

Подмастерье. Входите и садитесь, братъ! Съ позволенія!

Доминиканецъ. Миръ вамъ, добрые люди!

Ратникъ. Откуда вы идете, братъ?

Доминиканецъ. Я иду изъ Рима.

Ратникъ. Быть не можетъ! Рассказывайте, рассказывайте! Я какъ разъ на пути туда. Правда ли, что вы тамъ живете какъ свиньи? Что кардиналы устраиваютъ ночныя оргіи съ голыми женщинами и что папа...

Доминиканецъ. Все это ложь!

Ратникъ. Однако, здорово же на свѣтѣ лгутъ!

Подмастерье. Лгутъ?.. Развѣ я самъ не былъ въ Римѣ и не видѣлъ своими глазами? Развѣ у папы нѣтъ ребенка отъ собственной дочери?

Доминиканецъ. Все это ложь! Александръ VI святой человекъ и для увеличенія церковной области онъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ кто бы то ни было изъ его предшественниковъ. Но у него есть сынъ — Цезарь Борджія, всѣмъ извѣстный шелопай, котораго подмастерье, очевидно, смѣшиваетъ съ отцомъ.

Подмастерье. Ничего я не смѣшиваю. Никогда въ

жизни я не слыхалъ ничего безстыднѣе... и къ тому же— какъ можетъ священникъ имѣть дѣтей? Развѣ имъ это позволено?

Доминиканецъ. Это ложь подмастерьевъ!.. Но *maxima debetur pueris reverentia!* будьте добры избрать другую тему для разговора въ присутствіи дѣтей.

Ратникъ. Да, но дѣйствительно ли это ложь!

Доминиканецъ. Это безусловная ложь, распространенная гуситами и еретиками.

Подмастерьевъ. Такъ пусть же чор...

Доминиканецъ. Придержи свой языкъ, подмастерье, или...

Ратникъ. Скажите, въ Римѣ найдется дѣло? Тамъ есть французы, турки?..

Подмастерьевъ, хватаясь за голову. Онъ говоритъ, что это ложь... какъ онъ смѣетъ говорить... а Гусъ, великій, незабвенный Гусъ...

Доминиканецъ. Гусъ былъ мерзостная падаль и потому сожженъ, какъ куча мусора! Берегись, малый! Послушайте, мальчики, не можете ли вы достать мнѣ лошадь?

Мартинъ. Нѣтъ, у насъ нѣтъ лошади.

Доминиканецъ. Я спрашиваю, не можете ли вы достать; если бы у васъ была лошадь, то не надо было бы доставать ее, дуракъ!

Мартинъ. У насъ нѣтъ лошади, и мы не можемъ достать.

Доминиканецъ. Ну, послушайте-ка его! Вотъ болтунъ! Мнѣ необходима лошадь!

Ратникъ. Здѣсь, въ бѣдномъ Мансфельдѣ трудно

держатъ ихъ... Кажется, кто-то стучится въ дверь... Войдите!

Доминиканецъ вздрагиваетъ.

Странникъ, маленькій сѣдой старикъ, входитъ.

Ратникъ. Входите и садитесь!

Странникъ садится.

Доминиканецъ. Откуда вы идете?

Странникъ. Изъ Виттенберга.

Доминиканецъ. Курфюрстъ былъ тамъ?

Странникъ. Да! Онъ былъ тамъ! Гм... не встрѣчались ли мы уже съ вами?

Доминиканецъ. Нѣтъ! Никогда!

Странникъ. А мнѣ все-таки кажется...

Ратникъ. Что новаго въ Виттенбергѣ?

Странникъ. Въ Виттенбергѣ — ничего. Но въ Виттенбергѣ я слышалъ одну исторію... Скажите, господа, не вспомните ли вы объ одномъ генуэзскомъ мореплавателѣ, который хотѣлъ проѣхать на западъ отъ Испаніи и отыскать путь въ Индію?

Доминиканецъ. Да, былъ такой идиотъ, который хотѣлъ отправиться на Западъ, чтобы пріѣхать на востокъ.

Странникъ. Да, это былъ идиотъ...

Ратникъ. Какой-то странный самоубійца, взявшій съ собой цѣлый отрядъ колодниковъ, чтобы сразу покончить со всей этой компаніей...

Странникъ. Такъ... такъ! Въ теченіе разговора старикъ становится все выше и выше, такъ что кажется, будто онъ растетъ.

Доминиканецъ. Не знаете ли вы, гдѣ мнѣ раздобыть лошадь?

Странникъ. Нѣтъ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя лошадь

въ деревнѣ украдена сегодня утромъ и найдена въ лѣсу
загнанной на смерть.

Доминиканецъ вздрагиваетъ.

Странникъ. Вы спрашиваете о новостяхъ. Не знаетъ
ли братъ-доминиканецъ Савонаролу во Флоренци?

Подмастерьевъ. Савонаролу? Золотыхъ дѣлъ мастера?
Я знаю такого!

Доминиканецъ страннику. Я знаю, что такое Саво-
нарола!

Странникъ. Что же онъ такое?

Доминиканецъ. Песъ шелудивый, вотъ что!..

Странникъ. Нѣтъ, это неправда!

Ратникъ. Вотъ, если бы сейчасъ нашлось чего-нибудь
выпить!

Подмастерьевъ. Да, это было бы недурно!

Странникъ. Вы хотите выпить? Не могу ли я услу-
жить вамъ стаканомъ вина?

Доминиканецъ. Какимъ образомъ?

Странникъ достааетъ 4 стакана и бутылку вина. А вотъ
какимъ!

Ратникъ пьетъ. Вотъ это такъ вино!

Подмастерьевъ. Съ позволенія, господинъ странникъ,
это вино!..

Доминиканецъ. Великолѣпное!

Странникъ выливаетъ свой стаканъ вина на столъ.

Доминиканецъ. Вы точно карту начертили на столъ.

Странникъ. Въ самомъ дѣлѣ похоже на карту? И
вы узнаете страну?

Доминиканецъ. Нѣтъ, это не похоже ни на какую
извѣстную страну.

Странникъ. Потому что она неизвѣтная. Теперь зажжемъ свѣчи и рассмотримъ поближе карту. Достаетъ мандлябрь, зажигаетъ свѣчи.

Ратникъ. Вотъ такъ запасливый господинъ!

Странникъ. Теперь будьте добры, господа, рассмотрите мою карту. Всѣ разсматриваютъ винное пятно на столѣ.

Странникъ. Что видите, братъ доминиканецъ?

Доминиканецъ. Это похоже на группу острововъ.

Странникъ. Не стоятъ ли тамъ на якорѣ корабли?

Подмастерье. Я вижу три корабля...

Ратникъ. Каравелла...

Доминиканецъ. Берегъ окаймляютъ пальмы, а вотъ краснокожіе голые люди... Пойдите!.. Воинъ въ испанской одеждѣ стоитъ на колѣняхъ; руки его сложены на рукояткѣ меча и... подождите немного... надѣваетъ очки. Тамъ кто-то держитъ знамя... Какое это знамя, ратникъ?

Ратникъ. Дайте взглянуть!.. Это кастильское знамя!

Странникъ. Да, кастильское! А воинъ...

Доминиканецъ. Не Колумбъ ли это? Нѣтъ? Молчалие.

Странникъ. Вамъ извѣстны инициалы нашего милостиваго императора?

Всѣ. Нѣтъ!

Странникъ. Если я иначе поставлю вопросъ, то получу на него отвѣтъ!.. Послушай, маленькій Мартинъ: назови мнѣ гласныя буквы нѣмецкаго алфавита.

Мартинъ. А, Е, I, О, У!

Странникъ. Вотъ инициалы императора! Мальчикъ этого не зналъ и все же смогъ отвѣтить!.. И это озна-

часть: *Austriae Est Imperare Orbi Universo!*. Переведи это, Яковъ!

Яковъ. Австрія будетъ владычествовать надъ всѣмъ міромъ.

Странникъ. Вѣрно! И это правда. Надъ всѣмъ міромъ, извѣстнымъ и неизвѣстнымъ! И это совершится при сынѣ его внука. Запомните это! Стираетъ вино со стола. *Finis!*..

Доминиканецъ. Кто вы такой?

Странникъ. Я знаю кто вы, что вы дѣлали и что намѣрены дѣлать! И я знаю, что сегодня столкнулись двѣ планеты и чтовъ этой комнатѣ завязалась связь между двумя судьбами. Кто я? Гм!.. Но вы-то Юганъ Дицель!

Доминиканецъ. Это ложь!

Странникъ. Ложь! Это единственное слово, которое вы умѣете произносить и потому въ наказаніе вамъ именно вы будете способствовать истинѣ; вы—слуга антихриста—низвергните антихриста, и вы—обманщикъ и угнетатель—принесете намъ свободу вопреки своему желанію!

Доминиканецъ. Накажи тебя Богъ, сатана!

Странникъ. И тебя, убійца!

Доминиканецъ, вскакивая. Ты или дьяволъ, или докторъ Ф...

Странникъ. Теперь ты узналъ, кто я; но ты все же меня еще не знаешь. Когда-нибудь ты познакомишься со мной!—Или впередъ! Я за тобой!

Доминиканецъ, отступая къ двери. Къ ратнику и полмастерю. Не садитесь за столъ съ колдуномъ, который продалъ свою душу дьяволу...

РАТНИКЪ. Дьяволу? Съ нимъ я не могу драться
Поднимается.

ПОДМАСТЕРЬЕ встаетъ, чтобы уйти. Колдунъ и я—это
несовмѣстимо! Возвращается и беретъ свой стаканъ.

СТРАННИКЪ убираетъ свои вещи и снова сокращается.

РАТНИКЪ, ДОМИНИКАНЕЦЪ и ПОДМАСТЕРЬЕ выхо-
дятъ изъ комнаты, пятясь задомъ и крестя странника.

СТРАННИКЪ. Дѣти, обѣщайте ничего не рассказывать
о томъ, что здѣсь говорилось и что происходило.

МАРТИНЪ. Я обѣщаю!

СТРАННИКЪ. Твою руку!

МАРТИНЪ. Вотъ моя рука и мое слово!

СТРАННИКЪ къ Якову. Ты—хрупкій сосудъ, и я боюсь
тебя разбить. Прощайте! Уходить.

МАРТИНЪ. Тебѣ страшно, Яковъ?

ЯКОВЪ. Да, страшно! Это были дурные люди!

МАРТИНЪ. А мнѣ колдунъ очень понравился, онъ
говорилъ такъ умно...

ЯКОВЪ. Сохрани тебя Богъ, Мартинъ.

МАРТИНЪ. Да, если бы онъ захотѣлъ, то я бы зналъ
свой урокъ и избѣжалъ бы побоевъ, несправедливыхъ,
конечно, потому что это было несправедливо со стороны
матери побить меня нѣсколько дней тому назадъ за одинъ
орѣхъ; ты помнишь это, Яковъ?

ЯКОВЪ. Да, я помню, но развѣ ты не взялъ его?

МАРТИНЪ. Нѣтъ, я тебѣ говорю, что нѣтъ и нѣтъ!
Тѣмъ болѣе, что потомъ я даже нашелъ его.

ЯКОВЪ. Почему же ты объ этомъ не сказалъ сей-
часъ же?

МАРТИНЪ. Почему? Если бы я осмѣлился сказать ма-

тери, что она нагала на меня, то отецъ убилъ бы меня на мѣстѣ.

Яковъ. Нужно все терпѣть отъ родителей.

Мартинъ. Но почему же? Почему?

Яковъ. Ты всегда спрашиваешь почему, Мартинъ!

Мартинъ. Да, я хочу знать почему, отчего это такъ, а это иначе. Я хочу знать, когда я долженъ слушаться.

Яковъ. Тише! Родители услышатъ.

Мартинъ. Опять будетъ исторія, ужъ это вѣрно!

Яковъ. Возьми книгу и не отвѣчай такъ рѣзко...

Мартинъ. Нѣтъ, я буду отвѣчать такъ, какъ есть, иначе я буду лгуномъ и лицомъ-бромъ, а я не хочу этого!

Яковъ. Тише! Вотъ отецъ сбрасываетъ на дворѣ вязанку дровъ, а послѣ этого онъ бываетъ золъ!

Мартинъ. По-моему онъ всегда злой и мать тоже.

Яковъ. Молчи, Мартинъ, и будь послушенъ.

Отецъ Лютеръ входитъ съ топоромъ въ рукахъ.

Мать Лютеръ съ ведромъ и валькомъ.

Отецъ Лютеръ снимаетъ сапоги. Посмотри, Маргарита, я опять натеръ себѣ ноги до крови...

Мать Лютеръ. А взгляни на мои руки! И все это для этихъ неблагодарныхъ дѣтей!

Отецъ. Учили вы свои уроки?

Яковъ. Да, мы ихъ знаемъ.

Отецъ. Я спрашиваю, учили ли вы уроки; знаете ли вы ихъ, можетъ быть извѣстно не раньше, чѣмъ вы ихъ отвѣтите магистру. Знать уроки—это милость Божья, это награда, и потому хорошія дѣти всегда знаютъ свои уроки, а непослушныя никогда, даже, если они прилежны. У тебя чешется языкъ, Мартинъ, тебѣ хочется возразить на это,

но ты не смѣешь! Слушай, молчи и повинуйся! Это полезно дѣтямъ!

Мать. И прежде всего будь честенъ, Мартинъ!

Мартинъ. Я честенъ.

Мать. Кто крадетъ, тотъ нечестенъ!

Мартинъ. Я не крадь, мать!

Мать. Каково имѣть ребенка, который воруетъ лжеть!

Мартинъ. Я не укралъ и не солгалъ, клянусь святой Троицей!

Мать. Онъ еще клянется! Ты получишь у меня кое-что, прежде чѣмъ ляжешь въ постель. Непремѣнно получишь!

Отецъ. Послушайте, послушайте! Что вы тутъ дѣлали на столѣ? Молчаніе.

Отецъ. Мартинъ, что вы дѣлали здѣсь на столѣ! Тутъ огромное пятно!

Мартинъ. Я не подходилъ къ столу.

Отецъ. Ты покраснѣлъ! Значитъ, ты лжешь!

Мартинъ. Можно покраснѣть отъ злости, когда тебя несправедливо заподозрѣваютъ.

Отецъ. Ты еще отвѣчаешь, негодяй! Я думаю, я сдѣлалъ бы лучше, если бы самъ отрубилъ тебѣ голову, не дожидаясь, чтобы это сдѣлалъ палачъ. Что дѣлали вы на столѣ?

Мартинъ. Ничего! А если вы будете безъ причины бить меня, то я пойду и повѣшусь!

Яковъ. Не бейте его, онъ не виноватъ!

Отецъ. Такъ это ты сдѣлалъ?

Яковъ. Нѣтъ, не я!

Отецъ. Не хочешь ли ты меня увѣрить, что это сдѣ-
лалось само собой?

Яковъ. Нѣтъ!

Отецъ. Отвѣчай, но не лги!

Яковъ. Здѣсь былъ гости!

Отецъ. Такъ, такъ, у васъ были гости! Это были,
конечно, важные господа и вы угощали ихъ чѣмъ нибудь?
У васъ было, вѣроятно, Рейнское вино, и вы пролили его
на столъ?

Яковъ. Да, они принесли съ собой вино, и при этомъ
здѣсь былъ докторъ; онъ начертилъ изъ вина карту,
которая имѣла что-то общее съ кастильскимъ знаменемъ...

Отецъ. Послушай, мать, не сходишь ли ты въ чуланъ
за плетью?

Мать. Да, если это для Мартина: это онъ научилъ
своего брата лгать!

Мартинъ. Яковъ не лжетъ!

Отецъ. Не думаешь ли ты убѣдить меня, что его раз-
бойничья сказка—правда? Расскажи, что здѣсь произо-
шло?

Мартинъ. Нѣтъ, я не могу этого сдѣлать, потому
что обѣщаль молчать.

Отецъ. Послушай, что онъ говоритъ!

Мать. Въ него вселился бѣсъ, котораго я знаю чѣмъ
изгнать!

Мартинъ. Здѣсь были чужіе, которые просили приюта,
пили вино и пролили его на столъ. Вотъ и все; больше
я ничего не скажу, потому что я далъ слово молчать.
А обѣщаніе надо исполнять!

Отецъ. Мать, поиди принеси плеть, чтобы я могъ исполнить свое обѣщаніе!

Мать. Да, но только не для Якова.

Отецъ. Сначала одного, потомъ другого! Слыхано ли что-нибудь подобное: чертить карту изъ вина! Иди сейчасъ же, мать!

Мать. Я пойду, но только не тронь Якова, онъ невиновать.

Мартинъ. Такъ же какъ и я. А орѣхъ, за который ты меня побилъ, я нашелъ. Я бросилъ его въ огонь и просилъ Бога проклясть его, чтобы изъ него не выросло дерево и не причинило бы несчастья кому-нибудь изъ людей.

Отецъ. Это говорить не онъ, это дьяволъ говорить въ немъ; и ты кончишь на плахѣ или на костре. Мать, иди сейчасъ же!

Мать идетъ къ двери.

Школьный учитель быстро входитъ. Миръ вамъ добрые люди! Вышлите на кухню дѣтей, я сообщу вамъ важныя и пріятныя вѣсти.

Отецъ, оживляясь. Садитесь, господинъ учитель, садитесь!

Учитель. Дѣти освобождаются отъ занятій по случаю важнаго событія. Какъ разъ теперь въ Римѣ коронуется святой отецъ, и этому радуется весь христіанскій міръ. Идите, мальчики, играть! Сегодня вы освобождаетесь отъ всякаго наказанія!

Мартинъ и Яковъ выходятъ на кухню.

Учитель. Всеобщая амнистія!

Отецъ. Да, да, молодежь! Миѣ кажется, она должна

бы получать даже несправедливыя наказанія, чтобы при-
выкнуть къ несправедливости жизни, какъ это сдѣлалъ я.

Учитель. Нѣтъ, отецъ Гансъ, этого не должно быть,
потому что тогда они потеряютъ вѣру въ справедливость
и сдѣлаются негодяями. Къ тому же вотъ и вамъ оказана
справедливость: ландграфъ жалуетъ вамъ двѣ шахтныя
печи.

Отецъ. Я получу ихъ?

Учитель. Да, и теперь вамъ больше не понадобится
рубить дрова!

Отецъ. Ты слышишь, мать, мнѣ дадутъ двѣ шахтныя
печи!

Мать. Да, слава тебѣ Господи, но надо признаться,
это досталось намъ не слишкомъ рано!

Учитель. Не слѣдуетъ такъ говорить, когда полу-
чаешь подарокъ! Не скажите того же, узнавъ о другомъ
дарѣ: наша добрая госпожа Готта изъ Эйзенаха хочетъ
взять къ себѣ Мартина и отдать его въ школу.

Мать. Мартина, а не Якова?

Учитель. Да, она любитъ больше Исава, и этого
ужь не измѣнишь. У него, знаете ли, хорошая голова, къ
тому же онъ можетъ пѣть.

Отецъ. Да, глотка у него изрядная, хоть кого оглу-
шить; а лжетъ — какъ рысакъ бѣгаетъ...

Учитель. Я не замѣчалъ этого.

Мать. И воруетъ!

Учитель. Вотъ ужь это неправда! Вы говорите это
по поводу орѣха? Въ этомъ онъ неповиненъ, я самъ ви-
дѣлъ, какъ онъ его нашель.

Отецъ. Вы это видѣли? Но вы, надѣюсь, не думаете, чтобы родители должны были просить прощенія?

Учитель. Это ужъ *casus conscientiae*, вопросъ совѣсти, который я не берусь рѣшать. Однако вы теперь отдѣляетесь отъ Мартина и какъ разъ во-время, потому что здѣсь онъ непременно испортился бы. — Итакъ, у насъ новый папа, да? Что говорятъ о Борджіа?

Отецъ. Правда ли то, что о немъ рассказываютъ?

Учитель. Да, правда! Кривосмѣшеніе доказано, поговариваютъ также о небольшомъ убійствѣ. Но въ такое смутное время нельзя предъявлять къ людямъ слишкомъ большихъ требованій.

Мать. Это должно быть самъ антихристъ и, видно, наступаютъ тяжкія времена!

Учитель. Да, бываютъ странныя обстоятельства, но это не касается насъ, маленькихъ людей... Былъ ли у васъ тоже колдунъ?

Отецъ. Колдунъ?

Учитель. Да, здѣсь въ деревнѣ у сапожника былъ колдунъ и чертилъ на столѣ географическую карту изъ вина... потомъ болталъ всякій вздоръ...

Отецъ. Чертилъ географическую карту изъ вина?..

Учитель. Да, они дѣлаютъ подобные фокусы... Онъ, вѣроятно, былъ у васъ тоже.

Отецъ. Послушай, мать, пойди скажи дѣтямъ, что они могутъ идти играть куда хотятъ!.. Никогда еще я не слыхалъ ничего подобнаго! Вотъ ужъ подлинно: вѣкъ живи — вѣкъ учись!

Мать идетъ въ кухню.

Учитель матери. Скажите Мартину ласковое слово! Одно только! Это дѣйствуетъ лучше всякой палки.

Отецъ. Чего только не приходится переживать!

Учитель. Предстоитъ еще не то! Императоръ при смерти; а съ Максимилианомъ Германія получить Бургундію и Нидерланды, быть можетъ также и Испанію!

Отецъ. Чего только не приходится переживать, говорю я, да!

Учитель. Да, что намъ предстоитъ еще!

КАРТИНА II.

Библиотека курфюрста въ Виттенбергъ.

За лѣвымъ столомъ сидятъ Дицель и фонъ-Гуттенъ (инкогнито). За правымъ — докторъ Иоганнесъ и д-ръ Лютврь. Стаупицъ (августинскій монахъ) и Спалатинъ стоятъ у нижняго конца сцены и разговариваютъ вполголоса.

Стаупицъ. Смотри, Спалатинъ, теперь они принялись за чтеніе! Что жъ, не мѣшаетъ!

Спалатинъ. А что они пишутъ!.. Этотъ Эразмъ настоящая скребница, сдирающая кожу вмѣстѣ съ паразитами.

Стаупицъ. Теперь они нападаютъ на монаховъ, на цѣлое сословіе. И въ самомъ дѣлѣ, я стыжусь носить эту одежду, когда слышу или читаю рассказы о монастырской жизни. Ты слышалъ послѣднюю исторію о кражѣ лошади и объ убійствѣ?

Спалатинъ. Да! Монастырская жизнь извращена вконецъ, и это было извѣстно еще сто лѣтъ тому назадъ итальянскому поэту Боккачіо. Ты можешь мнѣ повѣрить, что теперь его будутъ охотно читать, когда онъ будетъ

напечатанъ! Посмотри, вотъ этотъ за лѣвымъ столомъ какъ разъ его читаетъ! Ему нравится!

Стаупицъ. А кто это?

Спалатинъ. Не знаю. Гостепріимство здѣсь развито такъ широко; но я слышалъ, что это другъ фонъ-Зикингена. Читалъ ли ты Боккачіо?

Стаупицъ. Нѣтъ! Это, говорятъ, отвратительная книга...

Спалатинъ. Которая, однако, съ удовольствіемъ прочтена была самимъ святымъ отцомъ...

Стаупицъ. Если въ томъ, что онъ пишетъ, есть правда — то это имѣетъ значеніе.

Спалатинъ. Не знаешь ли ты, кто этотъ доминиканецъ за правымъ столомъ?

Стаупицъ. Нѣтъ! Знаю только, что его зовутъ Дидель, или Тецель, и что онъ читаетъ декретали. Здѣсь оттачиваютъ ножи, а я верчу колесо.

Спалатинъ. Какое твое личное мнѣніе о монастырской жизни, другъ Стаупицъ?

Стаупицъ. Какъ мѣсто для излѣченія больныхъ — монастыри хороши; но для здоровыхъ они не годятся!

Спалатинъ. Ну, а какъ высшія школы, съ тѣхъ поръ какъ у насъ имѣются университеты — они излишни!

Стаупицъ. Совершенно!.. Знаешь ли, Спалатинъ, между нами говоря, религія какъ обязанность можетъ быть извращена почти до порока! И я стремлюсь уйти изъ монастыря.. Курфюрстъ идетъ!

Спалатинъ. Добрый курфюрстъ, одной рукой собирающій мощи, другой обласкивающій еретиковъ!

Стаупицъ. Еретиковъ?

Спалатинъ. Да, вѣдь отчасти мы всѣ еретики.. штъ, это не курфюрстъ!

Стаупицъ. А кто этотъ черный магистръ въ концѣ стола, направо?

Спалатинъ. Кажется его зовутъ докторъ Иоганнесь; онъ пользуется славой колдуна.

Стаупицъ. Я говорю о томъ, что рядомъ съ нимъ.

Спалатинъ. Этотъ? Это новый магистръ; его зовутъ — Лютеръ. Совсѣмъ неизвѣстный.

Стаупицъ. Что онъ изучаетъ?

Спалатинъ. Вѣроятно юриспруденцію... Курфюрстъ идетъ!

Курфюрстъ входитъ. Всѣ встаютъ и по знаку курфюрста снова садятся.

Курфюрстъ. Ну, мой добрый Спалатинъ, источникъ всякой мудрости, скажи мнѣ, гдѣ теперь находится Колумбъ?

Спалатинъ. По послѣднимъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ Колумбъ проѣзда въ Индію не нашель.

Курфюрстъ. Не удалось? Но гдѣ же онъ теперь и какую неизвѣстную страну нашель онъ?

Спалатинъ. Онъ открылъ Новый Свѣтъ.

Курфюрстъ. Гдѣ онъ лежитъ?

Спалатинъ. Гдѣ?.. На Западъ отъ Испаніи! Тамъ, гдѣ прежде былъ конецъ свѣта!

Курфюрстъ. Не можетъ ли кто-нибудь объяснить это? Существуетъ ли смертный, способный дать мнѣ объясненіе?

Д-ръ Иоганнесь, почтительно приподнимаясь. Простите

мою смѣлость, но, такъ какъ курфюрсту угодно было обратить вопросъ ко всѣмъ — прошу позволить мнѣ отвѣтить.

Курфюрстъ. Будьте такъ добры!

Д-ръ Иоганнесъ. Христофоръ Колумбъ находится въ настоящее время на другой сторонѣ земли.

Курфюрстъ. Развѣ у земли не одна сторона?

Д-ръ Иоганнесъ. У нея ихъ безконечно много, потому что она представляетъ собою шаръ.

Курфюрстъ. Что я слышу? Покажите и докажите мнѣ это!

Д-ръ Иоганнесъ достаетъ глобусъ, стоявшій подъ столомъ. Вотъ какова форма земли...

Курфюрстъ. Въ своемъ ли онъ умѣ?

Д-ръ Иоганнесъ... и приблизительно такой видъ имѣетъ Новый Свѣтъ.

Курфюрстъ. Откуда же это вамъ извѣстно?

Д-ръ Иоганнесъ. Это было извѣстно еще въ древности, но никто не хотѣлъ вѣрить. А вѣра есть...

Курфюрстъ. Продолжайте!

Д-ръ Иоганнесъ. При своемъ первомъ посѣщеніи Ватикана я нашелъ манускриптъ одного совершенно неизвѣстнаго грека, по имени Агесіанакса...

Курфюрстъ. Не знаю такого! Не знаешь ли ты его, Спалатинъ?

Спалатинъ. Мнѣ знакомо только имя.

Д-ръ Иоганнесъ. Этотъ ученый наблюдалъ на лунѣ темныя, похожія на карту, изображенія и по ихъ изогнутымъ очертаніямъ заключилъ, что онѣ представляютъ собой отраженія различныхъ странъ земли. Но такъ какъ среди

нихъ были и такія, которыхъ онъ не могъ отождествить съ извѣстными ему странами, то онъ заключилъ отсюда о существованіи континента, который еще не открытъ.

Курфюрстъ. Я не желаю больше слушать! Уберите это прочь. Уберите!... Спалатину. Есть отъ чего съ ума сойти! Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ, Спалатинъ... Мой университетъ въ Виттенбергѣ долженъ имѣть профессоровъ всѣхъ факультетовъ, и на тебѣ лежитъ обязанность позаботиться объ этомъ. А въ новую церковь я отдамъ на сохраненіе останки святыхъ, которыя я такъ долго собиралъ!... Послушай, Спалатинъ, что слышно новаго изъ Рима?

Спалатинъ. Быть можетъ вашей свѣтлости угодно будетъ прослѣдовать въ приемную?

Курфюрстъ. Развѣ такія важныя вѣсти? Хорошо! Спалатинъ и курфюрстъ уходятъ. Спалатинъ возвращается и дѣлаетъ знакъ Стаупицу, который слѣдуетъ за нимъ.

Фонъ-Гуттенъ весело, вставая. Вотъ такъ! Теперь враги, впередъ, безъ приглашенія! Спасибо, докторъ, за шаръ! Если это и не вѣрно, то, во всякомъ случаѣ, ново разсматривать землю съ обратной стороны. А я люблю все новое! О, теперь наступаютъ новыя времена. Умы пробуждаются, и является охота жить!

Д-ръ Іоганнесъ. Съ кѣмъ имѣю честь?

Фонъ-Гуттенъ. Къ чему имена, постараемся сначала ихъ себѣ составить. Я homo novus и пишу объ обскурантахъ, темныхъ людяхъ, черныхъ людяхъ, о конокрадахъ и угнетателяхъ...

Дицель. Прошу не нарушать тишины въ библиотекѣ

Фонъ-Гуттенъ. Кто это тамъ говорить? Не слишкомъ ли это громко сказано? Ужъ не стоитъ ли тамъ, внизу, у Зальцкаммергута жандармъ, чтобы доставить необходимые свѣдѣнія? Быть можетъ кое-кто, сидѣвшій уже разъ въ мѣшкѣ, долженъ теперь покончить свою жизнь во власяницѣ. Быть можетъ кое-кто за 50 дукатовъ продалъ конокраду изъ Мансфельда отпущеніе грѣховъ.

Дицель. Это ложь!

Д-ръ Иоганнесъ. Отецъ лжи! Мы уже встрѣчались съ тобой.

Дицель. Я имѣю честь...—хотя, собственно, это не составляетъ чести для меня — знать васъ!

Фонъ-Гуттенъ. Уходи! Я буду слѣдить за тобой до самаго суда, до плетей, до висѣлицы...

Дицель озирается. Теперь я узналъ тебя и буду преслѣдовать тебя до... твоей свадьбы, въ особенности когда ты будешь дѣлать предложеніе любимой дѣвушкѣ, я буду стоять поблизости и скажу ей: откажите ему — у него *morbus gallicus*. Когда ты будешь сидѣть за столомъ въ качествѣ гостя, я буду здѣсь и стану предостерегать всѣхъ: не пейте съ этимъ человѣкомъ изъ одного стакана — у него люесь!

Фонъ-Гуттенъ. Да, у меня люесь, но я честно приобрѣлъ его какъ мужчина въ открытомъ поединкѣ любви, а ты получилъ свой — въ мѣстѣ, котораго не называютъ, и способомъ, который зовется *mos feragum*. Иди, ты бѣглый рабъ, и скажи твоему господину, что ты видѣлъ Ульриха фонъ-Гуттена изъ Штекельберга; но берегись лѣсныхъ засадъ и мрака ущелій! Берегись потоковъ

и жгучаго огня — рука моя длинна и глазъ зорокъ, какъ у рыси... Ты еще здѣсь!

Дицель исчезаетъ.

Фонъ-Гуттенъ. Простите, господа! Теперь вамъ извѣстна моя тайна, которая является моимъ злымъ рокомъ!

Д-ръ Иоганнесъ. Мы уважаемъ вашу тайну, тайну, которую носить въ себѣ четвертая часть всѣхъ нѣмцевъ! Извѣстно ли вамъ, напримѣръ, господа, чему обязанъ Виттенбергъ своимъ университетомъ? Ученые и профессора въ Лейпцигѣ въ вопросѣ о лѣченіи morbus gallicus дошли до такого ожесточеннаго спора, что не могли больше жить въ одномъ городѣ!

Фонъ-Гуттенъ. Эта болѣзнь должна бы собственно называться morbus romanus, потому что она пришла изъ Рима, какъ и всякая зараза. Поэтому мое первое и послѣднее слово — Римъ долженъ быть разрушенъ! Roma est delenda!

Д-ръ Иоганнесъ. Слыхали ли вы, господа, послѣднія извѣстія изъ Рима? Въ баняхъ Тита, уничтожившаго Иерусалимъ, найдена статуя, изображающая Лаокоона, троянскаго жреца, который, какъ вамъ извѣстно, хотѣлъ спасти Троя отъ деревяннаго коня и непріятельскихъ воиновъ. Въ наказаніе за это Аполлонъ послалъ на Лаокоона двухъ змѣй, умертвившихъ его и двухъ его сыновей. Эта статуя такъ понравилась вѣблмошнымъ римлянамъ, что они процессіей носили ее по улицамъ подъ звонъ церковныхъ колоколовъ.

Фонъ-Гуттенъ. Это можно было бы назвать знаменіемъ времени!

Д-ръ Іоганнесъ. Вы думаете, что въ стѣнахъ Рима и въ настоящее время имѣется свой деревянный конь?

Фонъ-Гуттенъ. Я такъ думаю! И я вѣрю, что Римъ будетъ разрушенъ! Roma est delenda! Прощайте, господа! Уходить.

Д-ръ Іоганнесъ подаетъ Лютеру большую книгу. Читали ли вы, магистеръ, эту книгу?

Лютеръ. Нѣтъ! Я изучаю пандекты; я готовлюсь быть юристомъ.

Д-ръ Іоганнесъ. Да, но все же вамъ не мѣшаетъ съ ней познакомиться!

Лютеръ. Что это за книга? Библія? Вся библія?

Д-ръ Іоганнесъ. Все священное писаніе!

Лютеръ. Развѣ оно такое обширное? Я видѣлъ только Евангеліе и посланія, которыя лежатъ на алтарѣ.

Д-ръ Іоганнесъ. Эта книга скрываетъ въ себѣ много тайнъ; это поистинѣ чудесная книга.

Лютеръ. Я этому не вѣрю.

Д-ръ Іоганнесъ. Испытайте! откройте, гдѣ хотите.

Лютеръ открываетъ и читаетъ... Что здѣсь написано? «Отрокъ же Самуилъ служилъ Господу подъ руководствомъ Іліи, слово Господне было рѣдко въ тѣ дни и было мало пророчествъ»...— Вѣрно. Читаетъ. «И Самуилъ возрасталъ, и Господь былъ съ нимъ и не допустилъ ни одному изъ словъ Его тщетно упасть на землю. И весь Израиль узналъ, что Самуилъ былъ вѣрный пророкъ Господа Бога». Читаетъ. «И филистимляне взяли Ковчегъ Господень и поставили его рядомъ съ идоломъ Дагономъ. И когда встали на другой день утромъ, то нашли Дагона лежащимъ ницъ на землѣ передъ Ковчегомъ Господа!» —

Да, къ сожалѣнію идола все еще существуютъ! Этого нельзя отрицать... Удивительно какъ это похоже на то, что происходитъ сейчасъ! Можно подумать, что это написано вчера... И въ настоящее время нуженъ былъ бы такой же Самуиль, но гдѣ его найти?..

Д-ръ Иоганнесъ, кладя руку на плечо Лютера. Вотъ онъ!

Лютеръ. Не богохульствуйте! Я — человекъ отъ міра сего, изъ плоти и крови, съ большою склонностью къ полнотѣ!...

Д-ръ Иоганнесъ. Римъ лежитъ въ странѣ филистимлянъ.

Лютеръ. Не отзывайтесь дурно о Римѣ; это священное мѣсто, гдѣ обитаетъ Богъ.

Д-ръ Иоганнесъ. Прежде обиталъ. Теперь тамъ антихристъ.

Лютеръ. Это я еще посмотрю; если, впрочемъ, мнѣ удастся...

Алексіусъ входитъ возбужденный, разстроенный. Прости, что я помѣшалъ! Мартинъ, помоги мнѣ! Пойдемъ со мной.

Лютеръ. Мнѣ некогда!

Алексіусъ. Ради Бога! Я нахожусь въ ужасномъ положеніи!

Лютеръ. Это меня не касается! Ты можешь самъ улаживать свои грязныя исторіи.

Алексіусъ. Мартинъ, выслушай меня!

Лютеръ. Иди своей дорогой!

Алексіусъ. Куда? Куда мнѣ идти?

Лютеръ. Хоть къ самому дьяволу?

Алексіусъ. Ты когда-нибудь въ этомъ раскаешься, Мартинъ!

Лютеръ. Я никогда не дѣлаю ничего такого, въ чемъ бы мнѣ пришлось потомъ раскаиваться!

Алексіусъ. Пусть Господь смилуется надъ тобой, если ты когда-нибудь очнешься отъ своего безграничнаго эгоизма!

Лютеръ. Стыдись! Я вовсе не эгоистъ!

Алексіусъ уходитъ въ слезахъ.

Лютеръ. Онъ еще плачетъ, чортъ возьми! Да, докторъ, я хотѣлъ бы взять съ собой эту книгу, она принадлежитъ вамъ?

Д-ръ Іоганнесъ. Она моя, вы можете пользоваться ею! Но берегитесь—это обоюдоострое оружіе; смотрите, не обурядьтесь!

Лютеръ. Я не обрѣзался на Аристотелѣ, да къ тому же у Мартина Лютера толстая кожа... Послушайте, не встрѣчались ли мы когда-нибудь съ вами?

Д-ръ Іоганнесъ. Да, въ домѣ вашихъ родителей.

Лютеръ. Такъ, такъ! Вы чертили карту изъ вина и продали свою душу дьяволу?

Д-ръ Іоганнесъ. Именно! Вы вѣрите послѣднему?

Лютеръ. Кто можетъ знать?..

Д-ръ Іоганнесъ. Можетъ ли магистръ вѣрить подобнымъ баснямъ? И нужно ли дьяволу покупать то, что въ такомъ изобиліи получаешь gratis?

Лютеръ. Сейчасъ я отправляюсь въ консисторію, потомъ пойду домой и буду читать библію; посмотримъ, смогу

ли я раскусить ее! Прощайте, докторъ! Мы еще увидимся.

Д-ръ Гюганнестъ. Здѣсь мы можемъ встрѣчаться каждый день.

Лютеръ. Хорошо! И мы будемъ добрыми друзьями, если только вы оставите въ покоѣ Римъ.

КАРТИНА III.

Передъ студенческой комнатою Алексіуса.

На заднемъ планѣ три двери, на переднемъ — столъ со стаканами и рюмками.

Лютеръ и Карлштадтъ входятъ.

Лютеръ. Карлштадтъ, подожди одну минуту; я долженъ зайти къ Алексіусу, сегодня онъ поѣдетъ со мной въ Мансфельдъ.

Карлштадтъ. Age!

Лютеръ. А этого канальи опять нѣтъ дома. Должно быть онъ скоро придетъ. Садись сюда, подождемъ его!

Карлштадтъ. Ты такъ встревоженъ, Мартинъ, что съ тобой?

Лютеръ. Плохо спалъ, видѣлъ дурной сонъ, къ тому же долго читалъ.

Карлштадтъ. Что ты читалъ?

Лютеръ. Библию! Это замѣчательная книга!

Карлштадтъ. О чемъ же въ ней говорится?

Лютеръ. Обо всемъ!

КАРЛШТАДТЪ. Что сказано тамъ объ отпущеніи грѣховъ?

ЛЮТЕРЪ. Отпущеніе — это искупительныя деньги.

КАРЛШТАДТЪ. Но вѣдь убійство и клятвопреступленія неискупимы..

ЛЮТЕРЪ. Этого я еще не уяснилъ себѣ вполнѣ. Нѣтъ, въ этой книгѣ заключается что-то другое; въ ней есть нѣчто личное, индивидуальное для каждаго въ отдѣльности. Это страшная книга, и я желалъ бы лучше никогда не читать ее. Мнѣ кажется, что теперь, когда я познакомился съ ней — веселье утрачено мной навсегда.

КАРЛШТАДТЪ. Ты философствуешь, Мартинъ?

ЛЮТЕРЪ. Это помимо моей воли.. Но какъ долго не возвращается Алексіусъ!..

КАРЛШТАДТЪ. Твой юный другъ не даромъ слыветъ за легкомысленнаго повѣсу.

ЛЮТЕРЪ. Онъ молодецъ! Положимъ и я не старъ; впрочемъ, мнѣ казалось, что я сумѣю повести его по лучшему пути.

КАРЛШТАДТЪ. Когда ты видѣлъ его въ послѣдній разъ?

ЛЮТЕРЪ. Вчера, въ библиотекѣ. Я былъ, пожалуй, нѣсколько нетерпѣливъ и недружелюбенъ съ нимъ... я почти упрекаю себя сейчасъ за это... Знаешь, въ библиотекѣ приходится иногда слышать такія вещи.. я слышалъ вчера ужасную исторію, которой я даже не очень вѣрю... Что это, кто-то въ комнатѣ Алексіуса... или...

КАРЛШТАДТЪ. Нѣтъ, это просто бѣгаетъ кошка.

ЛЮТЕРЪ. Я нахожу, что здѣсь какъ-то неуютно.

КАРЛШТАДТЪ. Я не замѣчаю этого... но ты весь въ поту, Мартинъ!..

ЛЮТЕРЪ. Развѣ?

КАРЛШТАДТЪ. Послушай, почему ты изучаешь юриспруденцію?

ЛЮТЕРЪ. Потому что этого желаетъ мой отецъ; онъ теперь сталъ ратманомъ и хочетъ сдѣлать изъ меня чиновника, а затѣмъ выгодно женить.

КАРЛШТАДТЪ. А ты предпочитаешь изученіе древне-классическихъ языковъ...

ЛЮТЕРЪ. Я не знаю, чего я собственно хочу; но меня тревожитъ все: и будущее, и то, что послѣдуетъ за нимъ.

КАРЛШТАДТЪ. Что же это такое?

ЛЮТЕРЪ. Кто можетъ это знать; послушай, я думаю, не спитъ ли Алексіусъ у себя въ комнатѣ. Мнѣ все кажется, что кто-то тамъ за дверью.

КАРЛШТАДТЪ. Его тамъ нѣтъ.

ЛЮТЕРЪ встаетъ и идетъ къ двери Алексіуса. Что это? Дверь снята съ петель. И замокъ сломанъ. Я войду посмотрю...

КАРЛШТАДТЪ. Это странно...

ЛЮТЕРЪ беретъ за дверь, которая падаетъ наружу. Видна комната съ кроватью, двумя большими зажженными свѣчами и монахомъ, читающимъ книгу. Господи Іисусе, помилуй насъ грѣшныхъ!

МОНАХЪ въ дверь. Кто нарушаетъ безмолвіе смерти? А, это вы, докторъ!

ЛЮТЕРЪ. Что случилось? Что это значитъ?

МОНАХЪ. Развѣ вы не знаете?

ЛЮТЕРЪ. Чего?

Монахъ. Вашъ другъ Алексіусъ лежитъ здѣсь мерт-
вый...

Лютеръ. Мертвый?..

Монахъ. Да, убитый. Сбившійся съ истиннаго пути
и попавшій въ дурное общество. Онъ водилъ знакомство
съ вами, докторъ?

Лютеръ. Убитый?!

Монахъ. Собственной рукою или нѣтъ — это никому
неизвѣстно. Войдите и сотворите молитву за вашего друга.
Онъ въ ней нуждается не менѣе, чѣмъ вы.

Лютеръ. Нѣтъ, я не могу его видѣть; я не выношу
вида крови... И я не повиненъ въ ней.

Монахъ. Нѣтъ? А я слыхалъ что вы вчера оттолк-
нули человѣка, въ отчаяніи прибѣгнувшаго къ вамъ...

Лютеръ. Да, горе мнѣ, я это сдѣлалъ, и проступокъ
мой слишкомъ великъ, чтобы быть прощеннымъ!

Карлштадтъ. Уходи отсюда, Мартинъ! Уходи!

Лютеръ. Горе, горе мнѣ!

Монахъ. Кровь твоего брата возопіетъ изъ земли!

Карлштадтъ. Замолчи, монахъ! Пойдемъ, Мартинъ.
Уходи отсюда!

Лютеръ. Куда? Куда бѣгу отъ лица твоего, Господи!

Монахъ. Да! «Я видѣлъ упрямаго нечестивца, — ска-
зано въ Писаніи, — онъ величался и красовался какъ лавръ.
А стоило пройти мимо, и онъ уже исчезъ. Я спрашивалъ
о немъ — онъ не былъ найденъ нигдѣ». Да, вотъ что
сказано!

Лютеръ и Карлштадтъ уходятъ.

КАРТИНА IV.

Квартира Лютера.

Столъ уставлень цвѣтами, виномъ, канделябрами и музыкальными инструментами.

Кр а н а х ъ и Ф о н ъ - Г у т т е н ъ .

Кр а н а х ъ . Какой торжественный видъ! Извѣстенъ ли вамъ поводъ къ этому пиршеству, фонъ-Гуттенъ?

Ф о н ъ - Г у т т е н ъ . Нѣтъ, Кранахъ, я его не знаю. Мы съ докторомъ Лютеромъ встрѣчались только въ библіотекѣ и, признаюсь, я былъ нѣсколько удивленъ этимъ приглашеніемъ.

Кр а н а х ъ . Нашъ дорогой Мартинъ любитъ веселье и пѣніе, но послѣдніе дни онъ нѣсколько мрачно настроенъ, въ особенности послѣ этого убійства; вѣдь это былъ его другъ! Очевидно Лютеръ хочетъ въ обществѣ друзей разсѣять свое горе! И хорошо дѣлаетъ!

Ф о н ъ - Г у т т е н ъ . Я обыкновенно поступаю такъ же.

С п а л а т и н ъ в х о д и т ъ . А, вотъ и добрые друзья Кранахъ и фонъ-Гуттенъ! Но гдѣ же хозяинъ?

Кр а н а х ъ . Я тоже задаю этотъ вопросъ. Но вамъ, Спалатинъ, это должно быть извѣстно?

Спалатинъ. Нѣтъ! Курфюрсту угодно было обратить свое благосклонное вниманіе на доктора Мартина Лютера, и онъ хотѣлъ сдѣлать его профессоромъ! Но прежде должна улечься эта послѣдняя исторія.

Кранахъ. Да, это было очень неприятно для Лютера, но вѣдь онъ здѣсь ни при чемъ.

Спалатинъ. Вообще говоря, конечно нѣтъ, но онъ долженъ осторожнѣе выбирать себѣ друзей.

Кранахъ. Это ему никогда не удастся. Его необдуманность часто играетъ съ нимъ злая шутка! Но все-таки онъ прекрасный человѣкъ и справится со всякимъ дѣломъ. Посмотрите какъ онъ умѣетъ все хорошо устроить. Вѣдь это просто картина!

Карлштадтъ входитъ.

Кранахъ. Карлштадтъ! Таинственный Карлштадтъ! Онъ выглядитъ еще таинственнѣй обыкновеннаго. Куда ты дѣвалъ хозяина дома?

Карлштадтъ. Хозяинъ проситъ привѣтствовать его гостей и начать пиръ безъ него. Онъ явится позднѣе.

Кранахъ. Что это значить? Не боленъ ли онъ?

Карлштадтъ. Нѣтъ... но онъ чувствуетъ себя не особенно хорошо... Сейчасъ онъ принимаетъ ванну.

Спалатинъ. Что случилось? Помимо этой грустной исторіи...

Карлштадтъ. Я не знаю. Съ нѣкоторыхъ поръ Мартинъ не выходитъ изъ мрачной задумчивости... и потому, я не знаю, что произошло съ нимъ вчера вечеромъ.

Фонъ-Гуттенъ. Онъ хотѣлъ ѣхать къ родителямъ въ Мансфельдъ, но разразилась гроза, и онъ вернулся.

КАРЛШТАДТЪ. Да, вчера вечеромъ была дьявольская погода, кажется раздавались раскаты грома.

КРАНАХЪ. Да, я слышалъ, это было въ западной сторонѣ. Но каково ваше мнѣніе, Карлштадтъ?

КАРЛШТАДТЪ. Мартину приходится такъ много видѣть и слышать, имъ овладѣли мрачныя мысли, какъ я уже сказалъ...

КРАНАХЪ Гм!..

КАРЛШТАДТЪ... Онъ рассказывалъ какія-то сказки, будто бы молнія ударила близъ него, и онъ упалъ, а потомъ услышалъ какой-то голосъ, понимаете?.. Но, давайте, господа, садитесь за столъ, и я позволю себѣ быть *tech bibendi*, по порученію хозяина. Всѣ садятся.

Іеронимъ Шурфъ и Амсдорфъ входятъ.

КАРЛШТАДТЪ. Запоздавшіе, входите! Іеронимъ Шурфъ — судья, ни разу не вынесшій смертнаго приговора. Амсдорфъ, — менѣе извѣстный пока, но будетъ таковымъ со временемъ! Стучить по столу, слуга наполняетъ стаканы. *Estisne praeeparati? Sumus!*

Всѣ. *Sumus!*

КАРЛШТАДТЪ. *In honorem hospitis absentis, Dokto-ris Martini Lutheri! Semel, bis...*

Всѣ. Тер! Пьютъ.

КРАНАХЪ. Пѣсню! фонъ-Гуттенъ долженъ спѣть.

Всѣ. Пѣсню, пѣсню!

Фонъ-Гуттенъ. Пѣть я не могу — у меня горло не въ порядкѣ; но я продекламирую вамъ стихотвореніе, если Лука будетъ аккомпанировать мнѣ на лютнѣ.

КРАНАХЪ. Хорошо! Въ какомъ тонѣ?

Фонъ-Гуттенъ. Въ тонѣ Нибелунговъ.

К р а н а х ъ. Играеть. Готово!

Д-ръ Иоганнесъ входитъ и садится.

Ф о н ъ-Г у т т в и ъ. Декламируетъ.

Въ дни юности далекой я женщину любилъ.
И пылкой итальянки рабомъ я вѣрнымъ былъ.
Но вотъ я заразился и силы потерялъ,
Изъ дома наслажденій вернулся хилъ и вялъ.
И, присужденный къ смерти, не смѣю я любить,
Меркурій и Венера должны въ борьбу вступить.
И тѣло подвергая втираньямъ и посту,
Скитаясь съ своей лютней, блюду я чистоту.
То черный демонъ смерти изъ Рима къ намъ притекъъ,
Во тьмѣ онъ насаждаетъ болѣзни и порокъъ.
Своимъ задѣлъ крыломъ онъ нѣмецкія главы.
Увы тебѣ, Тюрингенъ! Саксонія, увы!
О, нѣмцы, берегитесь заразы старъ и младъ,
Я васъ предупреждаю—Италія намъ ядъ!
Германскій дубъ къ паденью уже приговоренъ,
Долой подгнившій корень! Зовется Римомъ онъ.

Всѣ. Долой подгнившій корень, зовется Римомъ онъ!

Д-ръ Иоганнесъ встаетъ и отвѣшиваетъ глубокой поклонъ фонъ-Гуттену.

К а р л ш т а д т ъ. Этотъ бокаль за Ульриха фонъ-Гуттена!

Всѣ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ! Нѣсколько новыхъ гостей входятъ и садятся.

К р а н а х ъ. Однако, это похоже на похороны: пьютъ всѣ, кромѣ хозяина...

К а р л ш т а д т ъ. Ему помѣшало...

ЛЮТЕРЪ входя. Это и есть похороны, добрые друзья!
Встѣ. Лютеръ! Встаютъ.

ЛЮТЕРЪ, на концѣ стола. Сегодня д-ръ Лютеръ перестаетъ существовать, потому что этой же ночью онъ покидаетъ здѣшній міръ и его радости: по причинамъ, которыя не могутъ быть объяснены въ короткихъ словахъ, онъ поступаетъ въ здѣшній августинскій монастырь.

Всѣ. Быть не можетъ!

ЛЮТЕРЪ. Это такъ и притомъ безповоротно!

КРАНАХЪ. Но вѣдь это убійство!

ФОНЪ-ГУТТЕНЪ. Это самоубійство! Не поступайте туда! Я былъ пять лѣтъ въ фульдскомъ монастырѣ и бѣжалъ изъ этого Содома. Не ходите туда!

ЛЮТЕРЪ. Это ex-voto, обѣтъ, данный Богу въ минуту опасности и душевной муки.

КРАНАХЪ. Ты можешь быть освобожденъ отъ этого обѣта!

СПАЛАТИНЪ. Объ этомъ позаботится курфюрстъ.

ЛЮТЕРЪ. Нѣтъ, друзья, сдѣлать это могу только я самъ, исполнивъ свой обѣтъ.

КАРЛШТАДТЪ. Лютеръ правъ!

ЛЮТЕРЪ. И потому-то, благородные друзья и покровители, я собралъ васъ, чтобы проститься со всѣми вами. Поднимаетъ бокаль. Дѣтство мое мало походило на розовый садъ, юность—тоже, и если это все, что можетъ дать намъ жизнь, то я отказываюсь отъ нея. Я держу въ рукахъ бокаль, но я не буду пить—я опоражниваю его, и пусть это вино будетъ жертвой, принесенной за ваше благополучіе, благодарственной жертвой за вашу дружбу! И я разбиваю этотъ бокаль, какъ порываю съ разбитой

жизнью и ея хрупкимъ счастьемъ. Разбиваетъ бокаль. Прощайте же, друзья! Мы больше никогда не увидимся, потому что завтра утромъ докторъ Мартинъ будетъ погребенъ, а послѣ завтра я буду только братъ Августинъ.

Всѣ. Нѣтъ, это невозможно.

Спалатинъ. И это неизмѣнное рѣшеніе?

Лютеръ. Да, неизмѣнное! Прощайте, забудьте меня и любите другъ друга! Уходить.

Фонъ-Гуттенъ. Ты уходишь, Августинъ, но Мартинъ вернется!

Кранахъ. Что все это значить? Такой печальный конецъ такого блестящаго начала?

Спалатинъ. Я вѣрю въ воскресеніе мертвыхъ...

Фонъ-Гуттенъ. Онъ идетъ въ монастырь, а я клянусь, что черезъ десять лѣтъ всѣ монастыри будутъ закрыты!

Д-ръ Иоганнесъ тихимъ, но убѣжденнымъ голосомъ. Господа! Въ искусствѣ осады нашъ другъ Лютеръ понимаетъ больше, чѣмъ мы: онъ войдетъ внутрь укрѣпленія и изнутри откроетъ двери... Послѣдуемъ же за нимъ!..

Всѣ. Мы слѣдуемъ за нимъ!

КАРТИНА V.

Въ монастырѣ.

У огня сидятъ два монаха и грызутъ орѣхи.

ЛЮТЕРЪ входитъ съ метлой и мѣшкомъ.

ПЕРВЫЙ МОНАХЪ. Ну, Августинчикъ, подмелъ ли ты улицу?

ЛЮТЕРЪ. Подмелъ.

ВТОРОЙ МОНАХЪ. Не принесъ ли ты намъ въ своемъ мѣшкѣ чего-нибудь хорошенькаго?

ЛЮТЕРЪ. Миѣ что-то дали, но я не знаю, что именно.

ВТОРОЙ МОНАХЪ, осматривая содержимое мѣшка. Тебя любятъ городскія дѣвушки, и когда ты собираешь милостыню, тебѣ достаются лакомые кусочки.

ЛЮТЕРЪ. Стыдитесь!

ВТОРОЙ МОНАХЪ. Ты хочешь быть опять наказанъ?

ЛЮТЕРЪ, крестить ротъ и что-то шепчетъ.

ПЕРВЫЙ МОНАХЪ. Языкъ — это такой маленькій членъ, а между тѣмъ многихъ влечетъ къ погибели!

ЛЮТЕРЪ, падая на колѣни. Простите, отецъ!

Второй монахъ. Я прошая тебя, но больше не грѣши! Послушаніе — первый параграфъ правилъ! Слушайся, и тогда посмотримъ. Садись! Ты получишь что-то хорошее, если разинешь ротъ! Ну! разъ, два, три! Садись!

Лютеръ молча стоитъ неподвижно.

Второй монахъ. Садись!

Лютеръ. Нѣтъ!

Второй монахъ. Рах in расе! Знакомо ли тебѣ in расе тамъ, въ подвалѣ? Садись!

Лютеръ. Нѣтъ!

Первый монахъ. Клятвопреступникъ! Ты даль при-сягу исполнять монастырскія правила и теперь нарушаешь её!

Лютеръ. Языкъ мой нѣмъ! Мнѣ представляется, что я попалъ въ адъ кромѣшный и что вы — дьяволы! Но должно быть я заслужилъ это! О, Господи, доколѣ ты не вспомнишь обо мнѣ?...

Второй монахъ. Августинъ, ты долженъ повиноваться, иначе ты останешься безъ ужина!

Первый монахъ. Подумать только — намъ неучамъ достался магистръ, который долженъ мести улицу! Настоящій магистръ, знающій латынь и греческій!

Второй монахъ. И послѣ этого онъ еще жалуется, что другіе магистры не хотятъ ему кланяться! Когда свѣтильникъ прячутъ подъ сосудъ, то получается нагаръ, это понятно!

Первый монахъ. Ну, Августинъ — какъ весело называть его Августиномъ — читалъ ли ты исповѣдь св. Августина? Да тутъ превкусные куски!

Лютеръ. Я читалъ Августина!

Первый монахъ. Это былъ веселый малый въ молодости!

Лютеръ. Говорите съ почтеніемъ объ основателѣ святого ордена, иначе я заявлю капитулу!

Второй монахъ. Каково!

Третій монахъ, входя слѣва. Отецъ Никодимъ! Разрѣшите ли вы выдать изъ библіотеки сочиненія Гуса?

Первый монахъ. Гуса! Убирайся въ преисподнюю! Ты думаешь, что вамъ позволятъ читать Гуса, этакую мерзость? Кому это онъ понадобился?

Третій монахъ. Этому сумасброду — доктору Иоганнесу...

Первый монахъ. Какъ, развѣ онъ здѣсь? Мы должны посмотрѣть на него. Встаетъ и идетъ къ двери въ сопровожденіи обоихъ монаховъ.

Второй монахъ. Это тотъ самый, что продалъ себя дьяволу, какъ говорятъ?... Я хочу взглянуть на него!

Третій монахъ. Онъ уже получилъ книгу и подъ расписку, можете ли вы себѣ представить, самого курфюрста!

Первый монахъ. Курфюрста Саксонскаго! Да ты съ ума сошелъ! Выходитъ влѣво съ обоими монахами.

Лютеръ одинъ, со скрещенными на груди руками, погруженъ въ молитву.

Д-ръ Иоганнесъ показывается справа съ книгой въ рукѣ.

Лютеръ. *Vade retro, Satanas!*

Д-ръ Иоганнесъ. Однажды я вручилъ вамъ книгу, докторъ Лютеръ, и книга эта для васъ стала яркимъ свѣточемъ! Теперь прочтите только нѣсколько словъ отсюда!

Лютеръ. Я не хочу!

Д-ръ Иоганнесъ открываетъ книгу и подаетъ ему. Читайте!

Лютеръ, читаетъ одно мгновеніе. Не хочу!

Д-ръ Иоганнесъ. Одно слово еще!

Лютеръ. Да, съ этимъ можно согласиться! Это вѣрно!— Но вѣдь это говорить еретикъ! Читаетъ еще... О, я хотѣлъ бы лучше никогда не видѣть этой книги!... Уберите ее прочь!.. Вѣчный, милосердный Боже, неужели же мы дожили до того, что ложь дѣйствуетъ съ силой правды, а правда — съ силой лжи! Я думалъ, что я еретикъ и потому проклятъ... Я проклятъ, и Господь покинулъ, отвернулся отъ меня... или можетъ быть онъ заснулъ!.. Ты спишь, Господи, или считаешь насъ за дураковъ!.. Скройся, сатана, и убери свою книгу, не то я убью тебя въ алтарь, какъ жреца Ваала! Исчезни!..

Д-ръ Иоганнесъ. Миръ съ тобой, Мартинъ! Уходить.

Лютеръ одинъ, скрестивъ на груди руки, въ раздумьи.

Стаупицъ входитъ. Ну, сынъ мой, какъ чувствуешь ты себя?

Лютеръ. Невообразимо тяжко!

Стаупицъ. *Contritio animi*, угнетенное состояніе духа; это хорошо, черезъ это необходимо пройти. Но *conscientia scrupulosa*, или мелочныя угрызения совѣсти — это уже гордыня.

Лютеръ. Духъ мой смирененъ!

Стаупицъ. Нѣтъ, онъ не таковъ: ты самый гордый изъ людей, которыхъ я встрѣчалъ. Тебѣ хочется быть совершеннымъ, какъ Богъ, и ты терзаешь себя изъ-за ме-

дочей. Ты ежедневно исповѣдуешься, хотя тебѣ не въ чемъ каяться.

Лютеръ. Мои прегрѣшенія слишкомъ серьезны, чтобы могли быть прощены!

Стаупиць. Стыдись! Развѣ Господь не можетъ простить всего, даже маленькіе грѣшки какого-то Августина?

Лютеръ. Они не такъ малы!

Стаупиць. Потому что все въ тебѣ должно быть велико!

Лютеръ. Я прогнѣвилъ Господа Бога.

Стаупиць. Богъ милосердь. Потому-то онъ испытываетъ тебя страданіемъ. А это большая честь!

Лютеръ. Такъ это не наказаніе?

Стаупиць. А развѣ ты совершилъ преступленіе?

Лютеръ. Не въ обычномъ смыслѣ.

Стаупиць. Ты долженъ наконецъ прекратить это постоянное лѣченіе свой души... Ты занимаешься лѣченіемъ, Августины!.. А между тѣмъ тебѣ необходимо вооружиться скальпелемъ. Впрочемъ, быть можетъ ты удовлетворишь монастырской жизнью?..

Лютеръ молчитъ.

Стаупиць. Нѣтъ, она тебя не удовлетворяетъ! Меня — тоже; поэтому-то я и нашелъ себѣ дѣятельность внѣ стѣнъ монастыря. Я читаю въ университетѣ. Не желаешь ли и ты заняться тѣмъ же?

Лютеръ. Что же я могу читать?

Стаупиць. Философію и древніе языки.

Лютеръ. Философія — это языческая дѣва...

Стаупиць... которую мы окрестимъ. Древніе же

языки должны играть служебную, а не господствующую роль.

Лютеръ. Я презираю ихъ.

Стаупицъ. И поступаешь неправильно: библія написана на греческомъ и іудейскомъ языкахъ, слѣдовательно они священны. Замѣть это себѣ!.. Между прочимъ курфюрстъ призываетъ тебя въ качествѣ профессора въ университетъ; а если онъ зоветъ—ты долженъ повиноваться.

Лютеръ. Я не могу служить двумъ господамъ!

Стаупицъ. Ты не можешь дѣлать того, что дѣлаемъ мы всѣ? Мы служимъ императору такъ же, какъ папѣ и даже курфюрсту. Ты болтунъ, Августинъ, а тебѣ надо сдѣлаться ораторомъ!—Послушай, сынъ мой, ты никогда не думалъ о томъ, что у тебя есть призваніе?

Лютеръ. Напротивъ, очень часто. Порой я чувствую въ себѣ силу, способную остановить Рейнъ въ его теченіи или унести на своихъ плечахъ Шварцвальдъ.

Стаупицъ. Я скажу тебѣ, мой сынъ, но не возгордись этимъ: глаза всѣхъ давно устремлены на тебя. Собственно говоря неизвѣстно почему—вѣдь ты еще ничего не сдѣлалъ—но отъ тебя чего-то ждутъ, ждутъ чего-то великаго!

Лютеръ. Отъ меня, ничтожнаго творенія?

Стаупицъ. Да, отъ тебя! какъ отъ юнаго Самуила!

Лютеръ. Самуила?—я читалъ о немъ въ библиотекѣ курфюрста!—Самуиль?

Стаупицъ. Да!

Лютеръ. Такъ вотъ что это было? «Здѣсь нуженъ былъ бы Самуиль, но гдѣ его найти?»

Стаупицъ. Опъ здѣсь!

Лютеръ падаетъ на колѣни. Да, да! Аминь! Пусть будетъ такъ!

Стаупицъ. Но прежде чѣмъ взойти на кафедру, ты долженъ исполнить одно порученіе, въ которомъ заключается также и испытаніе.

Лютеръ. Говори, повелитель, слуга твой слушаетъ тебя.

Стаупицъ. Ты долженъ отправиться съ одной миссіей къ Святейшему Отцу въ Римъ.

Лютеръ Въ Римъ? Я отправлюсь въ святой городъ... Мечта моего дѣтства, надежда и страстное стремленіе моей юности...

Стаупицъ. Твои мечты начинаютъ осуществляться.

Лютеръ. Я? Въ Римъ?..

Стаупицъ. Но пусть глаза твои будутъ отверзты! Смотри, слушай... и молчи! По возвращеніи ты сможешь говорить. Но и то только со мной! Не забудь этого!.. Итакъ, дверь открыта! На свободу, вольная птица, лети!..

Лютеръ. На свободу, на свободу... въ необъятный просторы! Такъ я еще не умеръ!

Стаупицъ. Ты?

КАРТИНА VI.

У Зуккингена въ Эбернбургѣ.

Въ типографіи; наборщики и печатники за работой. Фонъ-Гуттенъ, Эразмъ и Рейхлинъ, сидя за столомъ, пишутъ.

Фонъ-Гуттенъ, поднимаясь. Вставайте, братцы, разомнитесь. Вы тутъ совсѣмъ заржавѣли. Вставай, Рейхлинъ!

Рейхлинъ. Послушай, Ульрихъ, не слыхаль ли ты чего-нибудь о доминиканцахъ въ Кельнѣ?

Фонъ-Гуттенъ. Которые хотѣли сжечь тебя живьемъ? Да, можете вы себѣ представить: они заказали 500 экземпляровъ нашихъ «Писемъ къ обскурантамъ».

Рейхлинъ. Но это ужъ черезчуръ нелѣпо! Что же это значитъ?

Фонъ-Гуттенъ. Это значитъ: они такъ глупы, что не поняли сатиры и приняли ее всерьезъ.

Эразмъ, дыхая. Никогда въ жизни я не слыхалъ ничего подобнаго; можно подумать, что свѣтъ перевернулся на изнанку.

Рейхлинъ. Не довѣряйте имъ! Я знаю этихъ собакъ и, не сди мы въ безопасности у нашего друга Зуккингена...

Фонъ-Гуттенъ. Но вѣдь императоръ на нашей сторонѣ, а у Максимилиана есть планъ...

Эразмъ. Какой планъ? Ты имѣешь въ виду присвое-
ніе свѣтской власти папѣ, при помощи которой можно
было бы положить конецъ этимъ разбоямъ въ нѣмецкомъ
государствѣ?

Фонъ-Гуттенъ. Да, такова мысль императора. И это
дѣйствительно вѣрно. У насъ есть рейхстагъ, имперскій
судъ, государственные законы, но мы безпрестанно сталки-
ваемся на нашихъ путяхъ съ каноническимъ правомъ и
декреталями Рима. Телѣга не можетъ двигаться впередъ,
если въ оба конца ея впрячь по кобылѣ; пока дѣло каса-
лось сбруй — все ничего, но теперь трещить сама телѣга.

Эразмъ. Неужели мы такъ далеко зашли, что импе-
раторъ прицѣливается въ папу?

Рейхлинъ. Иродъ и Пилать снова станутъ друзьями,
лишь долька найдутъ кого распять.

Фонъ-Зикингенъ входитъ съ письмомъ. Я вижу, здѣсь
работаютъ и пишутъ. Теперь давайте поболтаемъ, у меня
много новостей!

Фонъ-Гуттенъ. Разсказывай, разсказывай...

Фонъ-Зикингенъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Ваши письма
читаетъ вся Германія, отъ Эльбы до Рейна. И всѣ смѣ-
ются!

Фонъ-Гуттенъ. Смѣются? Тогда мы спасены!

Фонъ-Зикингенъ. Смѣются надъ монахами, такъ
что доминиканцы въ Кельнѣ все поняли и теперь неистов-
ствуютъ. Пусть это послужитъ предостереженіемъ для
васъ!

Рейхлинъ. Sapperment!

Эразмъ. Что могутъ они намъ сдѣлать здѣсь, въ Эбернбургѣ.

Фонъ-Гуттенъ. Рейхлинъ, ты знаешь собакъ? Есть порода легавыхъ, которыя не лаютъ, но умѣютъ ползти на животѣ.

Рейхлинъ. Доминиканецъ пролѣзетъ въ закрытую дверь, вползетъ по желобу или черезъ отхожее мѣсто. Можно было бы сказать, что и здѣсь пахнетъ доминиканцемъ...

Фонъ-Зикингенъ, указывая на рабочихъ. Ты знаешь всѣхъ ихъ, Ульрихъ?

Фонъ-Гуттенъ. Большинство!

Фонъ-Зикингенъ. Будь остороженъ!.. А теперь вотъ еще одна новость! Этотъ дьявольскій архіепископъ въ Майнцѣ послалъ доминиканца Дицеля, или Тецеля, продавать отпущеніе грѣховъ. И это животное позволило себѣ напечатать опредѣленную таксу за отпущеніе. Такъ, онъ беретъ *continentibus in manibus* 50 дукатовъ за многоженство, 9 — за святотатство и клятвопреступленіе, 8 — за убійство и 2 — за колдовство.

Фонъ-Гуттенъ. Какая гнусность! Сколько же онъ беретъ за простое прелюбодѣяніе?

Фонъ-Зикингенъ. Объ этомъ онъ умалчиваетъ, потому что самъ былъ осужденъ за двойное. Но случилось такъ: когда онъ уже былъ посаженъ въ мѣшокъ, чтобы быть утопленнымъ въ Дунаѣ, мимо проходилъ архіепископъ майнцкій и помиловалъ его.

Эразмъ. Это ужъ слишкомъ глупо!

Рейхлинъ. Что касается человѣческой глупости — съ ней мы не разстанемся до смерти!

Фонъ-Гуттенъ. Но они губятъ самихъ себя!

Фонъ-Зиккингенъ. Надо ловитъ моментъ.

С. Фонъ-Гуттенъ. Теперь-то мы и пустимъ въ печать мной приготовленную конфетку. Къ рабочимъ. Приостановите новое изданіе «Писемъ». Пустите въ печать объявленіе! И теперь всѣ за наборъ! Сейчасъ же должно быть все набрано. Станокъ и образецъ! Подходить къ станку. Смазчикъ! Мѣсто!

Фонъ-Зиккингенъ. И этотъ Дичель разъѣзжаетъ съ своими двумя сыновьями.

Рейхлинъ. Чортъ его побери!

Эразмъ. Въ какомъ положеніи вопросъ о безбрачій?

Фонъ-Зиккингенъ. Послушайте, господа, этотъ докторъ Лютеръ, который ушелъ въ монастырь, — говорятъ теперь въ Римѣ!

Эразмъ. Удивительно, какъ этотъ человѣкъ заставляетъ говорить о себѣ!

Рейхлинъ. Онъ что-нибудь написалъ?

Эразмъ. Ничего! Существуютъ люди, которые приобрѣтаютъ славу безъ всякаго повода къ тому.

Фонъ-Гуттенъ, возясь со станкомъ. Что за чертовщина! Не печатаетъ; станокъ разломанъ, не вбираетъ краски! Кт виновникъ? Кто?! здѣсь есть измѣнникъ! Кто онъ? Это смазчикъ! Ты поблѣднѣлъ, дьяволь?! Шапку долой! Да у него тонзура!! Рейхлинъ, подойди сюда, понюхай, не пахнетъ ли онъ доминиканцемъ?

Рейхлинъ подходитъ, дѣлая видъ, что обнюхиваетъ смазчика. Отъ него пахнетъ псиной—это доминиканецъ!

Фонъ-Гуттенъ. За окно его! За окно! Всѣ къ деку! Шесть этажей—прыжокъ въ вѣчность, и могила готова!

Надо погасить это адское пламя! Ну, принимайтесь, все за раз! Ура!

Смазчика выбрасываютъ въ окно.

Фонъ-Гуттенъ смотритъ внизъ въ окно. Онъ не попалъ въ ровъ. Падая, онъ сѣлъ верхомъ на статую испанскаго всадника. Такъ пусть же сгинетъ проклятое сѣмя.

Фонъ Гуттенъ. Ловко мы отъ него отдѣлались!

Фонъ-Зикингенъ. Теперь ужъ они навѣрное нападутъ на замокъ!

Фонъ-Гуттенъ. Въ такомъ случаѣ мы заблаговременно уйдемъ отсюда. Но куда намъ направиться? Пойдемте, друзья, въ Виттенбергъ. Тамъ можно жить!

Фонъ-Зикингенъ. Я, разумѣется, останусь здѣсь, потому что теперь можно ожидать всего отъ архіепископа.

Эразмъ. Я не дотронусь до штыка.

Рейхлинъ. У этого Франца такой хорошій столъ, что я останусь здѣсь какъ крыса въ сырѣ!

Фонъ-Гуттенъ. Тогда я отправлюсь въ Виттенбергъ одинъ. Тамъ у меня есть печатный станокъ и друзья; къ тому же я тамъ встрѣчу этого мошенника Тецеля, съ которымъ мнѣ еще надо посчитаться. Хвала тебѣ, благородный Зикингенъ, рыцарь безъ страха и упрека! Вотъ тебѣ моя рука за оказанное гостепріимство. Моя нога всегда къ твоимъ услугамъ, когда тебѣ понадобится дать кому-нибудь хорошій пинокъ. Мое перо—когда твой мечъ прилипнетъ, и моя лютня—когда ты будешь разочарованъ въ жизни! Уходить.

КАРТИНА VII.

У Курфюрста саксонскаго

Курфюрстъ и Спалатинъ. На стѣнѣ виситъ картина, изображающая Лаокоона.

Курфюрстъ. Не монахъ ли Августинъ это?

Спалатинъ. Да, это онъ, вернувшійся изъ Рима.

Курфюрстъ. Онъ подождетъ. Уже вернулся!.. Такъ видишь ли, мой добрый Спалатинъ, этотъ продавецъ индульгенцій, Тецель, изблеченный негодяй, былъ присужденъ къ утопленію. Архіепископъ магдебургскій, курфюрстъ майнцкій, Альбрехтъ бранденбургскій приняли въ немъ участіе, а меня обвиняютъ. Что я могу сдѣлать въ духовныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ церкви я не имѣю права голоса, такова присяга въ Германіи. Я не могу изгнать этого Тецеля, не могу запретить ему его постыдной торговли отпущеніемъ грѣховъ. Единственное, что я могу — это разрѣшить проповѣдывать противъ него. Но у него такая глотка, что онъ перекричитъ цѣлый эскадронъ. Ты видишь — я безсиленъ!

Спалатинъ. Ваше величество, въ моемъ распоряженіи есть глотка, самая сильная во всей Германіи.

Курфюрстъ. Эта; навѣрное монахъ Августинъ, или докторъ Лютеръ, какъ звали его раньше? Дай мнѣ взглянуть на эту рѣдкую птицу, о которой всѣ говорятъ.

Спалатинъ. Его рѣчь нѣсколько прямо и неприкрашена, ваша свѣтлость...

Курфюрстъ. Это ничего не значить, напротив... Впусти его!

Спалатинъ вводитъ Лютера.

Курфюрстъ. Ты былъ докторъ и назывался Лютеромъ?

Лютеръ. Да, былъ!

Курфюрстъ. Ты пошелъ въ монастырь, чтобы изучить жизнь монаховъ?

Лютеръ. Нѣтъ, по другимъ причинамъ.

Курфюрстъ. Ты былъ въ Римѣ; что тамъ дѣлается?

Лютеръ. Я не могу этого передать.

Курфюрстъ. Это такъ ужасно?

Лютеръ. Это неопишимо!

Курфюрстъ. Опиши!

Лютеръ. Я не могу! Мой языкъ, мои зубы, мое небо отказываются служить мнѣ, и если бы я омылъ свои глаза и уши въ соленой водѣ морей,—они не могли бы очиститься отъ всей той грязи, которую я видѣлъ и слышалъ. Этотъ языческій дворъ возмутилъ бы самого Нерона, Калигулу и Домициана. И это бы ничего еще, но, замѣтьте, они не вѣруютъ больше ни во что. Это худшіе язычники, чѣмъ турки, негры, ацтеки. Священнослужители

издѣваются надъ всѣмъ самымъ священнымъ, и христіанства не существуетъ въ стѣнахъ Рима!

Курфюрстъ. Неужели это дѣйствительно такъ? Я не вѣрилъ, что это правда.

Лютеръ. Это такъ...

Курфюрстъ. Августинъ! Ты назначень профессоромъ въ Виттенбергскій университетъ. Но сначала ты долженъ объѣздить монастыри. Ты знакомъ съ монастырями?

Лютеръ. Это единственные дома терпимости, которые я знаю.

Курфюрстъ. Одновременно съ этимъ ты долженъ проповѣдовать противъ продавца индульгенцій — Тецеля.

Лютеръ. Еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ я сказалъ бы—нѣтъ! Теперь же говорю—да! И аминь! Да благословить Господь курфюрста!

Курфюрстъ. Отлично! Иди отсюда къ Стауницю; тамъ ты получишь инструкціи.

Лютеръ брасаетъ взглядъ на Лаокоона.

Курфюрстъ. Ты смотришь на этого жреца? Берегись змѣиной норы! И помни одно: не касайся моихъ мощей!

Лютеръ. Я думалъ съ нихъ начать!

Курфюрстъ. Спалатинъ, проводи монаха! И разскажи ему все, что надо.

КАРТИНА VIII.

Дверь дворцовой церкви въ Виттенбергѣ. Изъ церкви доносятся звуки органа. Входятъ Карлштадтъ и Меланхтонъ.

Карлштадтъ. Братъ Меланхтонъ, я призвалъ тебя, потому что нуждаюсь въ совѣтѣ и помощи.

Меланхтонъ. Не переоцѣнивай моихъ силъ и скажи мнѣ, что тебя удручаетъ?

Карлштадтъ. Сегодня, въ день Всѣхъ Святыхъ, нашъ другъ Лютеръ просилъ своихъ друзей собраться передъ входомъ въ дворцовую церковь, когда пробьетъ шесть часовъ. Для какой цѣли—онъ не сказалъ. Но послѣ осмотра монастырей онъ былъ такъ возбужденъ, почти разъяренъ. Теперь, когда онъ исполняетъ обязанности священника, ему нерѣдко приходится исповѣдывать. И вотъ нѣсколько дней тому назадъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: одинъ человѣкъ, совершившій клятвопреступленіе, пришелъ къ нему исповѣдываться. Лютеръ наложилъ на него эпитимію и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ, если онъ пожелаетъ исправиться. Можешь себѣ представить: клятвопреступникъ заявилъ ему, что онъ не намѣренъ ни исполнять эпитимію, ни исправляться, по-

тому что онъ за извѣстную сумму купилъ себѣ право совершать клятвопреступленіе.

Меланхтонъ. Это, конечно, дѣло продавца индульгенцій!

Карлштадтъ. Да, это дѣло папы и его наемника—Тецеля.

Меланхтонъ. Это возмутительно!

Карлштадтъ. Такъ же смотреть на это и Лютеръ. Онъ былъ внѣ себя, и я ожидаю отъ него какой-нибудь неосторожности, не зная, куда она будетъ направлена.

Меланхтонъ. Какъ думаешь ты, Карлштадтъ, что можемъ мы сдѣлать? Мнѣ кажется, мы ничего не можемъ.

Карлштадтъ. Ничего? Тогда будемъ ждать!

Меланхтонъ. Всѣ ждутъ, и мы давно ужъ ждемъ подождемъ терпѣливо еще немного.

Карлштадтъ. Да, до шести часовъ, не дольше!

Меланхтонъ. Что сейчасъ въ церкви?

Карлштадтъ. Тамъ служатъ мессу передъ выставкой мошей. Курфюрстъ собралъ 19.000 мошей, которыя и помѣщаетъ на сохраненіе въ своей новой церкви.

Меланхтонъ. Добрый курфюрстъ! Прогуливается взадъ и впередъ.

Входятъ Крапахъ и Гансъ Саксъ.

Крапахъ. Ну, дружище Саксъ, какъ много лѣтъ ужъ не поешь ты!

Саксъ. Да, настали сумерки, мнѣ же необходимъ яркій солнечный свѣтъ. Что предстоитъ здѣсь вечеромъ и зачѣмъ насъ созвали.

Крапахъ. Я собственно не жду ничего больше отъ

нашего добраго Лютера съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ въ монастырь. Но все же я хотѣлъ бы его видѣть! Мы подождемъ его до шести часовъ?

Саксъ. Мнѣ очень хочется взглянуть на этого чело-
вѣка. Ходить взадъ и впередъ.

Д-ръ Юганнесъ съ Амсдорфомъ.

Д-ръ Юганнесъ. Это соборъ, христіанская церковь,
а въ Римѣ теперь строятся языческіе храмы. Даже только
что выстроенный храмъ святого Петра составленъ изъ
базилики и пантеона. Въ Римѣ нѣтъ соборовъ.

Амсдорфъ. И для храма святого Петра теперь соби-
раются Тецелемъ деньги?

Д-ръ Юганнесъ. Да, христіане платятъ язычни-
камъ испуительныя деньги! Папа собираетъ древне-рим-
скія рукописи; онъ заплатилъ нѣсколько сотенъ дукатовъ
за книгу Ливія, а за библію не далъ бы и двухъ гел-
леровъ.

Амсдорфъ. Откуда пришло новое язычество?

Д-ръ Юганнесъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что изъ
Константинополя, съ тѣхъ поръ какъ турки вытѣснили
грековъ въ Римъ.

Амсдорфъ. Но къ чему это приведетъ? Христіан-
ству угрожаетъ опасность?

Д-ръ Юганнесъ. О, нѣтъ! Все идетъ къ одному!
Прогуливается взадъ и впередъ.

Входятъ фонъ-Гуттенъ и Шурфъ.

Фонъ-Гуттенъ. Кости брошены, и выпала шестерка.
Но скажите, чего здѣсь ожидаютъ?

Шурфъ. Мартина Лютера!

Фонъ-Гуттенъ. Его ужъ такъ давно ждуть; ему

посчастливилось, но до сихъ поръ мы не видѣли еще плодовъ его дѣятельности.

Шурфъ. Она начнется теперь и навѣрное будетъ плодотворной.

Фонъ-Гуттенъ. Путь тяжелъ, а братъ Мартинъ слишкомъ утомилъ себя на голыхъ камняхъ.

Входятъ Лютеръ—отецъ и мать.

Отецъ. Должно быть это дворцовая церковь?

Мать. Да, они такъ намъ сказали.

Отецъ. Только бы мнѣ удалось съ нимъ поговорить! Одно бы только слово!

Мать. Пожалуйста не будь съ нимъ слишкомъ суровъ. Ты вѣдь знаешь его вспыльчивый нравъ. Не позволишь ли ты лучше мнѣ переговорить съ нимъ?

Отецъ. Нѣтъ, я хочу самъ. Сейчасъ я могъ бы повалить его на полъ, такъ золь я на него!

Церковные часы бьютъ шесть. Всѣ въ напряженномъ ожиданіи собираются на сцену.

Фонъ-Гуттенъ. Онъ не идетъ?

Шурфъ. Идетъ, идетъ!

Кранахъ. Что все это значитъ?

Саксъ. Они имѣютъ такой озабоченный видъ?

Меланхтонъ. Господи, помилуй насъ, что только сейчасъ произойдетъ?!

Карлштадтъ. Аминь, аминь; сейчасъ что-то должно случиться!

Саксъ. Онъ идетъ! Смотрите на него. Да, это онъ идетъ во славу Божью. Это онъ!

Лютеръ входитъ.

Мать Лютеръ навстрѣчу ему. Сынъ мой, твой отецъ и я повсюду ищемъ тебя...

Лютеръ. Женщина, что мнѣ до тебя?

Отецъ Лютеръ выступаетъ впередъ.

Лютеръ. Наши пути различны. Поднимается къ церковной двери, достаетъ молотокъ, гвозди и плакатъ, который укрѣпляетъ съ помощью трехъ гвоздей! При первомъ ударѣ молотка органъ умолкаетъ. Во имя Трїедиаго Бога. — Отца! — и Сына! — и Святого Духа! — Аминь!

Фонъ-Гуттенъ поспѣшно поднимается къ церковной двери и читаетъ плакатъ. Девяносто пять тезисовъ противъ отпущенія грѣховъ!

Лютеръ. Здѣсь тезисы. Защита ихъ произойдетъ съ каедръ!

Спалатинъ и Стауницъ съ плакатами въ рукахъ.

Спалатинъ. Миръ съ тобой, Мартинъ!

Стауницъ. Миръ!

Лютеръ. Я пришелъ, чтобы принести не миръ, но мечъ! Огонь и мечъ! Смерть и пожаръ! — Всемогушій и животворяшій Боже, не покидай меня, и тогда я не побоюсь ни папы въ Римѣ, ни дьявола въ аду! Уходить.

Саксъ. Наконецъ-то взошло солнце надъ Германіей, и теперь-то мы запоемъ новыя пѣсни, фонъ-Гуттенъ, новыя! Мы будемъ писать новыя картины, Крапахъ!

Всѣ жмутъ другъ другу руки и ликуютъ.

КАРТИНА IX.

Садъ Пейтингера со статуей Лаокоона въ
Ауксбургѣ.

Доминиканецъ изъ замка Зикингенъ. Монахъ, бывший у смертнаго
одра Алексіуса.

Доминиканецъ. Я предпочелъ бы умереть въ тотъ
день, когда меня бросили въ ровъ передъ замкомъ Зи-
кингенъ!

Монахъ. Да, дѣйствительно. Я, вообще, не вѣрю въ
чудеса, но то, что ты остался живъ — это просто чудо!

Доминиканецъ. При мысли о томъ, что фонъ-Гут-
тенъ, напечатавшій позорящую монашество статью, этотъ
развращенный человѣкъ, вчера былъ посвященъ импера-
торомъ Максимилианомъ въ рыцари, а сегодня, въ каче-
ствѣ роета laureatus, получилъ лавровый вѣнокъ изъ рукъ
прекрасной Констанціи Пейтингеръ — при этой мысли мнѣ
хотѣлось бы умереть!

Монахъ. Фонъ-Гуттенъ меня не касается, но то, что
этотъ негодяй Лютеръ ревизуетъ монастыри — что назы-
вается пустили козла въ огородъ — вотъ это позоръ!

Доминиканецъ. Да, Лютеръ, да! Какъ возвысился вмѣстѣ съ нимъ Каэтанъ.

Монахъ. Папскому легату не трудно было бы давно убить эту тлю, но, хотя и придавленная, она все еще продолжаетъ жить. Онъ не хочетъ раскаяться! Что съ нимъ сдѣлаешь?

Доминиканецъ. Его надо убить!

Монахъ. Да, это, конечно, легко, но онъ успѣлъ уже такъ разбросать повсюду свое сѣмя, что вся Германія заполонена этимъ чертополохомъ.

Доминиканецъ. Развѣ это такъ?

Монахъ. Ни одинъ изъ ста не пойдетъ за нами. Это лютеранство свирѣпствуетъ не хуже Morbus Gallicus.

Доминиканецъ. Да, по поводу Morbus Gallicus, говорятъ, что фонъ-Гуттенъ собирается жениться на Констанціи Пейтингеръ; ты слышалъ это?

Монахъ. Да, ходятъ слухи.

Доминиканецъ. Въ такомъ случаѣ, ей, конечно, не извѣстно, что онъ зараженъ этой болѣзью?

Монахъ. Вѣроятно нѣтъ, иначе она отказала бы ему.

Доминиканецъ. Тогда она должна узнать! Ты замѣтилъ, что онъ носитъ всегда перчатки?

Монахъ. Да, отчего онъ это дѣлаетъ?

Доминиканецъ. Понятно; оттого, что болѣзнь перешла на руки. Она должна это узнать!

Монахъ. Но она не повѣритъ. Развѣ ты такъ мало знаешь женщинъ: когда онѣ любятъ—онѣ способны цѣловать утопившуюся кошку или шелудивую собаку.

Доминиканецъ. Тогда я пойду къ ея отцу. И даже сейчасъ!

Монахъ. Развѣ ты не хочешь раньше прослушать диспутъ?

Доминиканецъ. Нѣтъ, я не люблю теологін.

Монахъ. А было бы пріятно обмѣняться словами съ какимъ-нибудь говоруномъ. У меня также голова не уши-блена, могу тебя увѣрить.

Доминиканецъ. Я отправлюсь къ Пейттингеру и уничтожу Гуттена, а потомъ ты можешь сокрушить Лютера. *Suum cuique!*

Монахъ. Тогда поторопись, чтобы не опоздать.

Доминиканецъ. Теперь, фонъ-Гуттенъ, ты чувствуешь у меня ударъ! Уходить.

Монахъ одинъ. Да! Да!

ЛЮТЕРЪ входитъ, записывая что-то въ книгу.

Монахъ навстрѣчу Лютеру. Братецъ Августинъ!

Лютеръ. Молчать!

Монахъ. Братъ обервикарій..

Лютеръ. Замолчи!

Монахъ. Правда ли, что ты отрекся? Что ты на колѣняхъ произнесъ шесть маленькихъ буквъ гево: «беру назадъ»?

Лютеръ. Это ложь, лжецы! Да, кто лжетъ, тотъ зовется лжецомъ. Но твое лицо не лжетъ: это заплеванная аспидная доска, на которой все же можно прочесть названіе всѣхъ пороковъ, даже самыхъ тайныхъ. Я посѣтилъ и твой монастырь, и мнѣ хорошо знакома твоя постель, твой столъ, твоя утварь и чарки...

Монахъ безуспѣшно силится произнести слово.

Лютеръ. Если бы я вздумалъ освидѣтельствовать твою глотку, то сдѣлалъ бы это не иначе, какъ при помощи

грязной щетки; запахъ спирта, разящій изъ твоего рта, способенъ опьянить полдюжины мужиковъ... носъ твой блеститъ какъ фонарь, и съ помощью его ты могъ бы разыскивать дождевыхъ червей... Твои глаза похожи на гусиное сало, а въ твоихъ ушахъ можно посѣять съ полтонны стручковыхъ бобовъ; своими руками, въ продолженіе года не выдавшими воды Эльбы, ты осмѣливаешься прикасаться къ святынѣ, и своимъ мерзостнымъ ртомъ ты цѣлуешь алтарь Господень!.. Я встрѣтилъ тебя однажды у смертнаго одра моего друга Алексіуса. Я былъ тогда очень юнъ и глупъ, почти такъ же глупъ, какъ ты сейчасъ. Ты произнесъ тогда великое слово о неправедномъ, который упорно шелъ своимъ путемъ, и вотъ онъ погибъ. Это подействовало на меня, какъ слово Божіе на школьника. Я поджалъ хвостъ, втянулъ въ себя уши и заползъ въ нору! Но если бы я тогда зналъ то, что знаю сейчасъ — никогда моей спины не коснулась бы черная сутана, никогда не ходилъ бы я съ сумой. Во всякомъ случаѣ благодарю тебя за урокъ; нѣтъ худа безъ добра! Но хитрость—еще не мудрость и лживость нечестивца — не разумъ. Песъ возвращается къ своей блевотинѣ, а монахъ валется въ собственной грязи... Что, задыхаешься, животное?!

Монахъ, совершенно уничтоженный отъ злобы, съ согнутой спиной и почернѣвшимъ лицомъ, уходитъ.

Лютеръ. Вотъ какъ учатъ собакъ!

Пауза.

Стаупицъ входитъ съ той стороны, куда ушелъ монахъ. Что сдѣлалъ ты съ монахомъ?

Лютеръ. Я заставилъ его задохнуться!

Стаупицъ. Я думалъ, что его хватилъ ударъ!

Лютеръ. Ничего, нельзя же было его оставить неостомшеннымъ!

Стаупицъ. Августинъ, я не могу дальше слѣдовать за тобой!

Лютеръ. Не можете?

Стаупицъ. Ты зашелъ слишкомъ далеко.

Лютеръ. Вы покидаете меня?

Стаупицъ. Да!

Лютеръ. Мой отецъ и мать моя отреклись отъ меня, но Господь Богъ меня не оттолкнетъ! Что я сдѣлалъ?

Стаупицъ. Ты это знаешь! Ты назвалъ папу антихристомъ!

Лютеръ. Если онъ антихристъ—я долженъ звать его антихристомъ!

Стаупицъ. Надо ли еще и намъ съ тобой спорить? Нѣтъ! Я хочу сказать тебѣ только одно: съ сегодняшняго дня ты освобожденъ отъ своего монашескаго обѣта.

Лютеръ. То-есть исключень?

Стаупицъ. Если ты хочешь! Нѣтъ больше Августина!

Лютеръ. Значить я сталъ опять Мартиномъ Лютеромъ! Хорошо!.. Ряса начинала уже тѣснить меня и мѣшала свободнымъ движеніямъ рукъ!

Стаупицъ. Не намѣренъ ли ты теперь летать?

Лютеръ. Я возьму крылья у утренней зари и полечу туда, гдѣ восходитъ солнце!

Стаупицъ. Тогда лети одинъ. Никто не послѣдуетъ за тобою!

Лютеръ. Никто? Значить курфюрстъ..?

Стаупицъ. Да, курфюрстъ отстраняется отъ твоихъ дерзкихъ выходокъ!

Лютеръ. Измѣнилъ... и онъ тоже! Ну, хорошо! Теперь, когда вы больше не начальство мнѣ—я могу смѣло сказать вамъ два слова. За ваше дружеское покровительство въ дурное время—примите мою благодарности! За ваше вѣроломство по отношенію къ служителю Бога—примите мое проклятiе!

Стаупицъ. Ты проклинаешь..! О, Боже, онъ проклинаетъ своего друга! Плачь.

Лютеръ. Да, я это дѣлаю!

Стаупицъ, уходя. Онъ проклинаетъ своего друга! Да прости́тъ тебѣ Богъ!

Лютеръ. Онъ уже сдѣлалъ это!

Лютеръ одинъ. Одинъ!.. Тѣмъ лучше! Идетъ. Теперь, Всемогущій и Животворящій Господь, мы одни съ Тобой—Ты и я! Или Ты тоже отречешься отъ меня? Я не отрекись! Уходить.

Фонъ-Гуттенъ входитъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ и лавровомъ вѣнкѣ и Констанція Пейтингеръ.

Фонъ-Гуттенъ. Вотъ это мѣсто!.. Здѣсь я продекламирую тебѣ свою пѣсню.

Констанція. И твою тайну... мнѣ одной!

Фонъ-Гуттенъ. Тебѣ, кому жъ еще? Развѣ для меня существуетъ кто-нибудь кромѣ тебя? Развѣ не черезъ тебя я воспринимаю весь міръ? Что значу я безъ тебя? Я родился къ жизни съ того момента, какъ увидѣлъ тебя, и умираю, когда тебя нѣтъ съ мной. Теперь я взойду на костеръ, но я подожду его собственными руками!

Констанція. Ты говоришь загадками! Ты сказалъ,

что любишь меня. Я отвѣтила: хочешь взять меня? Ты сказалъ: хочу, но не смѣю! Что это значитъ? Отецъ мой согласенъ, мать согласна, согласна я — и все же ты не смѣешь!

Фонъ-Гуттенъ. Извѣстна ли тебѣ воля боговъ?

Констанція. Вы начинаете говорить о богахъ древнихъ римлянъ, какъ будто вы почитаете ихъ.

Фонъ-Гуттенъ. Они возвращены изъ изгнанія, и мы ихъ чтимъ!

Констанція указывая на статую Лаокоона. Эту статую теперь можно найти вездѣ. Кто это?

Фонъ-Гуттенъ. Извѣстнѣе этому приписывали много различныхъ значеній. Последнее таково: Лаокоонъ, жрецъ Аполлона, хотѣлъ жениться и за это былъ умерщвленъ богомъ.

Констанція. Значитъ Аполлонъ никогда не зналъ любви?

Фонъ-Гуттенъ. Онъ любилъ юную дѣву, по имени Дафне, но въ послѣднюю минуту она превратилась въ лавровое дерево. Констанція... я получилъ уже лавры — тобою же не буду владѣть никогда!

Констанція. Ты опять за прежнее! Ну, пропой же мнѣ свою тайну!

Фонъ-Гуттенъ. Слѣть я не могу, но я скажу тебѣ ее, пока я еще могу говорить!

Констанція. Пока?..

Фонъ-Гуттенъ. Да! Мой голосъ начинаетъ угасать, такъ же какъ и свѣтъ моихъ очей; скоро для меня наступитъ блужданіе во мракѣ и безмолвіи!

Декламируетъ.

На Шпессартскихъ скалахъ,
На Шпессартскихъ скалахъ, надъ Рейномъ
Замокъ Волькенштейнъ,
Замокъ Волькенштейнъ фонъ-Шрейна
У подножья скалы, опершись на гранитъ,
Надъ волнами суровый, унылый стоитъ,
И пугаетъ крестьянъ его сумрачный видъ,
И уста ихъ лепечутъ молитву.

Замокъ Волькенштейнъ,
Замокъ Волькенштейнъ фонъ-Шрейна,
У подножья скалы
У подножья скалы надъ Рейномъ,
Избѣжавшій стрѣлы среди горныхъ вершинъ,
Но могучій и злобный небесъ властелинъ,
На вершинѣ тѣхъ скалъ хищникъ ястребъ одинъ
Поселился въ глубокихъ снѣгахъ.

Замокъ Волькенштейнъ
Замокъ Волькенштейнъ фонъ-Шрейна
Горе, горе тебѣ: надвигается день,
Глубоко, глубоко дно Рейна!
Хищникъ ястребъ гнѣздо собрался себѣ вить,
Снѣжный саванъ вокругъ разрываетъ, крушитъ
И съ лавиною вмѣстѣ тебя поглотить,
Бездна алчная жаждетъ мгновенья!

Гордый Волькенштейнъ, ~~.....~~
Гордый Волькенштейнъ фонъ-Шрейнъ
Гдѣ жъ твой замокъ и ты?
Вамъ могилой сталъ Рейнъ!
Вотъ наслѣдникъ твой нищъ и судьбой обреченъ
Не извѣдать удачи нигдѣ и ни въ чемъ,

Свою жизнь проклиная погибнетъ и онъ,

То неба правдивое мщенье!

На Шпессартскихъ скалахъ,

На Шпессартскихъ скалахъ, надъ Рейномъ

Тамъ, гдѣ замокъ стоялъ,

Тамъ, гдѣ замокъ стоялъ фонъ-Шрейна,

Лишь вѣтвистый дубъ подь скалою растеть

И подь сѣнь свою никого не ждеть,

Да руина-пѣвецъ тамъ еще живеть,

Ожидая конца разрушенья.

Констанція бросается въ его объятія, но онъ отстраняетъ ее. Ты отталкиваешь меня?

Фонъ-Гуттенъ. Да!

Констанція. И все же ты меня любишь?

Фонъ-Гуттенъ. Да!.. А теперь мы должны разстаться, потому что я твой прокаженный братъ!..

Констанція вскрикиваетъ.

Пейтингеръ, входя. Рыцарь Ульрихъ фонъ-Гуттенъ!

Фонъ-Гуттенъ. Я здѣсь!

Пейтингеръ. Нашъ милостивый императоръ и повелитель даровалъ вамъ мечъ и шпоры, но у меня есть основаніе подозрѣвать, что вы вовсе не рыцарь и прежде всего не защитникъ невинности!

Фонъ-Гуттенъ. Ты хочешь запятнать мой щитъ, бюргеръ! Будь остороженъ!

Пейтингеръ. И ты еще говоришь такимъ тономъ, бродяга! — Констанція, этотъ человекъ не достоинъ тебя!

Констанція. Онъ достоинъ меня и онъ рыцарь!

Пейтингеръ. Значитъ ты не знаешь...

Констанція. Нѣтъ, я знаю, онъ пораженъ смер-

тсльнымъ недугомъ, и поэтому мы съ нимъ сейчасъ простились навсегда.

Пейтингеръ. Фонъ-Гуттенъ! Простите меня! Вашу руку!

Фонъ-Гуттенъ. Только не руку, а мое сердце, пока оно еще чисто!

Констанція. Ульрихъ!

Фонъ-Гуттенъ. Констанція!

Констанція. Прощай, мой вѣчно любимый другъ!

Фонъ-Гуттенъ. Прощай, вѣчно любимая подруга!

Уходить.

Пейтингеръ. Дитя мое! Сказка любви твоей была такъ коротка!..

Констанція. Какъ счастье! Одно лишь горе длится!

Пейтингеръ. О, зачѣмъ этому суждено было случиться! Направляются къ выходу. Пейтингеръ остается, Констанція уходитъ.

Карлштадтъ, входя, къ Пейтингеру. Лютеръ бѣжалъ!

Пейтингеръ. Бѣжалъ?

Карлштадтъ. Онъ тайно покинулъ городъ!

Пейтингеръ. Тогда все погибло! Зачѣмъ онъ разрушилъ собственное дѣло?

Карлштадтъ. Теперь мы начнемъ новое!

Пейтингеръ. Развѣ Карлштадтъ способенъ на это?

Карлштадтъ. Раньше не былъ, но сталъ теперь!

Пейтингеръ. Найдутся ли еще такіе?

Карлштадтъ. Насъ легионъ! Теперь я отправлюсь въ Лейпцигъ, чтобы сразиться на диспутѣ съ докторомъ Эккомъ. Тогда-то міръ увидитъ нѣчто новое!

Пейтингеръ. О, дайте это намъ увидѣть!

КАРТИНА X.

Лабораторія доктора Іоганнеса въ Лейпцигѣ.

Д-ръ Іоганнесъ сидитъ у стола и разговариваетъ съ кѣмъ-то невидимымъ въ комнатѣ направо, на заднемъ планѣ, съ открытой дверью. Лунный свѣтъ падаетъ въ комнату д-ра Іоганнеса; другая комната освѣщена лампой и свѣтомъ отъ плавильной печи.

Д-ръ Іоганнесъ. Отвѣчай! Что видишь ты!

Голосъ. Я вижу бѣлую розу и краснаго орла.

Д-ръ Іоганнесъ. Это царство матеріи и духа.

Голосъ. Кто властитель матеріи?

Д-ръ Іоганнесъ. Гибелинъ!

Голосъ. А властитель духа?

Д-ръ Іоганнесъ. Гвельфъ! Что видишь ты теперь?

Голосъ. Роза и орелъ борются!

Д-ръ Іоганнесъ. Кто побѣждаетъ?

Голосъ. Никто! Они кажутся равной силы.

Д-ръ Іоганнесъ. Теперь что видишь?

Голосъ. Бѣлая роза породила красную! Теперь происходитъ борьба между розами.

Д-ръ Іоганнесъ. Кто побѣждаетъ?

Голосъ. Красная роза!

Д-ръ Иоганнесъ. Это Ланкастеръ при Босвортъ
Это Генрихъ!

Голосъ. Могу ли я задать вопросъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Спрашивай!

Голосъ. Что было вначалѣ?

Д-ръ Иоганнесъ. Все! Все во всемъ! Все служить
одному. Довольно!

Стучатся въ дверь.

Д-ръ Иоганнесъ. Войдите!

КАРЛШТАДТЪ входитъ.

Д-ръ Иоганнесъ. Ты просилъ разрѣшенія посѣтить
меня, какъ Никодимъ въ ночи. Добро пожаловать! Что
тебѣ надо?

КАРЛШТАДТЪ. Я хочу узнать будущее.

Д-ръ Иоганнесъ. Ты можешь вычислить его по на-
стоящему, если ты вообще умѣешь вычислять. Съ тремя
извѣстными найти четвертое неизвѣстное не трудно.

КАРЛШТАДТЪ. Слѣдили ли вы за нашимъ диспутомъ
здѣсь, въ Лейпцигѣ?

Д-ръ Иоганнесъ. Я слушалъ васъ въ продолженіе
семнадцати дней.

КАРЛШТАДТЪ. Кто побѣдилъ по вашему мнѣнію?

Д-ръ Иоганнесъ. Никто! Вы оба были одинаково
хитры; поэтому паписты считаютъ побѣдителями себя,
лютеране себя.

КАРЛШТАДТЪ. Но Богъ съ нами или противъ насъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Кто справедливъ, тотъ ни за, ни
противъ. Справедливость безпартійна.

КАРЛШТАДТЪ. Правы ли паписты вообще?

Д-ръ Иоганнесъ. Да, конечно!.. Какъ у свѣтскихъ

имѣется императоръ, такъ у духовныхъ папа; а духовные интересы всегда должны быть впереди.

КАРЛШТАДТЪ. Но свѣтская власть папы?..

Д-ръ Иоганнесъ. Что же это за власть? Архiepи-скопъ римскій имѣетъ свой монастырь, или свой церковный приходъ, какъ и другіе епископы; объ этомъ не стоитъ и говорить. А власть Льва X была не такъ велика, чтобы помѣшать ему быть взятымъ въ плѣнъ при Равеннѣ.

КАРЛШТАДТЪ. Я раскаиваюсь, что началъ съ вами разговоръ!

Д-ръ Иоганнесъ. То же самое говорилъ Лютеръ, когда я далъ ему сочиненія Гуса, а теперь онъ съ кафедры называетъ себя гуситомъ. Впрочемъ, вы можете считать себя удовлетворенными: Тецель удаленъ, и продажа индульгенцій воспрещена. Папскій придворный Мильтицъ, злѣйшій врагъ Лютера, въ пьяномъ видѣ утонулъ въ Рейнѣ. Развѣ ты не видишь, что на свѣтѣ существуетъ справедливость?

КАРЛШТАДТЪ. Но Лютеръ отлученъ отъ церкви!

Д-ръ Иоганнесъ. Что же изъ этого? Никто не по-смѣетъ тронуть его! Максимилианъ, отступившійся отъ него, умеръ во-время. Не печется ли само провидѣніе о Лютерѣ? А теперь другъ Лютера, курфюрстъ — правитель государства. На что же вы жалуетесь?

КАРЛШТАДТЪ. Я предпочелъ бы никогда не приходи-ть сюда!

Д-ръ Иоганнесъ. Отвѣчай мнѣ, возражай, если я не правъ! Ты не можешь этого сдѣлать и потому сердиться.

КАРЛШТАДТЪ. Что ждетъ насъ въ будущемъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Не думаешь ли ты, что я колдунъ, какъ вѣрять въ это простой народъ? Я только математикъ.

КАРЛШТАДТЪ. Не можете ли вы поэтому вычислить, кто будетъ императоромъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Карлъ Пятый, разумѣется! Потому что курфюрстъ Саксонскій отказался отъ престола и потому что Карлъ предложенъ курфюрстомъ; къ тому же онъ владѣетъ золотомъ Новаго Свѣта, чтобы быть въ состояннн купить голоса!...

КАРЛШТАДТЪ. Я не вѣрю этому!

Д-ръ Иоганнесъ. Ты просто завидуешь Лютеру.

КАРЛШТАДТЪ. Я?

Д-ръ Иоганнесъ. Иди съ миромъ! Будь другомъ своего друга и не касайся грубыми руками его судьбы, которой ты не понимаешь!

КАРЛШТАДТЪ. Лютеръ измѣнилъ дѣлу!

Д-ръ Иоганнесъ. Ты лжешь! Онъ отступилъ передъ численнымъ превосходствомъ врага, чтобы собрать силы для новой атаки. Отправься въ Виттенбергъ, и ты увидишь Лютера въ огнѣ, въ пылу самаго жаркаго сраженія, какъ это было здѣсь, въ Лейпцигѣ, пока ты диспутировалъ съ докторомъ Эккомъ. Иди въ Виттенбергъ, тамъ встрѣтимся мы всѣ. Иди!

КАРЛШТАДТЪ. Я пойду, но только своей собственной дорогой!

Д-ръ Иоганнесъ. Своей дорогой, но по слѣдамъ другихъ!

КАРЛШТАДТЪ. Вы папистъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Я не знаю, что это значитъ. Я— только зритель, сохранившій свой разумъ въ то время, какъ другіе потеряли его. Я не представляю собой ничего изъ того, что ты думаешь обо мнѣ, и ты не находишь для

меня подходящаго имени! Все, что ты говоришь — пустой звукъ, и пути, которыми вы идете — ведутъ не туда, куда вы думаете! Тотъ, кто есть, былъ и будетъ, смѣется надъ вами, но пользуется вами. Запомни эти слова: ни Лютеръ, ни Цвингли, ни Кальвинъ не поразятъ папу; это сдѣлаетъ императоръ Карлъ Пятый. И когда это совершится — Лютеръ будетъ провозглашенъ Папой Римскимъ.

Карлштадтъ. Теперь-то я уже навѣрное пойду!
Д-ръ Иоганнесъ продолжаетъ писать.

КАРТИНА XI.

Въ Виттенбергѣ, передъ эльстерскими
воротами.

Направо ворота Эльстера, налѣво гостиница, передъ которой разставлены столы. За столомъ: фонъ-Гуттенъ, Кранахъ, Шурфъ, Меланхтонъ и другіе доктора. На заднемъ планѣ маленькій театральный баракъ.

Фонъ-Гуттенъ. Вотъ мы и снова собрались!

Кранахъ. Братъ Мартинъ пригласилъ насъ на новое зрѣлище.

Амсдорфъ. Тамъ наверху?

Кранахъ. Я не знаю, не будетъ ли это драматическій эпилогъ. Мартинъ Лютеръ всегда соберетъ народъ, стоитъ ему только забить въ барабанъ.

Фонъ-Гуттенъ. Но гдѣ же Карлштадтъ, второе я Мартина?

Меланхтонъ. Андрей должно быть проповѣдуетъ гдѣ-нибудь.

Кранахъ. А Саксъ, Гансъ Саксъ?

Фонъ-Гуттенъ. Онъ, разумѣется, дома и слагаетъ стихи въ честь новаго императора.

Кр а н а х ъ . Да, да, императоры! Девятнадцать лѣтъ!
Теперь должны настать новыя времена. Ура! Да здрав-
ствуетъ императоръ Карлъ Пятый!

Ф о н ъ - Г у т т е н ъ . *Silentium!* Представленіе начинается.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

Сапожникъ входитъ.

Кухарка. Господинъ каноникъ! Сапожникъ пришелъ.

Каноникъ. *A! bene veneritis.*

Сапожникъ. *Deo gratias!*

Каноникъ. Что, вы принесли мнѣ туфли?

Сапожникъ. Да, но я думалъ вы ушли уже въ
церковь.

Каноникъ. Нѣтъ, я былъ въ бесѣдкѣ и мололъ!

Сапожникъ. Вы мололи?

Каноникъ. Да, мололъ своего Горация и кормилъ
соловья.

Сапожникъ. Что это за соловей у васъ? Онъ еще
поетъ?

Каноникъ. Нѣтъ, теперь не подходящее время для
этого.

Сапожникъ. А я знаю одного сапожника, у него
есть соловей, который именно теперь началъ пѣть.

Каноникъ. Что бы чортъ побралъ этого сапожника
съ его соловьемъ! Какъ это онъ еще оставилъ въ покоѣ
святого отца, святыхъ отцовъ и насъ грѣшныхъ?

Сапожникъ. О! Онъ не оставляетъ въ покоѣ только
ваши желудки и кошельки!

Каноникъ. Я слышу хоръ... Кухарка, подай скюртукъ. Идите съ миромъ, мастеръ. Всего хорошаго!

Сапожникъ. Амны! Уходить.

Каноникъ. Мнѣ кажется самъ дьяволъ вселился въ этого сапожника! Онъ больше не получить у меня работы! Ее получить Гансъ Цабель, который не зараженъ никакимъ лютеранствомъ и еретичествомъ!.. Теперь, кухарка, ты отправишься на рынокъ. Купи мнѣ одного дрозда... или нѣтъ, лучше дюжину: сегодня придетъ на банкетъ господинъ капеланъ съ нѣсколькими друзьями. Убери изъ столовой библию и позаботься о томъ, чтобы на столѣ были рюмки и кости. Не забудь также новую колоду картъ или даже двѣ!

Занавѣсъ.

Фонъ-Гуттенъ. Голосъ Якова, а рука Ганса! Гансъ Саксъ!

Всѣ. Саксъ, Саксъ! Выходи! Автора!

САКСЪ входитъ.

Всѣ. Да здравствуетъ Саксъ!

САКСЪ. Благодарю, друзья!

Кранахъ. Состязаніе пѣвцовъ! фонъ-Гуттенъ и Саксъ!

Фонъ-Гуттенъ. Согласенъ. Гансъ достойный конкурентъ! Я принимаю вызовъ! Кто начинаетъ?

Кранахъ. Начинаетъ Саксъ!

САКСЪ. Слишкомъ лестно пѣть въ одинъ день съ Ульрихомъ Гуттеномъ, но еще большая честь — съ нимъ состязаться! Какая тема, господа?

КРАНАХЪ. Здѣсь, въ Виттенбергѣ можетъ быть только
одна тема: Мартинъ Лютеръ!

САКСЪ декламируетъ.

Пробуждайся народъ — начинается день,
Скользя, плыветъ ночная тѣнь!
Я слышу — странный соловей
Запѣлъ средь зелени вѣтвей.
Гдѣ западъ — въ сонъ уходитъ ночь,
Востокъ встрѣчаетъ утра дочь
Восхода пурпурная кровь
На облакахъ алѣетъ вновь!
Смѣется солнце — рдѣетъ къ зною.
Затерянь слѣдъ, гдѣ мѣсяцъ плылъ,
То, можетъ, призракъ только былъ.
Сбѣгаютъ овцы къ водопою,
Но въ страхѣ пятятся назадъ:
Потерянь стражъ ихъ робкихъ стады!

Всѣ. Bravo, Саксъ! Ульрихъ фонъ-Гуттенъ!
Фонъ-Гуттенъ.

Долго ль ты будешь, о вихрь полуночи,
Вакхическимъ кликомъ долину будить?
Чужбиной ты посланъ слѣпить наши очи
И силу мужей нашихъ юныхъ губить.

Но сѣверъ въ смятеньи — въ Саксоніи ропотъ,
Тюрингенъ возсталъ и трубитъ ужъ въ рога,
Вотъ буря бушуетъ, зловѣщъ ея рокотъ
Деревню и городъ разить, какъ врага.

«Гнилые плоды сами съ вѣтокъ слетаютъ»),
Такъ въ пѣснѣ поется — и сѣверный шквалъ
Въ порывѣ могучемъ преграды ломаетъ,
Вотъ — мракъ побѣжденъ, и день новый насталъ!

Доминиканецъ, подходя къ Гансу Саксу и прерывая фонъ-Гуттена. Тебѣ принадлежитъ этотъ деревянный ящикъ?

Саксъ. Да, мнѣ!

Доминиканецъ. Убери его! Онъ стоитъ на монастырской землѣ. Впрочемъ, пусть сапожникъ остается при своей колодкѣ!

Саксъ, указывая на театр. Да, вотъ моя колодка! А гдѣ твоя?

Доминиканецъ. Ты изображаешь сальности.

Саксъ. По кожѣ и смазкѣ!

Фонъ-Гуттенъ. Прогоните монаха! Это секретарь доктора Экка!

Всѣ. Доктора Экка!

Фонъ-Гуттенъ... Который привезъ изъ Рима папскую буллу отреченья. Послушай-ка, монахъ! Не выбросилъ ли я тебя однажды изъ окна? Изъ Эбернбургскаго замка фонъ-Зикингена?

Доминиканецъ. Это ложь!

Фонъ-Гуттенъ. Въ такомъ случаѣ можно поклясться, что это правда!

Студенты, предводительствуемые Леонардомъ Кайзеромъ, несутъ дрова и связки хвороста, которыя складываютъ въ кучу.

Доминиканецъ. Что здѣсь затѣвается? Это монастырская земля, и я не позволю здѣсь никакихъ безчинствъ!

Фонъ-Гуттенъ. Студенты! Позабавьтесь-ка монахомъ
Это секретарь доктора Экка!

Студенты, кромѣ Кайзера, окружаютъ монаха и поютъ:

Докторъ Эккъ, Эккъ, Эккъ,
Ты бездарный человѣкъ, вѣкъ, вѣкъ,
Лижешь перья цѣлый вѣкъ, вѣкъ, вѣкъ,
Въ грязь свалился докторъ Эккъ, Эккъ, Эккъ,
Заблеялъ съ испуга мѣкъ, мѣкъ, мѣкъ,
Ты козель, не человѣкъ, вѣкъ, вѣкъ,
Докторъ Эккъ.

Леонардъ Кайзеръ поджигаетъ костеръ.

Студенты подходятъ съ фоліантами, которые кладутъ на
костеръ.

Фонъ-Гуттенъ. Что вы дѣлаете?

Леонардъ Кайзеръ. Нос est corpus—juris canonici!
Это папскія декреталии: Граціана, Климента, Исидора и
другихъ сумасбродовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ
половина поддѣльныхъ. Вотъ оковы, которыми Римъ ско-
вывалъ Германію со временъ Нерона и Клавдія!

Фонъ-Гуттенъ. Кто вы?

Леонардъ Кайзеръ. Я ничто, но мое имя Леонардъ
Кайзеръ, и меня зовутъ младшимъ изъ друзей доктора
Лютера. Это мой почетный титулъ!

Доминиканецъ. Это кошунство! Погасите огоны!

Леонардъ Кайзеръ. Этотъ огонь никогда не по-
гаснетъ! Понимаешь ты это?

Студенты поютъ.

Сжаришь гуся—будетъ гусь,

Сжаришь цѣлымъ—будетъ прѣлымъ.

Снимешь кожу—скорчишь рожу
Хорошо!

Сжаришь лебедь—будетъ чортъ,
Сжаришь чорта
Будетъ худо,—это чудо
Да!

Леонардъ Кайзеръ. Учитель идетъ!

Всѣ. Лютеръ идетъ! Встають.

Доминиканецъ убѣгаетъ.

Лютеръ съ отрѣшительной буллой въ рукахъ, проходя мимо Леонарда Кайзера, хлопаетъ его по плечу.

Всѣ. Да здравствуетъ учитель!

Лютеръ дѣлаетъ знакъ молчать. Какъ ты поражаешь служителя Бога, да поразить и поглотить тебя такъ же вѣчный огонь!

Д-ръ Иоганнесъ. Аминь!

Всѣ. Аминь!

Крапахъ. Иди сюда, Мартинъ, и садись среди своихъ друзей.

Лютеръ. Нѣтъ; время отдыха еще не настало! Но гдѣ же Карлштадтъ?

Амсдорфъ. Онъ пошелъ своимъ собственнымъ путемъ.

Лютеръ. Иуда Искариотъ!

Леонардъ Кайзеръ на колѣняхъ. Прими меня, учитель, вмѣсто него.

Лютеръ. Замолчи, богохульникъ, я пока еще только ученикъ, но я возьму тебя за твое хорошее лицо: ты дол-

женъ быть пламеннымъ слугою Господа Бога! Но что привело тебя ко мнѣ, юноша?

Леонардъ Кайзеръ. Для этого было множество причинъ, и первая та, что ты умѣешь прощать врагамъ.

Лютеръ. Я никогда не прощаю врагу раньше, чѣмъ не переломаю ему руки и ноги.

Леонардъ Кайзеръ. Послушайте, благородные и ученые мужи! Когда продавецъ индουλгенцій Тецель былъ отставленъ и за воровство ему грозила тюрьма — докторъ Лютеръ написалъ ему слово утѣшенія...

Лютеръ. Иной разъ пожалѣешь и самого сатану, ну, а мы все же люди. Теперь я пойду дальше!

Фонъ-Гуттенъ. Куда идешь ты?

Лютеръ. Quo vadis? Я иду, чтобы быть распятымъ!

Кранахъ. Куда?

Лютеръ. Императоръ призываетъ меня на рейхстагъ въ Вормсъ.

Фонъ-Гуттенъ. Не ходи туда!

Лютеръ. Развѣ ты былъ тоже и въ Вормсѣ? Въ монастырѣ, я знаю, ты былъ.

Фонъ-Гуттенъ. Нѣтъ! Но я знаю императора. Подъ его мантией скрывается папа.

Лютеръ. Тѣмъ лучше — я покончу сразу съ двумя! Кто пойдетъ со мной?

Амсдорфъ и Шурфъ. Мы!

Лютеръ. Амсдорфъ? Шурфъ? Это славныя имена!

Фонъ-Гуттенъ. Если ты пойдешь въ Вормсъ, я явлюсь туда вслѣдъ за тобой съ своими 400-ми всадниковъ, которыхъ я собралъ.

Лютеръ. Спрячь свой мечъ въ ножны, Ульрихъ, и

сражайся перомъ! Помни, что наше оружіе — духовное. Исключительно духовное! Ты вѣдь знаешь: мы боремся со свѣтской властью.

Саксъ. Можно мнѣ пожать вашу руку, Мартинъ?

Лютеръ. Можешь, Гансъ! И предоставимъ неистовствовать юношамъ. Вѣдь не хотите же вы, чтобы я кричалъ на улицахъ и топалъ ногами въ этой одеждѣ. Погони, погони! Теперь я отправлюсь къ своимъ теологамъ, а вы не любите теологію! Итакъ, прощайте: Лука, Ульрихъ, Гансъ, Филиппъ. Прощайте всѣ! Уходить.

Всѣ машутъ руками. Прощай, учитель!

Лютеръ. Поддерживай огонь, Леонардъ! А ты, Филиппъ Меланхтонъ, иди писать!

КАРТИНА XII.

Приемная передъ залой ратуши въ Вормсѣ.

У двери на заднемъ планѣ ландскнехты и слуги. У окна, повернувшись спиной къ комнатѣ, стоитъ Лютеръ. Передъ нимъ камень со статуей Лаокоона.

Первый ландскнехтъ. А монахъ-то выйдитъ не очень страшнымъ!

Второй ландскнехтъ. Онъ похожъ на мусорщика, который самъ себя подобралъ въ кучѣ мусора!

Слуги громко смѣются.

Второй ландскнехтъ. Къ тому же онъ ужасно пьетъ! Послѣ сожженія буллы онъ принялся за выпивку съ портными и сапожниками.

Первый ландскнехтъ. Ты видѣлъ самъ?

Второй ландскнехтъ. Нѣтъ... но я слышалъ, какъ рассказывали.

Первый ландскнехтъ. Теперь-то они ему ужъ переломають хребетъ!

Герольдъ входитъ, къ ландскнехтамъ. Это царь Иудейскій?

Слуги смѣются.

Первый ландскнехтъ. Это царь царей.

Герольдъ Лютеръ. Повернись-ка, монахъ!

Лютеръ не трогается.

Герольдъ. Повернись, монахъ: я хочу видѣть, можешь ли ты смотрѣть людямъ въ глаза.

Лютеръ поворачивается и пристально смотритъ на герольда.

Герольдъ въ страхъ. Онъ похожъ на самого дьявола!.. Но стоитъ войти папскому легату Александру, какъ ты бросишься передъ нимъ на колѣни!

Лютеръ. Нѣтъ, я этого не сдѣлаю!

Герольдъ. Тогда ландскнехты сшибутъ тебя съ ногъ.

Лютеръ. И этого не будетъ, потому что я явился сюда подъ охраной императора, а не папы.

Герольдъ. Иоаннъ Гусъ тоже пришелъ подъ охраной въ Констанцъ, но и онъ и его охрана разсѣялись въ дыму. Охрану получаютъ изъ милости и не по заслугамъ — не правда ли? — а милость можетъ быть взята обратно, такъ? Ты думаешь я не читалъ Лютера?

Лютеръ молчитъ.

Герольдъ. Дальше!

Первый ландскнехтъ. Здѣсь есть люди, которые хотѣли бы посмотрѣть на монаха; разрѣшите имъ войти?

Герольдъ. Да. Они могутъ плюнуть ему въ лицо, если хотятъ? Впустите ихъ!

Народъ въ дверяхъ хихикаетъ, показывая пальцами.

Герольдъ. Подойдите ближе, добрые люди, и посмотрите на медвѣдя. Такъ называетъ онъ самъ себя въ своихъ писаніяхъ. Вотъ какъ пишетъ онъ: «На всѣхъ вашихъ дорогахъ и тропинкахъ всегда вы будете встрѣчать

Лютера какъ медвѣдя и какъ льва. Со всѣхъ сторонъ будетъ онъ устремляться и преслѣдовать васъ, пока не разможжитъ ваши желѣзныя головы и не превратитъ въ прахъ ваши мѣдныя лбы». Не правда ли, онъ забавенъ!

Народъ смѣется.

2-й ландскнехтъ. Защитникъ обвиняемаго, докторъ Иеронимъ Шурфъ, проситъ позволенія войти!

Герольдъ. Шурфъ? Это слишкомъ хорошее имя для защитника монаха! Ну,пусти вожатаго!

Шурфъ подходитъ къ Лютеру.

Народъ отодвигается.

Шурфъ. Куда ты попалъ, Мартинъ?

Лютеръ. Въ змѣиную нору. Но гдѣ ты, что съ нашимъ дѣломъ, гдѣ Господь Богъ?

Шурфъ. Мартинъ, я не отступлюсь отъ тебя, хотя наше дѣло въ отчаянномъ положеніи.

Лютеръ. Такъ ты покидаешь меня? Хорошо!

Шурфъ. Я говорю тебѣ: нѣтъ!

Лютеръ. Почему дѣло въ отчаянномъ положеніи?

Шурфъ. Потому что другъ нашего дѣла, но твой личный врагъ, Георгъ Саксонскій, истратилъ весь зарядъ на тебя!

Лютеръ. Что это значитъ?

Шурфъ. По открытіи рейхстага герцогъ Георгъ доложилъ всѣ жалобы нѣмецкаго народа на Римъ, раскрылъ всѣ его бѣды и страданье и сдѣлалъ все это такъ, что вызвалъ сочувствіе князей, а также императора.

Лютеръ. Въ такомъ случаѣ я — лишній!

Шурфъ. Постой! Загѣмъ герцогъ просилъ созвать

церковный соборъ. Предложеніе это окончилось назначеніемъ рейхстагомъ комиссіи.

Лютеръ. Что же онъ сказалъ обо мнѣ?

Шурфъ. Ничего! Твое имя не было произнесено.

Лютеръ. Вычеркнуто! Въ такомъ случаѣ что же мнѣ здѣсь дѣлать?

Шурфъ. Ты долженъ только защищать свое ученіе или отречься отъ него!

Лютеръ. Я долженъ отречься? Но вѣдь императоръ желаетъ выслушать меня!

Шурфъ. Да, онъ хотѣлъ услышать твое отреченіе!

Лютеръ. Ну, этого ему не удастся!

Шурфъ. Мартинъ!

Лютеръ. А если я не отрекусь?

Шурфъ молчитъ.

Лютеръ. Тогда онъ возьметъ назадъ свою охрану?

Шурфъ молчитъ.

Лютеръ. Итакъ, я долженъ быть искупительной жертвой! Хорошо!.. Теперь дѣло выяснилось, а я люблю ясность и порядокъ во всемъ... Если бы у меня было имущество, я долженъ бы былъ сейчасъ же писать завѣщаніе и потомъ послать за омывательницей труповъ!

Шурфъ. Не оставляй нашего великаго дѣла!

Лютеръ. Если Богъ его оставилъ, значитъ оно никуда не годится, и тогда я пойду прямо въ огонь... Почему я долженъ защищать его, если онъ меня не защищаетъ?

Шурфъ. Мартинъ! Ты падаешь при первомъ же испытаніи! Да, это только испытаніе.

Лютеръ. Почему я это знаю? Я понимаю это какъ

указаніе къ отступленію. Скажетъ Богъ: впередъ, Мартинъ — я пойду впередъ! Скажетъ онъ: смирно! — я буду молчать. Увертокъ и подмигиваній я не понимаю!

Шурфъ. Что ты говоришь! Что говоришь!.. Ты дѣйствительно заслуживаешь быть сожженнымъ за богохульство, если не за еретичество.

Лютеръ. Апостолъ сатаны, отойди отъ меня!

Шурфъ. Замолчи! Замолчи! Теперь я иду къ столу защитника, ты увидишь меня тамъ. Но запомни только одно — въ рейхстагѣ не упоминается больше Лютеръ или папа, а — Германія или Римъ. И лозунги дня: — вотъ гвельфъ, вотъ гибелинъ. Это задѣваетъ твою гордость; но и она должна быть когда-нибудь побѣждена.

Лютеръ. Ты говоришь вздоръ! Чѣмъ былъ бы Лютеръ безъ своей гордости?

Шурфъ. Да, чѣмъ бы онъ былъ? Ты правъ! Будь тѣмъ, что ты есть — ты такъ хорошъ. Киваетъ ему головой и идетъ нальво.

Герольдъ. Папскій легатъ Александръ!

Александръ входитъ; приближается къ Лютеру и разсматриваетъ его въ лорнетъ. Это — богъ Лютеръ?

Лютеръ. А это — дьяволъ Александръ?

Александръ роняетъ лорнетъ и снова поднимаетъ его. Потомъ къ герольду. Нѣтъ ли у васъ намордника?

Лютеръ. Нѣтъ, но плети для собакъ имѣются! У насъ есть и кое-что получше — у насъ есть слово Божіе, не поддѣланное декреталіями и *corpus juris*’омъ; у насъ есть здравый разумъ и чувство справедливости, у насъ есть въ сердцѣ Богъ и чистая совѣсть! А что есть у васъ? Огонь

и дымъ, пустое ничто и отпущеніе грѣховъ за 10 дукатовъ! Я смѣюсь надъ вами!

Александръ. Мартинъ Лютеръ, ты заблуждаешься, обращаясь со мной какъ съ врагомъ.

Лютеръ. Только дьяволъ захочетъ имѣть васъ другомъ!

Александръ. Быть можетъ тебѣ неизвѣстно, что я отсовѣтывалъ вызывать тебя сюда?

Лютеръ. Вы это сдѣлали потому, что боялись меня!

Александръ. Да, я боялся, что ты испортишь наше, общее всему христіанству, дѣло, заключающееся въ реорганизации церкви.

Лютеръ. Что?! Развѣ у насъ есть что-нибудь общее?

Александръ. Почему ты не помогаешь намъ? Такимъ способомъ, разумѣется, чтобы мы могли совмѣстно дѣйствовать?

Лютеръ. Чтобы я помогалъ вамъ?!

Александръ. Развѣ мы служимъ не одному и тому же Богу?

Лютеръ. Я презираю вашего Бога!

Александръ. Ты кусаешься, когда тебя гладятъ.

Лютеръ. Я не принимаю никакихъ ласкъ отъ бегемотовъ и очковыхъ змѣй. Я саксонецъ изъ рода рудокоповъ и не привыкъ дѣйствовать въ перчаткахъ. Не трыяйте попусту со мною словъ; я не желаю имѣть ничего общаго съ фальшивыми друзьями, и когда меня ударяютъ по щекамъ — я кусаюсь. Мы враги! Теперь вы знаете все!

Александръ. Теперь я этому вѣрю! А теперь и ты узнаешь, что это значитъ. Не прислать ли тебѣ духовника? Идетъ надѣво.

ЛЮТЕРЪ Зачѣмъ?

АЛЕКСАНДРЪ. На случай, если у тебя есть какое-нибудь послѣднее желаніе.

ЛЮТЕРЪ растерянно молчитъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Или если ты хочешь облегчить свою совѣсть, прежде чѣмъ предстанешь передъ своимъ Судіей! Передъ Судіей, который судитъ живыхъ и мертвыхъ!

ЛЮТЕРЪ въ страхѣ. Это — смертный приговоръ?

АЛЕКСАНДРЪ утвердительно киваетъ головой и уходитъ.

ЛЮТЕРЪ. Es cadaver!

АМСДОРФЪ послѣшно подходитъ къ Лютеру. Мартинъ, твое дѣло погублено! Но есть еще спасеніе.

ЛЮТЕРЪ. Въ чемъ?

АМСДОРФЪ. Зикингенъ и фонъ-Гуттенъ собрали ратниковъ.

ЛЮТЕРЪ. Я бѣжалъ однажды и больше не сдѣлаю этого никогда. Никогда!

АМСДОРФЪ. Тебя ожидаетъ костеръ!

ЛЮТЕРЪ. Пусть даже костеръ. Мнѣ все равно.

АМСДОРФЪ. Подумай, что ты дѣлаешь!

ЛЮТЕРЪ. Прочь, искушитель! Я не желаю смерти, но, если мнѣ суждено умереть — предаю духъ мой въ руки твои, Господи Иисусе Христе, Спаситель міра. Аминь!

АМСДОРФЪ. Аминь!.. Императоръ идетъ.

ГЕРОЛЬДЪ ударяетъ о полъ жезломъ. Ландскнехты выпрямяются; двери на заднемъ планѣ раскрываются.

ИМПЕРАТОРЪ и КУРФЮРСТЪ входятъ.

ИМПЕРАТОРЪ не смотритъ на Лютера, останавливается и шепчетъ что-то на ухо курфюрсту.

КУРФЮРСТЪ подходитъ къ Лютеру. Нашъ всемилости-

вѣйшій императоръ и повелитель приказываетъ только спросить тебя: справедливъ ли распространившійся слухъ, утверждающій, что ты отречеся? Ты отречаешься?

ЛЮТЕРЪ твердо. НѢТЬ!

КУРФЮРСТЪ. Намѣренъ ли ты отречеся?

ЛЮТЕРЪ громогласно. НѢТЬ!

ИМПЕРАТОРЪ уходитъ налѣво, не взглянувъ на Лютера и не дожидаясь курфюрста.

КУРФЮРСТЪ многозначительно пожимаетъ руку Лютера и улыбаясь, шепчетъ ему что-то на ухо. Послѣ этого идетъ къ лѣвой двери, бросаетъ взглядъ въ залъ ратуши, поворачивается и дѣлаетъ Лютеру знакъ слѣдовать за нимъ. Изъ зала раздаются звуки королевскихъ фанфаръ.

ЛЮТЕРЪ твердой поступью направляется въ залъ.

КАРТИНА XIII.

Домъ родителей Лютера.

Яковъ передъ лампой рудокопа читаетъ. Ночь.

ЛЮТЕРЪ входитъ; онъ плохо одѣтъ, безъ шапки, промокшій, босой. Яковъ, не бойся, это я, твой братъ Мартинъ.

ЯКОВЪ. Боже мой, это ты?

ЛЮТЕРЪ. У меня нѣтъ крова, меня преслѣдуютъ какіе-то всадники, дай мнѣ пріютъ. Родители спятъ?

ЯКОВЪ. Вѣроятно.

ЛЮТЕРЪ. Не найдется ли у тебя глотка воды?

ЯКОВЪ. Здѣсь нѣтъ, и я боюсь сходить за водой, потому что проснись отецъ — онъ убьетъ тебя! Но откуда ты?

ЛЮТЕРЪ. Я иду изъ Вормса и направляюсь въ Виттенбергъ; по дорогѣ заблудился, и королевскіе всадники гонятся по пятамъ за мной.

ЯКОВЪ. Да, Мартинъ... ты вѣдь отлученъ отъ церкви.

ЛЮТЕРЪ. И поэтому ты не предлагаешь мнѣ сѣсть?

ЯКОВЪ. Не я... а отецъ.

Лютеръ. А, вотъ что!

Яковъ. Тихе! Я слышу его шаги! Да, это онъ! Уходи, Мартинъ, пока онъ не пришелъ...

Лютеръ. Нѣтъ, я остаюсь!

Яковъ. Онъ убьетъ тебя!

Лютеръ. Этого я не думаю.

Лютеръ отецъ входитъ слѣва, взглядываясь въ Лютера.

Лютеръ. Узнаешь меня, отецъ?

Отецъ. Да! но я не желаю знать тебя!

Лютеръ. Спасибо за это!

Отецъ. Такъ отвѣчаетъ дитя своему отцу!

Лютеръ. Я не твое дитя, потому что я вообще не дитя, но я твой сынъ, и потому ты обязанъ дать мнѣ приютъ.

Отецъ. Ты вѣренъ самому себѣ!

Лютеръ. Такъ же, какъ и ты!

Отецъ. Змѣнный твой языкъ! Будь у меня раскаленное желѣзо, я прожегъ бы тебѣ его!

Лютеръ. Дашь ли ты, наконецъ, какъ христiанинъ, приютъ чужому?

Отецъ. Да, если бы ты былъ чужой, будь ты даже турокъ! Но ты хуже язычника, потому что ты проповѣдуешь полную свободу...

Лютеръ. Я проповѣдую полную свободу! Слушай, Яковъ, и будь свободенъ!

Отецъ. Ты порваль со всѣмъ старымъ...

Лютеръ. Я порваль со старымъ! Яковъ, будь молодъ, будь новъ и живи!

Отецъ. Все, что мы уважаемъ...

Лютеръ. ...то презираемъ мы, потому что оно достойно презрѣнія и дурно!

Отецъ. Яковъ, думаешь ли ты, что у этого испорченнаго челоуѣка сохранилось хоть какое-нибудь чувство?

Лютеръ. Якову извѣстно, что когда-то у меня были чувства, но ты вышибъ ихъ изъ меня плетью, и это еще, пожалуй, было не самое худшее. Теперь я сталъ абсолютно безчувственъ, и потому никакіе удары для меня нечувствительны.

Отецъ. Тамъ твоя маты!

Лютеръ. А здѣсь мой отецъ; одно другого стоптъ! Я отлученъ отъ церкви за то, что поступалъ справедливо, и я горжусь этимъ!..

Отецъ. Ты изгнанъ! Ты свободенъ какъ птица. Въ глазахъ каждаго челоуѣка ты преступникъ, и это позоръ!

Лютеръ. Я изгнанъ?

Отецъ. Скажите, онъ этого не зналъ!

Лютеръ. Я этого не зналъ!

Отецъ. И кто дастъ тебѣ пріютъ подъ своимъ кровомъ, заплатится штрафомъ.

Лютеръ. Вотъ какъ, осужденъ на изгнаніе!

Отецъ. Я думалъ, что ты окончишь жизнь на висѣлицѣ и потому мнѣ не придется увидѣть тебя на кострѣ.

Яковъ. Отецъ, отецъ.

Лютеръ. Откровенность всегда была добродѣтелью этого дома, и, какъ видно, традиція сохранилась. Я горжусь тобой, отецъ. Будь и ты такъ же гордъ своимъ сыномъ, потому что онъ не изъ роду, а въ родѣ!

Яковъ. Мартинъ, Мартинъ!

Лютеръ. Теперь я отряхаю прахъ отъ ногъ своихъ и

желаю, чтобы ты когда-нибудь раскаялся; но я все-таки тебѣ прощаю, потому что иначе понимать ты не можешь.

Отецъ. Ты, червь, прощаешь мнѣ! Но я-то никогда тебѣ не прошу!

Лютеръ. Въ такомъ случаѣ ты язычникъ.

Отецъ молчитъ.

Лютеръ. Я могъ бы поклясться, что ты не презираешь меня, единственнаго, который осмѣливался смотрѣть тебѣ прямо въ глаза. Теперь я ухожу навстрѣчу ночи, непогодѣ и мраку лѣсовъ, въ руки королевскихъ солдатъ!

Отецъ. Хорошо, отправляйся хоть въ преисподнюю, откуда ты пришелъ!

Лютеръ. Bravo! Я желалъ бы пожать твою руку!

Отецъ. Стыдись!

Лютеръ. Каковъ отецъ, таковъ и сынъ!

Отецъ смѣется. По чести, ты мой сынъ! Давай руку!

Лютеръ подаетъ ему руку. Твердость противъ твердости, какъ клинокъ саксонской стали!

Отецъ. Теперь садись и будь человѣкомъ!

Лютеръ. Нѣтъ, благодарю, отецъ, меня ждутъ въ гостиницѣ друзья. Я только хотѣлъ пожать твою руку. Поклонись матери и поцѣлуй ее въ губы! Да хранить Господь васъ всѣхъ, нашъ домъ и меня! Уходить.

КАРТИНА XIV.

Въ Вартбургѣ.

Кабинетъ Лютера. На заднемъ планѣ открытая дверь въ его спальню, сквозь которую видно какъ онъ (подъ именемъ юнкера Георга) безпокойно ходитъ взадъ и впередъ. Ночь.

БЕРЛЕПШЪ дремлетъ на стулѣ. Дворцовые часы бьютъ три.

ГОФМЕЙСТЕРЪ входитъ, къ Берлепшу. Вы спите, капитанъ?

БЕРЛЕПШЪ. Нѣтъ! Кто здѣсь можетъ спать?

ГОФМЕЙСТЕРЪ. А безпокойный гость этотъ докторъ!..

БЕРЛЕПШЪ. Говорите «юнкеръ», чтобы привыкнуть!

ГОФМЕЙСТЕРЪ. Спалъ онъ эту ночь?

БЕРЛЕПШЪ. Нѣтъ; онъ молится, громко разговариваетъ съ самимъ собой, и можете себѣ представить—даже съ кѣмъ-то сражается.

ГОФМЕЙСТЕРЪ. Да! Онъ боленъ и галлюцинируетъ. Долго ли мы еще будемъ возиться съ нимъ?

БЕРЛЕПШЪ. Я не знаю этого; вы не знаете, онъ не знаетъ. Никто не знаетъ! Онъ самъ не знаетъ, заключенный онъ или нѣтъ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ. Такъ было угодно премудрому курфюрсту. Медвѣдя надо было связать и дать ему остынуть,

впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Поправился ли онъ за эти девять мѣсяцевъ?

Берлепшъ. Развѣ уже прошло девять мѣсяцевъ? Въ такомъ случаѣ у него было достаточно времени, чтобы вновь родиться, и это не мѣшало бы на самомъ дѣлѣ.

Гофмейстеръ. Не думаете ли вы, что его безпокоитъ полная неизвѣстность о томъ, что творится на свѣтѣ, неизвѣстность, происходящая отъ утаиванія нами его корреспонденціи?

Берлепшъ. Вѣдь таковъ былъ планъ: дать ему полный покой для того, чтобы онъ могъ закончить переводъ библии. О! Курфюрстъ необыкновенно мудръ!

Гофмейстеръ. Но что будетъ, когда онъ узнаетъ какъ много перемѣнъ произошло со времени рейхстага въ Вормсѣ?

Берлепшъ. Не пожелалъ бы я тогда быть близко отъ него! Въ этомъ человѣкѣ таится такая страшная сила, что я иногда не безъ тревоги поглядываю на своды, держатся ли они еще.

Гофмейстеръ. Если онъ еще разъ будетъ выпущенъ, о! если онъ будетъ выпущенъ!

Берлепшъ. Слыхали ли вы о дикомъ предложеніи папистовъ: напустить Далилу на этого Самсона?

Гофмейстеръ. На него? Да онъ справится съ полдюжиной Далилъ! Впрочемъ, онъ на нихъ не смотритъ.

Берлепшъ. Онъ освободилъ изъ монастыря монахинь и размѣстилъ ихъ по квартирамъ въ Виттенбергѣ.

Гофмейстеръ. Да, этотъ человѣкъ прошелъ черезъ все и своимъ перомъ онъ сумѣлъ бы защитить эту крѣпость лучше, чѣмъ это сдѣлали бы наши осадныя пушки.

Берлепшъ. Если бы онъ сознавалъ свою силу, если бы онъ зналъ, чего онъ уже достигъ!

Гофмейстеръ. Кажется порою онъ это подозрѣваетъ и въ такія минуты онъ похожъ на Моисея, когда онъ хотѣлъ увидѣть Бога. Раздаются звуки рога.

Берлепшъ. Посѣтитель, среди ночи!

Гофмейстеръ. Подъемный мостъ спускается! Должно быть кто-нибудь отъ курфюрста. Мнѣ надо, пожалуй, пойти навстрѣчу. Уходить.

Берлепшъ. Не возьмете ли съ собой свѣчу?

Гофмейстеръ. Нѣтъ, благодарю, уже свѣтаетъ. Уходить.

Лютеръ входитъ, оглядываясь.

Берлепшъ. Вы не можете уснуть, г-нъ юнкеръ?

Лютеръ. Нѣтъ, я читалъ Іова. «Развѣ я море или морское чудовище, что ты такъ охраняешь меня? Когда я думаю: постель моя меня утѣшитъ, ложе мое облегчитъ мое горе—ты начинаешь пугать меня снами и приводишь въ ужасъ такими видѣніями, что душа моя и тѣло жаждутъ смерти...» Скоро ли утро?

Берлепшъ. Скоро, докторъ, скоро!

Лютеръ. Мнѣ очень жаль, что вы вынуждены не спать.

Берлепшъ. Это ничего не значить, ничего!

Гофмейстеръ входитъ. У насъ гости!

Берлепшъ. Кто это?

Гофмейстеръ. Бенедиктинскій монахъ съ письмомъ отъ курфюрста!

Берлепшъ. Къ кому?

Гофмейстеръ. Къ юнкеру Георгу! И вмѣстѣ съ тѣмъ съ частнымъ устнымъ сообщеніемъ.

Берлепшъ. Можно ему довѣриться?

Гофмейстеръ. У него есть полномочія.

Берлепшъ. Тогда впустите его.

Гофмейстеръ впускаетъ бенедиктинца.

Берлепшъ. Добро пожаловать, братъ! Юнкеръ здѣсь. Монаху. Будьте осторожны въ своихъ рѣчахъ, докторъ боленъ. Прощайте!

Берлепшъ и Гофмейстеръ уходятъ.

Бенедиктинецъ. Они не будутъ подслушивать?

Лютеръ. Нѣтъ, это честные люди.

Бенедиктинецъ. Теперь узнаете меня?

Лютеръ. Вы докторъ Иоганнесъ. Что вамъ угодно?

Докторъ Иоганнесъ. Я привезъ незначительное письмо отъ курфюрста только для того, чтобы имѣть случай говорить съ вами.

Лютеръ. Дайте сюда письмо.

Д-ръ Иоганнесъ. Въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, а время дорого...

Лютеръ, пробѣгая письмо. Садитесь!

Д-ръ Иоганнесъ садится.

Лютеръ садясь. Начнете вы или я?

Д-ръ Иоганнесъ. Начинайте!

Лютеръ. Скажите: заключенный я или нѣтъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Вы гость курфюрста и никогда никѣмъ другимъ не были.

Лютеръ. Хорошо! Теперь дѣло начинается.

Д-ръ Иоганнесъ. Много событій отдѣляетъ насъ отъ того времени, когда я въ библиотекѣ далъ вамъ въ

руки библию и въ монастырѣ указаль вамъ на сочиненія Гуса!

Лютеръ. Однимъ пальцемъ вы участвовали въ моей судьбѣ, я не могу отрицать этого! Кто вы?

Д-ръ Иоганнесъ. Вы это знаете! Я — докторъ Иоганнесъ Фаустъ, который больше другихъ жилъ и изучаль, а потому слыву за колдуна.

Лютеръ. Вы читаете въ будущемъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Кто этого не дѣлаетъ! Докторъ Рейхлинъ, напримѣръ, большой кабалистъ...

Лютеръ. Это дьявольское дѣло, и я не хочу о немъ слушать.

Д-ръ Иоганнесъ. Знаете ли вы настоящее положеніе дѣлъ въ Германіи?

Лютеръ. Я — мертвый человѣкъ!

Д-ръ Иоганнесъ. Вы были имъ одинъ моментъ, пока былъ живъ папа Левъ X.

Лютеръ. Развѣ онъ умеръ?

Д-ръ Иоганнесъ. Вы этого не знали?

Лютеръ. Нѣтъ!

Д-ръ Иоганнесъ. Вы не знаете? Значить это скрыли отъ васъ?..

Лютеръ. Должно быть такъ. Кто же теперь папа?

Д-ръ Иоганнесъ. Адрианъ VI.

Лютеръ. Что это, птица или рыба?

Д-ръ Иоганнесъ. Онъ былъ наставникомъ императора и другомъ Эразма; а теперь онъ пытается реформировать церковь.

Лютеръ. Что, папа желаетъ реформировать?

Д-ръ Иоганнесъ. Да, гордитесь папой, который собирается совершить ваше дѣло.

Лютеръ. Но я самъ хочу совершить его!

Д-ръ Иоганнесъ. Докторъ Лютеръ, ваше положеніе не хуже того, которое занимаетъ папа въ Римѣ.

Лютеръ. Въ такомъ случаѣ я лучше буду профессоромъ въ Виттенбергѣ. Итакъ, значитъ все дѣло будетъ испорчено, или уже испорчено?

Д-ръ Иоганнесъ. Совсѣмъ нѣтъ! Ваше дѣло внѣ опасности, и курфюрсты взяли его въ свои руки; они служатъ вамъ!

Лютеръ. Есть вещи, о которыхъ мнѣ ничего неизвѣстно. Гдѣ императоръ? Воздвигъ ли онъ костры, какъ похвалялся?

Д-ръ Иоганнесъ. Послѣ Вормса императоръ покнулъ Германію.

Лютеръ. Послѣ Вормса?

Д-ръ Иоганнесъ. Да. Въ то время вспыхнуло возстаніе въ Испаніи и началась война съ турками, а теперь у него на шеѣ Францъ I; такимъ образомъ въ Германіи всякій творить, что угодно. Безпрепятственно читаются и продаются сочиненія Лютера, и никто не вспоминаетъ объ его отлученіи отъ церкви и изгнаніи.

Лютеръ встаетъ. Пути Господни неисповѣдимы. Господь управляетъ нашей судьбой, мы же только жалкіе паяцы и скоморохи! Рассказывайте дальше! Дальше! Это точно сказка.

Д-ръ Иоганнесъ. Такъ вотъ: монастыри открыты, монахи работаютъ и священники женятся!

Лютеръ. Богъ всемогущъ! Богъ великъ и милостивъ, а я жалкій червь!.. Дальше!

Д-ръ Иоганнесъ. Карлштадтъ женился, Фридрихъ взялъ себѣ жену...

Лютеръ. Карлштадтъ? Иуда? Что онъ дѣлаетъ?

Д-ръ Иоганнесъ. Сейчас мы пойдемъ къ нему! Разсматривая все въ общемъ, можно такъ сказать: дѣло выиграно, и вся Германія свободна!

Лютеръ. О, Боже! Благодарю тебя! О, я неблагодарный олухъ! Но почему меня держали въ невольнѣннѣи? Я здѣсь томился и ропталъ, какъ дѣти Израиля!

Д-ръ Иоганнесъ. Теперь я перейду къ затрудненіямъ. Вамъ предстоитъ побѣдить нѣкоторыя трудности.

Лютеръ. Я готовъ!

Д-ръ Иоганнесъ. Что ваше ученіе будетъ искажено, и великое слово свободы невольнѣрно истолковано — я предвидѣлъ, но вы не ожидали этого.

Лютеръ. Говорите!

Д-ръ Иоганнесъ. Да, въ Виттепбергѣ появились пророки, которые, опираясь на библію и ваши сочиненія, подобно дикарямъ нападаютъ и нарушаютъ церковную службу, грабятъ церкви и живутъ, какъ язычники.

Лютеръ. Это, конечно, дѣло рукъ Искаріота Карлштадта!

Д-ръ Иоганнесъ. Да, онъ стоитъ во главѣ. Но это движеніе опасно для великаго дѣла, и потому курфюрстъ снова призываетъ васъ, чтобы проповѣдывать противъ этихъ изувѣровъ, то-есть, до извѣстной степени, противъ самого себя.

Лютеръ. Противъ самого себя?

Д-ръ Іоганнесь. Да, до извѣстной степени.

Лютеръ. Но я никогда такъ не смотрѣлъ на дѣло!

Д-ръ Іоганнесь. Разумѣется нѣтъ, но они-то такъ поняли ваши слова! Разоблачите ихъ! При этомъ у васъ будетъ удобный случай нѣсколько провѣрить и пересмотрѣть свои положенія

Лютеръ. Я ринусь на нихъ и накажу ихъ; я хочу ударить, какъ громъ среди бѣлаго дня, и подкрасться ночью, какъ тать; я хочу крикнуть на нихъ, какъ можетъ это сдѣлать самая сильная глотка во всей Германіи. Я пригвозжу ихъ лживые языки и разнесу ихъ вдребезги... но... могу ли я выйти отсюда?

Д-ръ Іоганнесь. Двери открыты! Солнце восходитъ!

Лютеръ. Я могу выйти? я свободенъ!.. «Благодарю тебя, Господи, за то, что Ты разгнѣвался на меня, твой гнѣвъ исправилъ и усмирилъ меня». Вы послѣдуете за мной?

Д-ръ Іоганнесь. Нѣтъ, докторъ. Теперь наши пути расходятся! Дитя произведено на свѣтъ; теперь на васъ лежитъ забота воспитать его. Это долгій и утомительный трудъ. Я былъ только повитухой.

Лютеръ. Поступайте, какъ знаете; благодарю васъ за помощь!

Д-ръ Іоганнесь. Не стоитъ... Теперь живите въ настоящемъ; я же ухожу впередъ, навстрѣчу неизвѣстному грядущему, которое, вѣроятно, будетъ походить на это, хотя и не повторится вполнѣ.

Лютеръ. Смотрите: вотъ солнце восходитъ надъ Тюренгеномъ!

Д-ръ Іоганнесь. Нѣтъ, надъ всей Германіей!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Легенды	I
Виттенбергскій соловей	193
